

К.И. ПЕТРОВ

Очерки

ФЕОДАЛЬНЫХ
ОТНОШЕНИЙ
У КИРГИЗОВ
В XV-XVIII ВЕКАХ

АКАДЕМИЯ НАУК КИРГИЗСКОЙ ССР

ПЕТРОВ К. И.

ОЧЕРКИ ФЕОДАЛЬНЫХ
ОТНОШЕНИЙ У КИРГИЗОВ
в XV—XVIII вв.

Отв. редактор
заслуженный деятель наук РСФСР
проф. Б. К. ПАШКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН КИРГИЗСКОЙ ССР
Фрунзе 1961

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского Совета
Академии наук Киргизской ССР*

ВВЕДЕНИЕ

Научно-историческая литература по истории народа тянь-шаньских киргизов с древнейших времен до XIX в. в настоящее время исчерпывается фактически двумя работами: брошюрой известного ученого-востоковеда акад. В. В. Бартольда и коллективным трудом «История Киргизии»¹.

Поскольку В. В. Бартольд, писавший брошюру по заданию Академического центра Наркомпроса Киргизской ССР, не занимался специально историей киргизов, то он, как осторожный исследователь, ограничился в основном критическим изложением известных в его время и собранных лично им в средневековых источниках общих сведений о киргизах. Изложение отдельных событий и эпизодов из истории тянь-шаньских киргизов он начал с XVI в. Дальнейшему периоду — до начала XIX в. — посвящалось девять страниц². Таким образом, история народов Тянь-Шаня, в том числе киргизов, до XVI в. в брошюре не была затронута; последующая историческая жизнь их получила в общем фрагментарное описание.

«История Киргизии» мало отличается в этом отношении от работы В. В. Бартольда. Четвертая глава ее, объемом в 36 стр., посвященная истории «киргизов и Киргизстана под игом монгольских, джунгарских и кокандских завоевателей в XIII — XVIII вв.»³, в основном повторяет тот же очерк Бартольда и отчасти — его «Очерк истории Семиречья»⁴.

В других работах, касающихся тянь-шаньских киргизов в связи с этнографическими, фольклорными, лингвистическими и прочими проблемами, о культурно-исторической жизни этого народа до XVI в. высказываются лишь гипотезы, о жизни в

¹ Бартольд В. В. Киргизы (исторический очерк). Фрунзе, 1927, 57 страниц. «История Киргизии», т. 1—2, Фрунзе, 1956.

² Бартольд В. В. Указан. соч., стр. 34—40 и 46—47.

³ История Киргизии, т. I, стр. 148—184.

⁴ Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. Фрунзе, 1943.

период XVI—XVIII вв. — отдельные случайные замечания. Таким образом, в науке пока еще нет ни концепции о жизни тянь-шаньских киргизов как народа до XVI в., ни систематического описания его общей истории с XVI по XIX в.

Примерно в аналогичном положении находится и источниковедение. Со времени Бартольда не было введено в науку ни одного сколько-нибудь серьезного источника или хотя бы даже отдельного, более или менее важного сообщения средневековых авторов¹.

Такое состояние науки ставило перед автором настоящей работы большие трудности, казавшиеся порою неразрешимыми; они усугублялись и осложнялись, кроме того, рядом других обстоятельств.

Настоящая работа написана по тематическому плану 1957—59 гг. Института истории Академии наук Киргизской ССР. Первоначально она планировалась объемом в 10 печатных листов, для двух исполнителей. Но в силу сложившихся обстоятельств автору пришлось работать одному. По замыслу автора, она является продолжением двух работ: исследования, издаваемого одновременно с ней, под названием «К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношений с ойратами в XIII—XV вв.» и работы «Киргизско-кыпчакские отношения и этногенез киргизов», которая подготовлена к печати.

Общая концепция происхождения, формирования, движения киргизов на Тянь-Шань, их взаимоотношений с определенными странами и народами, сформулированная в этих работах, является отправной для настоящей работы, рассматривающей социально-экономическую жизнь в последующий период. Настоящие очерки представляют собою дальнейшее развитие концепций и идей, изложенных в первой работе, хотя культурно-историческая жизнь киргизов освещается в них в другом аспекте.

Согласно указанной концепции, тянь-шаньские киргизы как народность сформировались на основе трех главных этнических массивов. Первый составляло местное европеоидное население Тянь-Шаня домонгольского времени, преимущественно карлуко-уйгурское. (Его состав рассматривается нами в исследовании «Проблемы этногенеза и истории киргизов X—XVIII вв.», над которым мы работаем в настоящее время). Вторым массивом-потокм явились монгольские племена, прибывшие на Тянь-Шань при Чингиз-хане в составе улусов Чагатай, Угэдэя и при их ближайших пре-

¹ Исключение могли бы составить разве недавно выявленные некоторые сведения в ранее известном сочинении Сейф ад-дина «Маджму ат-таварих». Но они, как легендарные, мало достоверны и имеют значение в основном для изучения эпоса.

емниках, а также при преемниках Джучи. Третий (основной) массив-поток составляли физически монголоидные тюркоязычные племена Иртышско-Енисейского междуречья, которые, хотя в совокупности именовались киргизами, но не представляли сформировавшуюся народность, а также близко родственные им кыпчакские племена того же междуречья и соседних областей Дешт-и Кыпчак¹. Перемещение этого потока за Иртыш, в Иртышско-Илийское междуречье, началось со времени разгрома Чингиз-ханом найманов².

В культурно-исторической жизни тянь-шаньских киргизов XIV—XVIII вв. можно различать два важных, качественно отличающихся один от другого, периода.

Первый — период консолидации местного тюркоязычного населения домонгольского времени, монгольских племен и накопившихся к середине XIV в. в Восточном Тянь-Шане киргизских племен, прибывших сюда ранее из Иртышско-Енисейского междуречья (Саяно-Алтайского района). Он продолжался примерно с середины XIV в. до середины XVI в., причем консолидация протекала с тенденцией к ассимиляции последними монголов, перемещивавшихся еще с начала XIII в. с местным тюркоязычным населением Тянь-Шаня. Процесс ассимиляции монголов прогрессировал по мере перемещения киргизских кочевых племен из Восточного Тянь-Шаня, особенно при массовом распространении их по Тянь-Шаню в XV в. Со второй половины XVI в. процесс ассимиляции принял такие размеры, что монголы в течение двух последующих столетий подверглись полному отюречиванию-окиргизиванию во всех отношениях. Конец XVIII в. явился временем завершения формирования киргизской народности на основе трех указанных этнических массивов.

Таким образом, процесс формирования киргизов и их территориально-государственные отношения в XV—XVI вв. отличались от того же процесса у соседних с ними узбеков тем, что киргизские кочевые племена, распространившиеся с середины XIV в. из Или-Иртышского междуречья, ассимилировали местное монголо-тюркское кочевое население Тянь-Шаня, в то время как нахлынувшие несколько позже (в конце XV — начале XVI в.) в Мавераннахр из Дешт-и Кыпчак кыпчакско-узбекские кочевые племена шейбанидов сами были ассимилиро-

¹ Под Иртышско-Енисейским междуречьем подразумевается территория между сближающимися верховьями Иртыша (включая (Черный Иртыш) и Енисея, ограничиваемая на юге по линии оз. Кыргыз-нор, на севере по линии Красноярск—Новосибирск—Бараба, т. е. нагорная область Алтая—Саян — Танну-ола размером примерно 800 на 800 км.

² Под Иртышско-Илийским междуречьем подразумевается область между Иртышом (включая Черный Иртыш) и рекой Или, именуемая иногда Джунгарией.

ваны местным оседло-земледельческим тюркоязычным населением Мавераннахра.

Эти особенности наложили свой отпечаток на все стороны как территориально-государственных, так и общественно-экономических отношений киргизов рассматриваемого периода.

Освещение территориально-государственных отношений в работе является не самоцелью, но средством исследования других проблем. Некоторые детали и подробности, касающиеся их, не были бы необходимыми, если бы в исторической литературе имелись какие-либо специальные работы по общей истории, передвижению и по окончательному расселению киргизов в этот период. Но, как отмечено, ни одной такой работы нет. Поэтому автор вынужден касаться вопросов, которые при ином состоянии разработанности истории киргизов можно было бы не затрагивать. В частности, во многих случаях затрагиваются вопросы, связанные с передвижениями отдельных племен. Наблюдения над систематическими передвижениями киргизских племен на большие расстояния, связанные с изменениями территориально-государственных и этнических отношений, позволяют сделать определенные заключения как о хозяйстве, так и формах землевладения киргизов.

Исследования ряда других проблем, например, вопросов государственного устройства, даются тоже на основе наблюдений над территориально-государственными отношениями киргизов, потому что прямых сообщений в источниках встречается очень мало.

Поскольку предлагаемые очерки являются первой специальной работой как в области социально-экономических отношений, так и вообще по истории тянь-шаньских киргизов XV—XVIII вв., автор их не мог рассчитывать на исчерпывающую разработку отдельных проблем, но ставил своей задачей прежде всего выяснить общие закономерности в развитии хозяйства, отношений собственности, государственного устройства и других сторон общественно-экономической и государственной жизни киргизского народа на отдельных этапах с выделением наиболее характерных явлений, дальнейшее изучение которых было бы перспективным с точки зрения выявления характерных особенностей феодальных отношений у киргизов. По причине той же неизученности общей культурно-исторической жизни и государственного развития киргизов автор считал преждевременным оперировать некоторыми отмечаемыми им специфическими особенностями, противопоставлять их каким-либо кажущимся иными явлениям у родственных народов или, напротив, отождествлять таковые.

ГЛАВА I

ОЧЕРК ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ КИРГИЗОВ В XIII—XVIII вв.

§ 1. ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ КИРГИЗСКИХ И МОНГОЛЬСКИХ ПЛЕМЕН ТЯНЬ-ШАНЯ

В XIII — СЕРЕДИНЕ XVI в.

Пятнадцатое столетие явилось в истории киргизского народа особенно знаменательным периодом. В конце этого века в основном завершилось объединение местного населения Тянь-Шаня домонгольского времени и киргизских и монгольских племен, которые в процессе дальнейшего культурно-исторического развития составили киргизскую народность.

Как указано, монголоязычные племена, участвовавшие в этом процессе, являлись потомками тех монголов, которые прибывали с начала XIII в. на Тянь-Шань с войсками Чингиз-хана в составе улусов Чагатай и Угэдэя и при их ближайших преемниках¹. Массив киргизских племен состоял тоже из физически монголоидных, но тюркоязычных выходцев Иртышско-Енисейского междуречья (Саяно-Алтайского района), именовавшихся с домонгольского времени (до XII в.) «киргизами», и этнически близко родственных им племен кыпчакских соседних областей². Массовое движение последних на юг и юго-запад — в Иртышско-Илийское междуречье (Притяньшанье), начавшееся со времени разгрома найманов Чингиз-ханом, завершилось к концу XV в. распространением их по всему Тянь-Шаню, слиянием с местным монголо-тюркским населением и ассимиляцией в языковом отношении монголоязычных племен.

¹ В дальнейшем именуется племенами второго массива-потока или тянь-шаньскими монголами. К ним относятся также монгольские племена, перемещавшиеся на Тянь-Шань через Енисейско-Иртышское междуречье вместе с киргизскими племенами, т. е. из состава улуса старшего сына Джучи, Орды.

² Наименование племен этого массива-потока (третьего потока) «киргизами» употребляется нами везде условно, поскольку они, как «енисейские киргизы» в совокупности не представляли сформировавшейся народности, а по отношению к будущим тянь-шаньским киргизам являлись лишь одним из компонентов.

Во взаимоотношениях племен второго и третьего потоков было два этапа. Примерно до конца XIII в., пока господствовавшие на Тянь-Шане монгольские племена сохраняли тесные связи с Монголией и пополнялись за счет ее населения, а переместившиеся в Иртышско-Илийское междуречье (Притянь-шанье) тюркоязычные выходцы Саяно-Алтайского района (Енисейско-Иртышского междуречья) сохраняли связи с населением последнего, взаимоотношения между ними были аналогичны тем, какие существовали вообще между монголами и подчиненными им другими тюркоязычными народами. С конца XIII — начала XIV в. эти взаимоотношения стали меняться. Задержавшиеся навсегда на Тянь-Шане монгольские племена стали, с одной стороны, утрачивать связи с населением собственно Монголии, с другой стороны, — перемешиваться с местным тюркоязычным населением Тянь-Шаня и, что еще важнее, с так называемыми киргизскими племенами, притекавшими из Иртышско-Енисейского междуречья. Конечным результатом этого процесса явилось, как указано, их полное слияние и формирование киргизской народности¹.

Поскольку тянь-шаньские монголы, господствовавшие с XIII по XVI в. над прочими племенами Тянь-Шаня, явились, таким образом, одним из составных компонентов киргизской народности, их история является частью истории киргизского народа, а отношения киргизских и прочих племен Тянь-Шаня с их ханами и сеньорами как с верховными собственниками земли, распоряжавшимися пастбищными территориями и охотничьими угодьями, представляли собою звено в феодальных отношениях всего формировавшегося народа.

Характерно, что общественные отношения у тянь-шаньских монголов были сравнительно более развитыми, чем у киргизских племен. В то время как у тянь-шаньских монголов феодализм в XIV—XV вв. был в расцвете, притекавшие в этот период на Тянь-Шань киргизские племена второго потока еще не достигли этой стадии. Поэтому дальнейшее развитие у них феодализма должно было идти под воздействием тянь-шаньских монголов более быстрыми темпами и в обстановке феодальной раздробленности, обуславливавшейся наличием последней у монголов, господствовавших до начала XVI в. на Тянь-Шане.

¹ Принимая во внимание характер указанных отношений на втором этапе, мы в дальнейшем именуем монгольские племена, навсегда задержавшиеся на Тянь-Шане и вошедшие в состав киргизов, тянь-шаньскими монголами, или моголами (под этим именем они фигурируют у некоторых авторов), хотя употребление последнего этнонима для обозначения особой ветви монголов на Тянь-Шане неправильно, т. к. он представляет собою передачу в мусульманских сочинениях обычного этнонима «монгол» с пропуском в новом «нг» первого элемента (н), т. е. могол.

Как отмечалось, в науке до сих пор не было единства мнений о местонахождении тянь-шаньских киргизов до XII в. Никто не ставил вопроса о роли племен тянь-шаньских монголов в этногенезе и общественно-экономической жизни киргизской народности.

Ввиду того, что исследование последнего вопроса, осложняющееся скудностью источников, является делом чрезвычайно трудным, настоящая работа не преследует цели подробного освещения его. В задачу автора входит прежде всего освещение общих условий, при которых складывались взаимоотношения киргизских племен и тянь-шаньских монголов в конце XIV—XV вв. Разработка их дается в других упомянутых наших работах.

Тюркоязычные племена третьего (основного) массива, определившие этнический облик тянь-шаньских киргизов как народности, накануне возвышения монголов проживали в Иртышско-Енисейском междуречье (в Саяно-Алтайском районе) севернее найманов. Хотя они в совокупности именовались «киргизами», или «киргизскими», но в общем не представляли собою сформировавшуюся народность, как не представляли ее и более или менее устойчивые отдельные родо-племенные объединения соседних народов: на юго-востоке — соседних монголоязычных ойрат-монголов, на западе и юго-западе — тюркоязычных кимаков, входивших вместе с некоторыми «киргизскими» племенами в обширное кыпчакское объединение. Многие из них занимали промежуточное положение между «киргизами» и последними. В местности Кыркархан, или Кыркара (Каркархан, Каркара), Прииртышско-Алтайского района, вперемежку с кимаками (восточной ветвью кыпчаков) проживали племена, походившие «по нравам на киргизов»¹. Отсюда вышло, как видно из преданий XVI в., записанных в сочинении Сейф-ад-дина Ахсенкенди «Маджму ат-таварих», дружина главного киргизского богатыря Манаса, состоявшая из каркаринцев-кыпчаков. По нашему мнению, в числе их были подразделения правого крыла современных киргизов². В соседней области проживало «другое племя (касим-кистим) из киргизов. Речь их была ближе к карлукской, а их одежда такая же, как у кимаков»³.

¹ Худуд ал-Алам. Рукопись Туманского, изд. В. В. Бартольд, Л., 1930, л. 18-б.

² См. указан. работы К. И. Петрова. «К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их отношений с ойратами в XIII—XV вв.» и «Киргизско-кыпчакские отношения и этногенез киргизов».

³ Худуд ал-Алам, л. 17-б.

Из восточных киргизских племен в местности Баргуджин Токум проживало племя фури (кори), которое не смешивалось «с другими киргизами»¹. Отсюда вышло основное ядро (булагачи и кэрэмучи) группы ичкилик тянь-шаньских киргизов².

Накануне возвышения монголов объединение булагачи и кэрэмучи жило в Приенисейском районе «в пределах Баргуджин Токум и у самого края страны киргизов... (они) были близки друг другу»³. Кроме булагачинов и кэрэмучинов, в Баргуджине проживали племена баргу (т), кори и толес. «Эти племена близки друг с другом. Их называют баргутами вследствие того, что их стойбища и жилища на той стороне (левой. — К.П.) р. Селенги, на самом краю местностей и земель, которые населяли монголы и которые называют Баргуджин Токум. В тех пределах сидело множество племен: ойрат, булагачин, кэрэмучин и другое племя, которое они называют хойин-урянка, — также было близко к этим границам. Чингиз-хан покорил всех их...»⁴. «Одна сторона области киргизов и Кэм-Кэмджунта, — говорится в том же источнике, — соприкасается с местностями и горами, где сидят племена найманов. Племена кори, баргу и байаут, из коих некоторые суть монголы и обитают в местности Баргуджин Токум, также близки к этой области. В этих областях много... селений и кочевники многочисленны»⁵.

По соседству с предками ичкиликов проживало также значительное число предков левого крыла тянь-шаньских киргизов, состоящего в близком родстве с теленгутами, о чем говорит указание автора XVII в. Махмуда-ибн-Вели. Имея в виду теленгутов, кис(и)тим (касим) и урасутов, он писал: «Хотя туман по внешнему облику походит на монголов, но (они) не происходят из этого народа; их называют лесным племенем, т. к. место их... в лесах между племенем (тейфе) баргу и киргиз. Некоторые из (их) уругов ранее подчинялись Чингиз-хану. Ныне они входят в киргизский ниль»⁶.

«Лесными» племенами, или народами, монголы именовали не только киргизские, но и все соседние тюркоязычные и мон-

¹ Худуд ал-Адам, л. 17-б.

² См. главу пятую настоящей работы.

³ Рашид ад-дин. «Сборник летописей», М., 1952, т. 1, стр. 121.

⁴ Рашид ад-дин, указан. соч., кн. 1, стр. 121.

⁵ Рашид ад-дин, там же, стр. 150.

⁶ Махмуд-ибн-Вели, Бахр-уль-Асрар. Фотокопия рукописи ЛО ИВ АН, FB-82, л. 4-б (по переводу Н. Н. Туманович). Об отношении к левому крылу см. указан. работу Петрова «К истории движения»...

голаязычные племена, проживавшие в Енисейско-Иртышском междуречье и сопредельных областях¹.

По первоначальному распоряжению Чингиз-хана все покоренные «лесные» народы Енисейско-Иртышского междуречья в 1206 г. были переданы во владение четвертого нойона-тысячника баарина Хорчи. «Пусть Хорчи ведает не только тремя тысячами бааринцев, — повелел Чингиз-хан, — но также пополненными до тьмы адаркинцами, чиносцами, тоолесами и теленгутами, совместно, однако, с (тысячниками) Тахаем и Ашиком. Пусть невозбранно кочует по всем кочевьям вплоть до при-Эрдышских лесных народов, пусть он также начальствует над Тьмою лесных народов. Без разрешения Хорчи лесные народы не должны иметь права свободных передвижений. По поводу самовольных переходов — нечего задумываться!»².

Таким образом, лесные народы, в том числе кыпчакские и киргизские племена второго потока, были переданы во владение нойона баарина Хорчи, который вместе с улусом-народом получал определенный юрт для обеспечения выделенных ему скотоводов-кочевников пастбищами, охотничьими угодьями и пр.³ Основным ядром его улуса были три «тысячи» баарин из числа монгольских племен. Как вассал Джучи и всемонгольского хана, он являлся верховным владельцем указанных земель. Адаркинцы, чиносцы, толесы, теленгуты и прочие лесные народы, включая смешанные киргизско-кимацкие (кыпчакские) племена Прииртышско-Алтайского р-на, могли пользоваться пастбищами и угодьями лишь при условии несения определенных феодальных повинностей в пользу сеньора (поставка воинов в «тьму» лесных народов и пр.), причем последний имел права на их переселения.

При выделении Чингиз-ханом улусов сыновьям все киргизско-кыпчакские «лесные» народы Енисейско-Иртышского междуречья и Дешт-и Кыпчак были переданы во владение старшему сыну — Джучи. Затем, когда Джучи умер, Чингиз-хан передал их старшему сыну Джучи, Орде, явившемуся основателем фактически независимого улуса Ак-Орда⁴. Второму сыну Джучи, Батыю, формально объявленному главой Джучи-

¹ «Лесных племен множество, — писал Рашид ад-дин, — потому что из одной племенной отрасли у одного брата юрт был вблизи леса, а у другого на равнине; происшедшие же от них племена получили два имени. От леса до леса бывает расстояние месяц пути». Рашид ад-дин, указан. публ., т. 1, кн. 1, стр. 123.

² Козин С. А. Сокровенное сказание, т. 1, М., 1941, § 207.

³ О порядке выделения улусов и юртов нойонам-тысячникам см.: Б. Я. В л а д и м и р ц о в. Общественный строй монголов. Л., 1934, стр. 111.

⁴ Как старший Орда имел под своим началом четырех младших братьев: уделы которых впоследствии слились с его улусом, именно: Шингкура, Удугура, Тука (Бука) Тимура и Сингкума.

чиева улуса, предназначались западные земли Дешт-и Кыпчак, которые предполагалось завоевать объединенными силами империи. По завоевании их в 30-х годах XIII в. Батый основал там фактически независимое государство, известное впоследствии под названием Кок-Орда, или «Золотая Орда».

Дальнейшие судьбы кыпчакско-киргизских племен Енисейско-Иртышского междуречья были тесно связаны с улусом Орды, юрт которого первоначально был на Иртыше, затем, в 40-х годах XIII в., перемещался в Иртышско-Илийское междуречье до Эмиля¹.

Второй сын Чингиз-хана, Чагатай, получил территорию Тянь-Шаня. Третий сын, Угэдэй, получил центральные и восточные области Или-Иртышского междуречья. (Ставка на Эмиле)².

По смерти Чингиз-хана эти царевичи, став фактическими верховными собственниками отведенных им земель (юртов)³, передавали их в условное владение вассалам; последние, в свою очередь — зависимым от них монгольским кочевым аильно-родовым общинам или местным родо-племенным подразделениям.

Приведенные Угэдэем и Чагатаем в Восточный Тянь-Шань указанные юрты монголов-скотоводов, пополнявшиеся при ближайших преемниках Чагатая и Угэдэя и Орды новыми выходцами из Монголии, составили основную массу второго потока. При распространении по Тянь-Шаню монголы частично вытеснили местное тюркоязычное население в Западное При-тяньшанье (Мавераннахр), а с оставшимися племенами стали перемешиваться.

Угэдэй с восшествием на престол всемонгольского хана стремился присоединить к своему коренному юрту некоторые Прииртышские области. После ханствования его сына, Гуюк-хана (1246—1248), по смерти которого начались преследования угэдэевичей и лишение их уделов, некоторые области Иртышско-Енисейского междуречья перешли во владение младшего сына Тулуя, Арик Буки, летнее становище которого было на Алтае, зимнее — «в области киргизов», причем расстояние между ними было в три дня пути⁴.

¹ Обстоятельства перемещения кыпчакско-киргизских племен улуса Орды в Иртышско-Илийское междуречье см. в указан. работе «Киргизско-кыпчакские отношения и этногенез киргизов».

² Общая численность монголов, переселившихся в XIII в. на Тянь-Шань, определяется нами свыше 100 (до 150) тысяч душ.

³ В последующие века термином «улус» обозначались как определенное количество кочевых семей, так и территория, занимаемая ими (юрт).

⁴ Рашид ад-дин, Рукопись ЛО ИВ АН, А-182, л. 183, 169, по переводу Ю. П. Верховского. То есть отошли, по-видимому, и области, бывшие ранее во владении Орды, умершего в эти годы.

В первый период борьбы Арик Буки с его старшим братом Хубилаем за престол великого хана (1259—1262) области киргизских и ойрат-монгольских племен являлись центром его владений, а Алтайско-Хангайское нагорье — главной ареной борьбы¹.

В 1263 г. Арик Бука перешел со всеми подчиненными ему силами из «страны киргизов» за р. Иртыш, в Иртышско-Илийское междуречье, заняв Чагатайский улус со ставкой на р. Или. Приведенные им сюда войска через год отпали от своего предводителя. Арик Буке пришлось возвращаться к старшему брату с повинной. Поскольку в числе войск Арик Буки, комплектовавшихся в стране киргизов Иртышско-Енисейского междуречья, было большое количество ойрат-монгольских и других лесных племен, которые не возвратились за Иртыш, но рассеялись в Иртышско-Илийском междуречье и по Восточному Тянь-Шаню, можно полагать, что в общей массе с ними перемещалась и некоторая часть киргизских племен.

Хотя Арик Бука, смирившийся перед Хубилаем, вскоре умер, борьба в этом районе продолжалась еще три десятилетия. Ее вел внук Угэдэя, Хайду, претендовавший на престол великого хана. Во время борьбы Арик Буки он служил в его войске, и вскоре после удаления Арик Буки из Чагатайского улуса, став главным правителем улуса, в союзе со своим вассалом джагатаидом Дувой он вступил в затяжную войну с Хубилаем, продолжавшуюся почти тридцать лет: при самом Хайду, а затем — при пресмниках Хубилая и Хайду.

В ходе ее Хайду создал большое государственное объединение, включавшее территории Иртышско-Енисейского междуречья и восточной части улуса Орды.

Поскольку в этой войне, шедшей в основном на территории Саяно-Хангайско-Алтайского нагорья и Притяньшанья, противники использовали друг против друга все тюрко-монгольские племена Енисейско-Иртышского междуречья и Алтайско-Хангайского нагорья, последние в ходе ее распространились по всему Хангайско-Алтайскому нагорью и Иртышско-Илийскому междуречью. В числе прочих распространились, в частности, многие киргизские племена третьего потока, а также их кыпчакские соседи по Прииртышско-Алтайскому р-ну и ойрат-монгольские соседи по Баргуджин Токум Приенисейско-Саянского района.

Особенно большой интерес в связи с исследованием распространения в это время киргизских и других племен Иртышско-Енисейского междуречья и их территориально-государственных отношений представляет изучение обстоятельств пере-

¹ Рашидад-дин, там же, л. 171-а—171-б.

движения кыпчакских племен во главе с ханом Тутуком, имевшим в качестве вассалов киргизские племена¹.

Вместе с кыпчаками по Алтайско-Хангайскому нагорью передвигались киргизские войска и их родо-племенные группы. Некоторые из них оставляли Енисейско-Иртышское междуречье, по-видимому, добровольно, но чаще Хубилай насильно уводил их в свои владения, расселяя отдельными группами в собственно Монголии², значительными массами — в долине Орхона и по Хангаю³, а также по Монгольскому Алтаю⁴. В 1289 г. Хубилай направил против Хайду примерно 30—40-ты-

¹ Поскольку киргизско-кыпчакские территориально-государственные и этнические отношения, о которых еще будет говориться выше, совсем не изучены, считаем целесообразным привести некоторые сведения о предках Тутука и подвластных ему кыпчаках Прииртышско-Алтайского района. «Предки Тутука, — говорится в анналах династии Юань, — происходили из племени, проживавшего у гор Аньдагонь при реке Чисэмян, к северу от Упин. С того времени, как некий Цюйчу переселился на северо-запад к горам Юйлиболи, они составили самостоятельное поколение и назвали свое владение кыпчак (цинча). Их земли находились в 30 с лишним тыс. ли от Китая. Летом там были ночи очень короткие... У Цюйчу родился Сомона, у Сомона — Чинасы. Из поколения в поколение они были государями кыпчаков. Когда Чингиз-хан выступил в поход против меркитов, их государь Ходу бежал к кыпчакам. Чинасы принял его... (Чингиз-хан потребовал выдачи и признания своей власти. — К. П.)... Чинасы был уже очень стар, в его владениях произошли большие беспорядки. Сын Чинасы, Хулусумань, подчинился, но Сянь-цзун во главе армии наступал на его владения. Сын Хулусуманя, Баньдуча, поднял все племя... покорился... Во главе сотни кыпчакских воинов он сопровождал Чингиз-хана в походах... Часто находился в свите... Тутук был сын Баньдуча... Когда Баньдуча умер, Тутук наследовал должность своего отца и служил в карауле...» (Юань-ши; изд. в серии Сы бу бэй яо, т. 034, Шанхай, 1935—36, т. 128. Биографии. Жизнеописание Тутука (Тутуха), стр. 952. По переводу Е. Кычанова, исполненному специально для автора, за что последний приносит ему глубокую благодарность). Возможно, действительное имя последнего кыпчакского хана, т. е. сына Баньдуча, было иным, а «тутук» означал старинный титул, обычно употреблявшийся у прииртышских народов в значении «владелец», «хан». Будучи верным вассалом и одаренным военачальником, Тутук скоро выдвинулся при Хубилае, в 1282—1283 г. получил обширные уделы; в 1285 г. он стал начальником личной охранной гвардии Хубилая, учрежденной из кыпчаков, затем одним из лучших полководцев. «Когда войска Хайду, — говорится далее в биографии, — совершили нападение на горы Цзинь-шань (Монгольский Алтай), Тутуку вместе с полководцем Дордухаем было приказано отразить его». (Там же). В ходе дальнейшей многолетней войны Тутук воевал со своими войсками из кыпчаков и киргизов против Хайду по всему Хангайско-Алтайскому нагорью и Притяньшанью (см. далее).

² Юань-ши, изд. в серии Сы бу бэй яо, т. 034, Шанхай, 1935—1937 гг., цз. 59, Географ. отдел. Описание 2, стр. 441.

³ Юань-ши, раздел Бен-цзи, цз. 15, стр. 125—126.

⁴ Юань-ши, раздел Бен-цзи, цз. 18, стр. 150; цз. 17, стр. 142 и др. Монгольский Алтай, или Алтай-Нуру, именовался в китайских сочинениях Цзинь-Шань.

сячную армию, составленную им из киргизских племен, прибывших незадолго перед тем в район Каракорума¹.

Эта армия, возглавляемая кыпчакским ханом Тутуком, предназначалась для спасения корпуса внука Хубилая, Канмала, окруженного войсками Хайду, на сторону которого перешла часть ойрат-монголов, кыпчаков и канглов (одна из ветвей кыпчаков)².

Хотя Хайду потерпел поражение, но большая часть Иртышско-Енисейского междуречья, входившего в состав улуса Орды, все же оставалась в составе его государства. Более того, в этот период его власть распространилась на значительную часть улуса Ак-Орды, где возникли междоусобия.

После смерти внука Орды, Кучи (Коничи), на верховенство в улусе стали претендовать сын последнего, Баян, и потомок одного из младших братьев Орды, Куйлюк (Кублюк), имевший коренной юрт на Иртыше. В ходе борьбы Баян обратился за помощью к хану Золотой Орды, Токте, а Куйлюк к Хайду. С помощью Хайду Куйлюк изгнал соперника и овладел всем улусом Орды. В дальнейшем борьба шла с переменным успехом. Войска Хайду и Куйлюка имели 18 сражений с войсками Баяна и Токты. Когда Хайду потерпел несколько поражений от Хубилая, он, «опасаясь, что (войска Баяна) могут соединиться с войсками каана, отправил второго своего сына, Баянджара, и другого сына, Шаха, до Тура-Тимура, сына Ширеки, сына Менгу-каана, и Мелик-Тимура, сына Арик Буки, с войском к пределам областей Баяна и поручил им эти пределы, чтобы они служили завесой между войсками каана и войском Баяна и не позволяли им соединиться. Куйлюк с тем войском, которое отпало от Баяна, и с тем, которое пришло к нему на помощь со стороны Хайду и Дувы, захватил часть областей и улуса Баяна»³.

Таким образом, в ходе борьбы Хайду с Хубилаем, шедшей с переменным успехом, восточная часть улуса Орды, в том числе киргизские племена Иртышско-Енисейского междуречья, оставалась под его верховенством. Как указывается в китайских

¹ Юань-ши, раздел Бень-цзи, цз. 15, стр. 125—126. О численности армии и вообще о распространении киргизских племен второго потока в XIII в. по Хангайско-Алтайскому нагорью и Притяньшанью см. указан. работу К. И. Петрова «К истории движения киргизов на Тянь-Шань...» и «Киргизско-кыпчакские отношения и этногенез киргизов».

² Юань-ши, цз. 128, указан. биография Тутука, стр. 453. По некоторым другим источникам все события, с которыми связан поход киргизских войск во главе с кыпчакским ханом Тутуком, датируются двумя годами ранее.

³ Рашид ад-дин, в «Сборнике материалов, относящихся к Золотой Орде», т. II, М., 1941, стр. 41. Подробнее о ходе этой борьбы, в которой участвовали кыпчакско-киргизские племена, см. указан. работу «Киргизско-кыпчакские отношения и этногенез киргизов».

анналах, «он подстрекал против Хубилая многие татарские орды на севере и северо-востоке от Хэлина (Каракума)»¹. Он привлекал на свою сторону «старейшин орд, расположенных на западе и севере от Алтайских гор, с помощью которых делал набеги по всей Татарии»².

Посланный против них Тутук в 1290 г. «ограбил область Цзинь-Шаня (Монгольского Алтая) и захватил более 3 тысяч дворов (семей?) Хайду. На обратном пути он вступил в Хэлинь (Каракорум). Здесь он получил приказ овладеть киргизами. Весной 1291 г. (1292 г.) войска встали лагерем у реки Цяньхэ (Енисей), по льду шли несколько дней... дошли до границ их владений, полностью овладели всем народом пяти их племен и разместили в их владениях войска, чтобы охранять их (т. е. оккупировать.— К. П.)... Тутук был повышен в чине... Хайду, получив известие о захвате киргизов, послал войска на реку Цяньхэ. Тутук снова разбил их и взял в плен их полководца Болоча. В 1293 г. на престол восшел Тимур и издал приказ обратить особое внимание на пограничные дела... К Тутуку прибыл гонец... Зимой (1294 г.) Тутуку приказали прибыть в столицу... В 1295 г. Тутук опять отправился охранять северную границу... Осенью в 1296 г. все князья, ранее подчинявшиеся Хайду, покорились... Чтобы предостеречь пограничных жителей от смут, Тутук лично дошел до границы Юйлунгань... успокоил их...». В 1297 г. он получил титул главнокомандующего кыпчакской армией и приказ о возвращении на северную границу, «по прибытии на которую он и умер в возрасте 61 года»³.

Таким образом, кыпчакский хан Тутук как вассал и военачальник Хубилая много лет покорял киргизские и другие племена Енисейско-Иртышского междуречья и Прииртышско-Тарбагатайского района, входившие в государственное объединение Хайду. Лишь только осенью 1296 г. покорились предводители местных племен — «князья, ранее подчинявшиеся Хайду», причем, видно, с большой неохотой, поскольку Тутук после этого вынужден был предпринимать специальный поход, чтобы «предостеречь пограничных жителей от смут».

Как только Тутук умер, они снова перешли на сторону Хайду. К армии послан был сын Тутука, Чоангур, который в том же 1297 г. выступил в «северный поход... перевалил через Монгольский Алтай (Цзинь-Шань) и напал на земли Балинь. К

¹ G a u b i l, Histoire de Centchiscan et de toute la Dynastie des Mangous, ses successeurs. P. 1739, стр. 211.

² D e M a i l l a, Histoire Generale de la Chine ou Annales de cet Empire. Trad. du Tong-Kien. Kang-Mou, Paris, 1779, V. IX, стр. 390.

³ Юань-ши, цз. 128, указан. биография Тутука, стр. 453. Между прочим, упоминание о пяти крупных племенах-объединениях, из которых составлялась в XIII в. киргизы Енисейско-Иртышского междуречья, представляет чрезвычайно большой интерес.

югу от Балинь есть река Далуху.. Войска встали лагерем у реки Алэй (современный Алей в верховьях Иртыша.— К. П.) и столкнулись с полководцем Бобо, высланным Хайду на помощь Балинь. В верховьях реки есть высокая гора. Войска Бобо закрепились на этой горе»¹ (Юань-ши, цз. 128, биография Чжуанура, стр. 953). Хотя Чоангуру как будто бы удавалось одерживать победы, однако местные киргизско-кыпчакские и другие племена Иртышско-Енисейского междуречья продолжали с помощью Хайду оказывать сопротивление. В 1298 г. против Чоангура воевали другие племена. В 1301 г. племена этого района снова объединились с Хайду, который на этот раз сам с большой армией перешел Монгольский Алтай (Юань-ши, там же).

Принимая во внимание столь напряженную и непостоянную обстановку в последней четверти XIII — начале XIV в. в Енисейско-Иртышском междуречье и в Прииртышско-Тарбагатайском р-не (в связи с попеременным распространением на местные племена власти то вассалов Хубилая, то Хайду), а также обычные в таких случаях перемещения кочевых скотоводческих племен, можно считать естественным, что перемещения племен с одной стороны Иртыша на другую, т. е. из Иртышско-Енисейского междуречья в междуречье Иртыша-Или, в то время носили массовый характер. Пребывание их на той и другой стороне Иртыша было так же непостоянным, как и распространение на них то власти Хайду, то власти вассалов великого хана.

Кроме этих «неорганизованных», имели место «организованные» передвижения, т. е. передвижения пограничных войск-ополчений, действовавших с обеих сторон.

В последнее время при Тимуре граница между его владениями и владениями Хайду проходила по середине Иртышско-Илийского междуречья—по линии Тарбагатай—Кобук—Кара-Ходжа. По обеим сторонам ее жили племена, ополчения которых несли ее охрану. Накануне восшествия на престол Тимура в пограничных областях располагалась также армия главнокомандующего Баяна².

Длительное пребывание здесь (в течение нескольких десятилетий) кыпчакско-киргизских войск, подвластных Тутуку,

¹ Река Алей начинается южнее Колыванского хребта северо-западного Алтая; сначала течет на запад, обогнув с запада Колыванский хребет примерно в сотне километров от Иртыша, поворачивает на северо-восток к верховьям Оби, пересекая, таким образом, половину Иртышско-Енисейского междуречья.

² Описание границы и караулов — см. Рашид ад-дин, указан. рукопись ЛО ИВ АН ФА-182, л. 177-б—178-а.

а затем его сыну Чоангуру, а также пребывание некоторых киргизских племен, бывших на стороне Хайду, превратилось, в конце концов, в постоянное проживание их в Иртышско-Илийском междуречье и Притяньшанье. Поскольку войска киргизов, как и других тюрко-монгольских народов, фактически представляли собою ополчения, за которыми следовали семьи со всем имуществом, скотом и т. д., то эти передвижения являлись одновременно передвижением в Иртышско-Илийское междуречье (Притяньшанье) значительного числа киргизских племен.

Еще более благоприятные условия для перемещения и распространения киргизских и родственных им кыпчакских племен из Иртышско-Енисейского междуречья в Иртышско-Илийское междуречье и на Тянь-Шань наступили при преемниках Хайду и Дувы в связи с бесконечными междоусобиями среди их сыновей, сочетавшимися с войнами правителей восточных и западных частей Чагатайского улуса и Ак-Орды. Прииртышско-алтайские племена, охранявшие пограничные владения великого хана, имели зимние кочевья в долине Кобука¹, открывавшей перед скотоводами-кочевниками путь в богатые пастбищами долины Эмилля и Северо-Восточного Тянь-Шаня. Используя распри среди тянь-шаньских монголов, они стали вторгаться в их владения, что вынудило старшего сына Хайду, Чапара, имевшего владения в Притарбагатайско-Эмилльской области, обратиться в 1407—1408 гг. к сыну Дувы, Куньджеку, с призывом о прекращении междоусобиц: «Из-за вражды между нашими и вашими отцами... были опустошены многие страны, — писал Чапар Куньджеку, имевшему владения в районе Баркуля. —...Что можно получить на этих развалинах, где из-за гребезжа киргизов и китайцев не стало спокойствия?»².

Упорную борьбу против киргизских племен приходилось вести в 20—30-х гг. также младшим братьям Куньджека, Ильчидаю и Дува (Дурра) Тимуру. Стараясь оградить свои владения от киргизских вторжений, Ильчидай «вверил границы тех областей сведущим эмирам. Дав головомойку (гушмал) сардарам киргизских племен, оттуда (аз ан джа) на берег реки Ардыш придя, принудив откочевать лесных жителей тех

¹ В. В. Бартольд. Очерки истории Семиречья. Фрунзе, 1943, стр. 60.

² Махмуд ибн-Вели, Бахр-уль-Асрар, указан. фотокопия рукописи FB—82, л. 11 а/2 (знаменатель 2 означает повторную нумерацию после 32 л.). Приравнивание киргизов к китайцам объясняется, видимо, тем, что те и другие являлись подданными основанной Хубилаем империи Юань, столицей которой был Пекин. Сами великие ханы являлись китайскими императорами.

пределов, которые на окраинах и в углах поднимали пыль смуты, он поселил их в центре богохранимой страны» (т. е. на Тянь-Шане)¹.

Длительная борьба пребывавших в XIV в. в Иртышско-Илийском междуречье киргизских племен с господствовавшими здесь восточно-тянь-шаньскими монголами нашла широкое отражение в киргизских преданиях, сохранявшихся, как можно судить по «Маджму ат-таварих», еще в XVI в. Об этом говорят факты легендарной родословной главного врага киргизов, калмака Джолоя, отцом которого являлся якобы Чонкчи (возможно, внук Дувы, правивший в Притяньшанье в 1334 — 1338 гг.), а сыном — известный Камар-ад-дин (см. далее), с которыми киргизские предводители воевали в районе Кобука, г. Кара Ходжа, г. Манаса и в др. восточно-тянь-шаньских местностях². Союзниками киргизских племен в этой борьбе являлись кыпчакские племена Ак-Орды, в феодальные объединения которой входили также киргизские племена³.

До тех пор, пока центральная власть в Чагатайском улусе и Юаньской империи пользовалась авторитетом и местные ханы-князьки формально и фактически считали себя вассалами верховных правителей, взаимоотношения киргизских племен, скапливавшихся в Иртышско-Илийском междуречье на Восточном Тянь-Шане с тянь-шаньскими монголами, распределение пастбищных территорий и угодий в какой-то мере регулировались центральным правительством. Но такое положение сохранялось лишь при первых преемниках Тимура, Хайду и Дувы. С распадением в середине XIV в. Чагатайского улуса и Юаньской империи и с наступлением феодальной раздробленности отношения между киргизскими племенами и тянь-шаньскими монголами и распределение пастбищ и угодий стали определяться всецело местными князьками-ханами,

¹ Махмуд ибн-Вели, там же, л. 19-а—19-б/2. После него специальный поход против киргизов предпринимал Дува Тимур, чтобы погасить пламя (грабежей) киргизов... и разрешить дела (связанные) с этим презренным племенем». (Там же, л. 20-а/2).

² Отождествление тянь-шаньских монголов с калмаками (ойратами) в преданиях объясняется тем, что киргизские племена Енисейско-Иртышского междуречья, имея дело с отдаленными времен со своими соседями, монголоязычными ойрат-монголами, принимали за ойратов (калмаков) все монгольские племена, в том числе тянь-шаньских монголов.

Между прочим, в связи с изучением взаимоотношений кыпчакско-киргизских племен и тянь-шаньских монголов особенно большого внимания заслуживает сообщение Мирзы Хайдара о том, что основателем монгольской династии, которая ханствовала на Тянь-Шане с 1340 по XVII столетие был некий внук Дувы или сын Эсэн Буки, Туглук Тимур, привезенный «из страны кыпчаков».

³ О взаимоотношениях с кыпчаками Ак-Орды см. указан. работу «Киргизско-кыпчакские отношения и этногенез киргизов».

которые то затевали междоусобицы, то временно объединялись под верховенством какого-либо более сильного или удачливого предводителя. Их объединения распадались так же быстро, как и возникали. Проживавшие в этих условиях киргизские кочевые племена, как и восточно-тянь-шаньские монголы, свободно перемещались по всему Иртышско-Илийскому междуречью от Алтая до Тянь-Шаня и обратно в зависимости от условий пользования пастбищами и общей обстановки. Кочуя по Алтайскому нагорью, те и другие попадали в орбиту влияния или входили в состав обширного объединения «ойратов», во главе которых стояли бывшие ойрат-монголы Восьмидречья (см. далее). На Тянь-Шане киргизские племена до конца XV — начала XVI в. должны были так или иначе признавать над собой суверенитет ханов тянь-шаньских монголов.

Племена северных районов Иртышско-Илийского междуречья (Прибалхашье) продолжали, как и ранее, иметь тесные связи с кыпчакскими племенами улуса Орды, ханы которого, будучи формально вассалами потомков Батыя, постепенно брали верх над западно-кыпчакскими чингизидами, что закончилось ко времени Тохтамыша их полным преобладанием. После Куйлюка борьбу против западных соперников вел его сын Кошой, или Куштай¹. По мере того, как потомки Орды — Баяна объединяли под своим верховенством улус Орды, их вмешательства в дела Золотой Орды стали принимать все более активный характер. Один из них, Мубарек Ходжа, пытался завладеть даже золотоордынским престолом. В период этой, правда, неудачной, борьбы, он в течение почти трех лет имел значительную поддержку со стороны киргизских племен. Хотя попытка самого Мубарек Ходжи не увенчалась успехом, тем не менее ак-ордынские чингизиды через несколько десятилетий все же установили свое господство в Золотой Орде. Их представитель Тохтамыш стал правителем огромной территории Дешт- и Кыпчак от Иртыша до Крыма.

Во второй половине XIV в. кыпчакско-ак-ордынские племена вместе с киргизскими стали широким фронтом напирать на Тянь-Шань, сначала на северо-восточные области его, затем, и на западное Притяньшанье (Мавераннахр)². Но их движение

¹ Имя его, между прочим, напоминает имя известного богатыря Кошой из киргизского эпоса.

² Воспоминания об этой борьбе восточно-кыпчакских ак-ордынских ханов против западно-кыпчакских соперников и тянь-шаньских монголов нашли широкое отражение в преданиях «Маджму ат-таварих». См. указанную работу «Киргизско-кыпчакские отношения и этногенез киргизов».

в этом направлении было временно приостановлено мощным отпором Тимура (Тимур Ленга). Гигантские сражения, разгравшиеся в Дешт-и Кыпчак, окончились полным разгромом Тохтамыша и его киргизских союзников, разорением огромных территорий как Дешт-и Кыпчак, так и Тянь-Шаня. Поскольку тянь-шаньские монголы пострадали более киргизских племен, то, как следствие, ускорилась их ассимиляция последними.

При оценке последствий политики Тимура и тимуридов в отношении тянь-шаньских монголов необходимо иметь в виду, что вообще процесс убывания численности, распада—«рассасывания» монголоязычных племен, приведенных на Тянь-Шань при Чингиз-хане и его сыновьях, начался сразу же по их прибытии в результате войн и междоусобий и особенно в связи с прогрессирующей феодализацией монгольского общества, что имело следствием дробление, распадение компактной массы монголов на многие мелкие группы, оседание и перемещение их, с одной стороны, с уцелевшими осколками местных тюркоязычных племен (карлуки, огузы, уйгуры и др.), с другой стороны — с киргизскими племенами, притекавшими в Иртышско-Илийское междуречье. Таким образом, дезорганизация государственно-политической жизни тянь-шаньских монголов, окиргизивание их остатков, а также распространение самих киргизских племен до Западного Тянь-Шаня были ускорены вторжениями Тимура. Последнее, конечно, не означало, что киргизские племена не страдали от грабительских вторжений Тимура: ведь само распространение их по Тянь-Шаню происходило отчасти в результате насильственных переселений.

Вторжениям Тимура в Восточный Тянь-Шань и Или-Иртышское междуречье предшествовали вторжения самих правителей тянь-шаньских монголов в Мавераннахр. Объединившись в 60-х гг. XIV в. под верховенством Камар-ад-дина, они пытались было распространить свою власть на западную часть бывшего Чагатайского улуса. Но как раз в это время на западе поднималось грозное государство Тимура, и предводители тянь-шаньских монголов сами скоро оказались вынужденными искать спасения в отдаленных областях Прииртышско-Алтайского района, где пришлось умирать Камар-ад-дину, его противнику Хызр-Ходже-хану, преемнику последнего Шам Дже-хану и др.

В первый поход 1470—71 гг. тимуровские предводители разорили весь Северо-Восточный Тянь-Шань, изгнали Камар-ад-дина за р. Или. Значительное число его подданных рассеялось,

«многие» попали в плен и были уведены во владения Тимура¹. Большое количество восточно-тянь-шаньских монголов было переселено в подвластные Тимуру области Западного Притяньшанья во время вторжений его войск в Или-Иртышское междуречье. «Разграбив вражеский иль, захватив скот и имущество и разделив на курени покорившиеся тысячи, они отправили их в Самарканд... В намерении искоренить неприятелей Тимур разослал отряды... (по всему Или-Иртышскому междуречью. — К. П.). Они разорили джетинские хазаре (тысячи)... в Уч-Фирмане... и, пройдя сквозь иль и улус (Камар-ад-дина), разграбили все его местности и стоянки»².

Через некоторое время после этого Тимур совершил новый поход, во время которого нанес большой урон улусу Инка тюря (Анга тюря) Бай Мурата черика, юрт которого находился в Притарбагатайских долинах Кобуга—Эмиля—оз. Ала-Куль. В состав его, кроме восточно-тянь-шаньских монголов, входили кылчакские и киргизские племена.

В 80-х гг. XIV в. Инка тюря входил в состав антитимуровской коалиции, включавшей Хызр-Ходжу-хана, Камар-ад-дина и Тохтамыша. В 1387—88 гг. Инка тюря вторгся даже в Мавераннахр. Его вторжение и действия Тохтамыша вынудили Тимура срочно вернуться из Фарса. По прибытии Тимур снарядил новый большой поход.

Пройдя Северо-Восточным Притяньшаньем через оз. Ала-Куль — р. Эмиль до Тарбагатая, он настиг Инка тюря в долине Кобуга. Тимуровские войска «разорили его вилайет... захватили неисчислимую добычу, пленных... и изгнали из страны Инкатуру»³. Затем отряды Тимура, перейдя Иртыш, «разорили население области... собрав все население, (они) передали его (в ведение) эмира Лала, который привел его в Самарканд»⁴.

¹ Описание этого и последующих походов см. в сочинении известного историографа Шараф ад-дина Али Йезди, который, кроме Шами, пользовался также другими сочинениями XIV—XV вв., что позволило ему в некоторых случаях дать описания ряда событий более детально и систематично.

J f h a d a d M u h a m m a d, The Zafar nameh by Maulana Sharaf uddin Ali of Jazd, v. 1—2, Calcutta, 1888; т. I, стр. 227—230. Далее цитируется Йезди.

² T a u e r F., Histoire des conquêtes de Tamerlan intitulée Zafar nama par Nizam uddin Sami, vol. I, Praha, 1937, стр. 69—70.

О последующей борьбе Камар-ад-дина в союзе с отпавшими от Тимура предводителями — Адил Шахом и Сары Бугой см.: Шами, стр. 71—74; Йезди, т. I, стр. 260—264, 268, 272, 273, 357—358 и др., по переводу О. Ф. Акимускина для сборника материалов по истории Киргизии.

³ Шами, 114.

⁴ Шами, 115. Йезди, 475—476. Поскольку указанное население состояло из скотоводов-кочевников, то в дальнейшем большая часть его была размещена во владениях Тимура на горных пастбищах Западного Притяньшанья.

После разорения и увода прииртышского населения и населения западной части Иртышско-Енисейского междуречья Тимур развернул аналогичные операции в южном направлении против улуса тянь-шаньских монголов Хызр-Ходжи и киргизских феодально-племенных объединений При Тяньшанья, в частности, объединения булагачи-ичкилик.

Объединение булагачи-кэрэмучи, переместившиеся из области Баргуджин Токум, находилось в середине XIV в. в При Тяньшанье¹.

Войска Тимура под начальством Худайдада столкнулись с булагачи-ичкиликами в районе Бикут. Они «сражались там (целый) день и ночь. Они обратили врагов в бегство и разгромили их, затем после разорения области вернулись обратно. (По прибытии их в ставку) Тимур... выступил с отборными силами... Достигнув местности Сычкан-Дабан, он нашел там иль и вилайет булагачи; приказал, чтобы убили всех, кого возможно, остальных разорили... Войска захватили огромные богатства. Тимур, приведя войска в порядок, направился далее»².

После этого отряд Худайдада встретился с улусом тянь-шаньских монголов Хызр-Ходжи-хана. Не вступая с ним в решительное сражение, Худайдад награвился на соединение с главными силами Тимура. Последний устремился за улусом Хызра, настиг и разгромил его. Захваченное население вместе с огромными толпами других пленных, в том числе с частью булагачи-ичкиликов, было переселено во владения Тимура и его вассалов в Юго-Западном Тянь-Шане.

Хотя в результате систематических вторжений Тимура на Восточный Тянь-Шань и в Или-Иртышское междуречье множество людей было уничтожено и переселено в Западное При Тяньшанье, основная масса киргизских племен, спасаясь от погромов, отступила на Алтайское нагорье к своим восточным соседям — ойратам, которые в предшествующие времена распространялись по Алтайско-Хангайскому нагорью.

Государственное объединение ойратов, вышедшее на историческую арену в период развала Юаньской империи, представляло собою конгломерат монголоязычных и тюркоязычных племен Енисейско-Иртышского междуречья и Алтайско-Хангайского нагорья. Во главе их стояли ойрат-монголы енисейского Восьмиречья, распространившиеся вместе с киргизским и другими племенами по всему Хангайско-Алтайскому нагорью.

¹ См. статью К. И. Петрова «Этногенез киргизов и их движение на Тянь-Шань в XIII—XV вв.». («Известия АН Кирг. ССР», т. II, вып. 3, Фрунзе, 1960).

² Шами, указан, публ., 116; Иездн. указан, публ., т. I, стр. 478—479.

Согласно распространенному в науке мнению, территориально-государственные отношения киргизов с ойратами, или так называемыми калмаками, будто бы складывались в процессе вторжений последних с конца XIV — начала XV в. на Тянь-Шань, где киргизы проживали якобы с домонгольского времени. В действительности территориально-государственные отношения и этнические связи тянь-шаньских киргизов с ойратами восходят к самым отдаленным временам совместного проживания их предков в Приенисейском районе в составе общей массы тюрко-монгольских племен этого края, часть которых впоследствии консолидировалась с ойрато-монголами, часть — с киргизами¹.

Равным образом в состав тех и других вошло много родственных племен в процессе их распространения с начала XIII в. по всему Хангайско-Алтайскому нагорью и Восточному Тянь-Шаню, когда с ними консолидировались осколки, остатки племен, разгромленных Чингиз-ханом (меркиты, керенты, найманы и др.), а также восточно-тянь-шаньские монголы, что привело к значительным изменениям в этническом отношении как киргизских племенных объединений, так и бывших ойрат-монголов Восьмиречья, причем особое значение имело то обстоятельство, что многие группировки восточно-тянь-шаньских монголов, вроде баарин, джирас (чарас), чериков и др., то входили в объединения ойрат-монголов, то объединялись с киргизскими племенами².

Согласно монгольскому преданию, у легендарного предка монголов Тороголчина было два сына: Дува Сохор и Добун-Мерган. После смерти Дува Сохора четыре его сына, не желая признавать родственником своего дядю, отделились от него «Образовалось особое поколение Дорбен. Отсюда-то и пошло четвероплемя Дорбен-ирген³, над составом которого обычно ломал голову каждый из средневековых и новых писателей, касавшихся истории этого народа, придумывая самые разнообразные комбинации, которых мы еще будем касаться, так как по некоторым преданиям одной из ветвей «Четвероплемия» оказывались киргизы, происходившие якобы от четверто-

¹ Специальное исследование киргизско-ойратских (калмакских) отношений содержится в нашей неопубликованной монографии «Некоторые проблемы истории киргизов и их взаимоотношений с ойратами в XIII—XV вв.». 1958 год. 450 стр. Хранится в фондах АН Киргизской ССР.

² Поскольку этнические и территориально-государственные отношения киргизов с ойрат-монголами, или калмаками, тесно переплетались вплоть до XVIII в. и в хозяйственно-экономическом укладе обоих народов было много общего, а этногенез и история последних очень мало исследованы, мы считаем необходимым остановиться на происхождении и истории калмаков до XV в.

³ «Сокровенное сказание», указан. публ., § 11.

го сына Дува Сохора, по имени Эрке¹. Следует полагать приближающимся к истине мнение Владимирцова, что если у ойратов некогда и было четыре подразделения (автор полагает — четыре тумана), то с течением времени «ойратов стало гораздо больше..., в действительности же ойраты... представляли собой конгломерат различных племен»². Искать, исходя из самоназвания этого народа «Четыре ойрата», какие-то определенные четыре племени — все равно, что искать у киргизов сорок племен³.

Ойраты, будучи многоязычным народом, всегда подчеркивали свое отличие от монголов, а те, в свою очередь, — от ойратов. В монгольских источниках сложилась традиционная формула названий: «(Все) монголы и четыре ойрата», или «Сорок (монгольских туманов-уделов) и Четыре» (ойрата).

Накануне возвышения монголов «юртом» местопребыванием ойратских племен было Восьмирье. В древности по течению этих рек сидело племя тумат. Из этого места вытекают реки, которые (потом) все вместе соединяются и становятся рекой, которую называют Кэм. Кэм впадает в Анкара-мурэн (т. е. в данном случае считается, что Енисей впадает в Ангара, а не наоборот. — К. П.)... Имена этих рек таковы: Кок-мурэн, Он-мурэн, Кара-усун, Санби-тун, Укри-мурэн, Акар-мурэн, Джур-чэ-мурэн и Чаган-мурэн. Эти племена (ойратские. — К. П.) еще издавна были многочисленны и разветвлялись на несколько отраслей, у каждой в отдельности было определенное название с таким распределением... (далее лакуна). Несмотря на то, что язык их монгольский, он (все же) имеет небольшую разницу от языка других монгольских племен»⁴.

Во время покорения «лесных» народов глава ойрат-монголов Худук-бек, как и кыпчакский хан, отец Тутука, добровольно подчинился монголам и помогал Чжочи в походе против киргизов. В дальнейшем вассальные отношения ойратов традиционно скреплялись браками с «золотым родом» чингизханоидов.

¹ Особенно много всевозможных комбинаций «Четырех племен» дается В. М. Успенским. (Страна Кукэ-нор или Цин-хай, с прибавлением краткой истории ойратов и монголов. Записки Русского географ. общества по отделению этнографии, VI, 1880), а также Г. Е. Грумм-Гржимайло (Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926, т. 2, стр. 563 — 570).

² Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Л., 1934, стр. 157.

³ Из числа главных подразделений значительную роль в разное время играли чоросы, батуты, хойты, баргу, туметы, хошоуты, дорботы и др.

⁴ Рашидад-дин, т. I, ч. I, стр. 118.

По мнению Аристов, «калмыки или вала, олоты и т. д. произошли в XIII—XVI вв. из смеси «лесных народов», т. е. отуреченных и омонголенных самоедов и различных монгольских и омонголенных тюркских родов...», во главе которых стояли ойраты времен Чингиз-хана и которые составляли население и войска (в то время это было одно и то же) западной окраины Монголии»¹. Аристов считал, что калмаки «образовались в XIII и XIV столетиях из соединения «лесных народов» с монгольскими и омонголенными тюркскими родами, составлявшими войска и население западной окраины Монголии при Хубилае и его преемниках»². Хотя во мнениях исследователей имеются расхождения по частным вопросам, все же проблема распространения ойрат-монголов по Алтаю—Хангаю в общем решается довольно определенно³. Ойрат-монголов ранее на этой территории не было. Они переместились с верховьев Енисея в монгольское время. Здесь они в XIV в. установили свою гегемонию над конгломератом монголоязычных и тюркоязычных племен, часть которых впоследствии обойратилась, часть — консолидировалась с племенами киргизскими, тсленгутскими, приняв участие в этногенезе последних. Хотя возникавшие на Алтае—Хангае под верховенством ойрат-монголов обширные государственные объединения именовались по этнониму последних «ойратами», однако указанный термин применительно к XIII—XV вв. следует понимать в государственном, а не этническом значении⁴.

¹ Н. А. Аристов. Западный Тянь-Шань. Усуни и кара-киргизы. Гл. X, стр. 5. Рукопись Всесоюз. географического общества (цитируется по копии рукописи Института истории АН Кирг. ССР).

² Н. А. Аристов, стр. 6—11. По мнению Потанина, «может быть... ойраты в более отдаленные времена говорили тюркским языком». (Потанин, «Очерки Сев.-Зап. Монголии», вып. IV, 1884, стр. 653—654).

³ «В конце XIV и начале XV в. — писал академик Б. Я. Владимирцов, — мы застаем ойратов на новых местах там, где их не было в век монгольской империи. Из своих родных лесов они выходят в степь и начинают кочевать по Алтаю и по прилегающим к нему степям и горным странствам. Они... пережили крупное изменение в хозяйственном быту: из народа «лесного», полуохотничьего, полукочевого они превратились в настоящих степных кочевников». (Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Л., 1934, стр. 149, 34).

Возражая против «столь быстрого чередования исторических периодов в жизни народов и намеченной концепции развития ойратского государства», С. А. Козин, на наш взгляд, правильно указывал, что ойрат-монголы должны были распространиться по Алтаю не в XIV в., а ранее (С. А. Козин. Эпос монгольских народов. М., 1948, стр. 18).

⁴ В связи с тем, что в источниках и литературе часто смешиваются этнонимы ойрат-монголы, ойраты, вала, калмаки, калмыки, олоты, джунгары и др., считаем необходимым уточнить употребление их далее в нашей работе. Термином «ойраты» обозначаются указанные государственные объединения XIII—XV вв. конгломерата тюрко-монгольских племен Алтайско-Хангайского нагорья, именовавшиеся у китайцев «вала», у мусульман

Особая близость киргизов к ойратам и их вхождение в состав ойратских объединений в XIV—XV вв. нашли отражение в ойратско-монгольских традициях. Например, согласно легенде, зарегистрированной у Саган Сэцэна, киргизы оказывались в числе главных ветвей четырехплеменного ойратского народа — «Дорбен ойрат». Поясняя состав последних, он указывает, что «сыновья Дува Сохора (легендарного родоначальника ойратов — К. П.) Доной, Докшин, Эмнек и Эрке явились четырьмя родоначальниками ойратских народов: олотов, батуттов, хойтов и киргизов (Кергуд)¹.

В конце XIV в. на Алтайско-Хангайском нагорье существовало несколько ойрат-монгольских княжеств, во главе которых стояли Махаму, Тайпин и Батуболо и значительное киргизское ханство, возглавляемое Угэчи Хашагой. Все они враждовали то друг с другом, то с монгольскими ханами, которые после развала Юаньской империи (1368) фактически превратились в марионеток монгольских и ойратских феодалов.

С перемещением в 80-х гг. XIV в. большой массы киргизских племен, изгнанных Тимуром из Или-Иртышского междуречья на Алтай, предводители последних стали более активно вмешиваться в ойратские распри. Некоторым из них удалось скоро занять первенствующее положение. В частности, Угэчи Ха-

«калмаками». При необходимости выделения в их составе монголоязычных выходцев из енисейского Восьмиеречья последние именуются «ойрат-монголами». Так как существование государственных объединений «ойратов» на Алтае сопровождалось не консолидацией их в общем как народности, но, напротив, обособлением значительных групп киргизских, теленгутских, ойрат-монгольских и др. племен и формированием их как народностей, то объединение «ойратов» во второй половине XV в. распалось и навсегда прекратило свое существование. Хотя возродившись в XVI в. на той же территории объединения находились тоже под верховенством ойрат-монголов, но в общем состав их был иной. Киргизы входили в их объединения XVII—XVIII вв. на новых началах. Объединения XVI—XVIII вв., в отличие от объединений XIII—XV вв., правильнее было бы именовать «калмаками». Олоты, джунгары и др. — отдельные ветви их. Часть их, переселившаяся на Волгу, называлась у русских «калмыками». Согласно преданиям самих калмаков, прозвище калмак (хадабари нэрэ) дано было тюрками «именно тем ойратам, которые... выселившись, уцелели после распада их родины (nyty ebdereji)». (Сказание о Дорбен ойратах Убаши-Тумения. По Козину. Эпос монг. народов. 1948, стр. 18). Хотя этноним «калмак» встречается в среднеазиатских мусульманских источниках XIV—XV вв., но в общем широкое распространение его, как и самих связей, происходило с XVI в.

¹ Ssanang Ssetsen, Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses, herausgegeben von Schmidt, Spb, 1629, стр. 56. В дальнейшем цитируется: Саган Сэцэн. См. также: Erdeni — Yin tobci. Mongolian. Cambridge, 1956, vol. 1—4. Подробнее см. указан. работу К. И. Петрова «К истории движения киргизов на Тянь-Шань...», гл. III.

шага в конце 90-х гг. XIV в. подчинил себе нескольких ойратских феодалов, которые считались его вассалами¹.

Желая утвердить свое положение среди ойратов и распространить влияние в Монголии, Угэчи в конце 90-х гг. стал поддерживать претензии на престол Харгацуга, младшего брата ханствовавшего в то время Элбэка, который пытался привлечь на свою сторону главу чоросского дома тысячника Хухая Тайфу, претендовавшего на гегемонию над ойратами, пообещав передать ему правление над ойратами и титул чинсанга². Хотя Элбэку удалось в 1399 г. убить своего брата и захватить его беременную жену, но главными силами располагал не он, а киргиз Угэчи, который в том же году уничтожил Хухая, затем разгромил соединенные силы Элбэка и сына Хухая, Батулы, которому Элбэк после убийства Хухая передал было правление над ойратами и свою дочь Цамур Гунджи. Убив Элбэк-хана, Угэчи взял себе в жены бывшую жену Харгацуга и Элбэка, Ульдзейту Гоа, усыновил родившегося вскоре у нее от Харгацура сына «и ему (Угэчи) подчинилась большая часть монгольского народа»³. В 1402 г. он пытался объявить себя ханом⁴.

Борьба киргизского ханства Угэчи против чоросского (ойрат-монгольского) княжества за верховенство над ойратами продолжалась до 1415 г. Во главе чоросского дома стоял Батула (дед знаменитого объединителя ойратов Эсен-тайши), отказавшийся признавать верховенство Угэчи. Весь этот период был наполнен междоусобицами и смутами других вассалов Угэчи, каждый из которых стремился посадить своего ставленника. Хотя Батуле удалось объявить ханом своего ставленника (Дэлбэк-хана, 1410/11—1415 гг.), но фактически с ним никто не считался. В 1414 г. Батула организовал с подвластными ему ойратами поход в Китай. Поход окончился полным раз-

¹ Саган Сэцэн, указан. публ., стр. 138—140.

² Саган Сэцэн, указан. публ., стр. 138. См. также Алтан тобчи. Монгольская летопись в подлинном тексте и переводе (Гомбоева). Труды Вост. отд. археол. о-ва, VI, 1858.

Ш а р а Т у д ж и. Монгольская летопись XVII в. Текст и перевод Н. П. Шастиной. М., 1957.

³ Саган Сэцэн, стр. 144. Алтан Тобчи, стр. 153.

⁴ Сведения см. в китайской летописи «Мин-ши», изд. 1878 г., отд. Дадань, цз. 327, л. 5, по переводу, исполненному специально для Института истории АН Киргизской ССР Ефимовой Л. Г.). В летописи Угэчи фигурирует под именем хана-узурпатора Гуйличи. Об отождествлении см. Noworth H., History of the Mongols, part 1—4, London, 1876, часть I, стр. 352 и др. При правильном отождествлении Гуйличи с Угэчи Ховорс допускает ошибку, принимая киргиза Угэчи за керейта. Подробнее об этом см. указан. работу Петрова «К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношений с ойратами в XIII—XV вв.», гл. III.

громом Батулы и гибелью его ставленника¹. Воспользовавшись этим, Угэчи в 1415 г. настиг и убил Батулу и вновь подчинил всех ойратов. В том же 1415 г. Угэчи умер; ханом стал его сын, Эсэху, захвативший во время убийства Батулы его жену Цамур Гунджи (дочь Элбэк-хана) и оказавшийся в силу этого табунангом, или зятем ханской фамилии (гурганом). Его ханствование длилось до 1425 г.²

Киргизское ханство Угэчи Хашага и его сына Эсэху-хана, находившееся на территории Монгольского Алтая (Алтайин Нуру), занимало, таким образом, промежуточное положение между ойрат-монголами, населявшими Прихангайский район, и восточно-тянь-шаньскими монголами. В связи с этим оно имело тесные мирные и немирные отношения как с первыми, так и со вторыми, вступая с ними то в объединения, то в войны.

По мере роста своего влияния среди ойратов на Алтае киргизские ханы Угэчи и Эсэху активизировали свою политику и в Или-Иртышском междуречье, где постепенно складывались благоприятные для них условия.

Поскольку последнее на рубеже XIV—XV вв. находилось под властью наместников Тимура (Тимур-Ленга) и тимуридов, претендовавших даже на приалтайские области, то Угэчи первоначально имел столкновения с ними. Первое было связано с походом внука Тимура, Искандера, желавшего воспользоваться междоусобиями тянь-шаньских монголов после смерти Хызр-хана (1399), а также вмешаться в ойратские дела, чтобы возвести на престол сына Элбэк-хана, Ульдзей Тимура, бежавшего как раз в это время от Угэчи Хашага ко двору Тимур-Ленга³.

Армия Искандера, разграбив восточно-тянь-шаньские области Бай, Аксу, Кусан и Бешбалык, совершила поход до самых отдаленных пределов «Моголистана» в приалтайские владения Угэчи. Хотя во время этого похода было захвачено

¹ Мин-ши, цз. 328, отд. Ва-ла, л. 1.

² Саган Сэцэн, стр. 145. Передаёт почти дословно «Шара туджи», стр. 74—75. Однако в последнем источнике Эсэху как киргиз-узурпатор ханом не признаётся. С целью сокрытия его ханствования умышленно представляются годы ханствования предшественников.

³ Свидетельство о прибытии тайши-оглана, который, «не желая повиноваться хану в большом юрте, бежал от калмаков (ойратов)», см. при описании приема послов у Шараф ад-дина Али Нездзи, ук. публ. т. 2, стр. 33—36. Отождествление его с сыном убитого Элбэк хана, Ульдзей Тимуром, см. у Петти де ля Круа, Ховорса и др. Pelis de la Croix, Histoire de Timour-bec, Delf, 1723, т. 1—4; т. 3, стр. 31—34 и др.

много пленных, «в том числе киргизы»¹, но в общем Искандеру не удалось довести до конца предприятие.

С утверждением в Притяньшанье власти сына Хызр-хана Шам Джехана, Угэчи Хашаге пришлось вести против него борьбу, которая была связана отчасти с их взаимными претензиями на княжество Хами, отчасти — с поддержкой Шам Джеханом того же Ульдзей Тимура². Около 1408 г. Угэчи потерпел поражение в районе Бешибали от соединенных сил своего вассала Алутая и Шам Джехана, которые объявили ханом Ульдзей Тимура³. Это поражение, временно ослабившее влияние Угэчи на ойратские дела, все же не имело существенного значения в его политике в Притяньшанье. Дело в том, что Шам Джехан сам был изгнан тимуридами на Алтай, а затем фактически перестала иметь значение и власть тимуридов.

Хотя господство Тимура и тимуридов на Тянь-Шане продолжалось недолго, тем не менее территориально-государственная организация тянь-шаньских монголов, приходившая в состояние упадка еще до Тимура, окончательно подорванная им, уже не могла возродиться в централизованной форме. Вскоре после смерти сына Хызр-хана, Шам Джехана (1408 г.), изгнанного тимуридами за Иртыш, последние сами утратили власть над Восточным Тянь-Шанем. Носителями государственности на Тянь-Шане с этого времени и почти в течение всего XV столетия являлись отдельные феодально-раздробленные племенные группы монголов и отюречивавших их киргизских племен, продвигавшихся из Или-Иртышского междуречья с XIII в. — поодиночке, с тимуровского времени — значительными массами.

Действия Эсэху-хана, безраздельно властвовавшего в 1415—1425 гг. среди ойратов, завершились установлением его полной власти в Восточном Тянь-Шане. Правителем большей части тянь-шаньских монголов в то время был внук Хызра, Увейс-хан. Согласно красочному описанию историком восточно-тянь-шаньских монголов Мирзой Хайдаром поражений, понесенных Увейс-ханом от Эсэху-хана на Или и в других райо-

¹ Йезди, указан. публ., т. 2, стр. 220. Абд-ар-Раззак. Самарканди. Матла асс-саадайн ва маджма ал-бахрайн. Рукопись ЛО ИВ АН С-443, л. 196-б. См. также в сб. материалов по истории киргизов и Киргизии ЛО ИВ АН.

² О вмешательстве Угэчи в дела Хами и борьбе в 1404—1407 гг. из-за него с Шам Джеханом и китайским императором см. Мин-ши, отд. Хами, цз. 329, л. 1; отд. Бешибали, цз. 332, стр. 8-а. В «Мин-ши» Бешибали именуется как область города Бешбалыка, так и вообще название владений восточно-тянь-шаньских монголов — «Моголистан».

³ Мин-ши цз. 327, отд. Дадань, л. 4. Ханствование ставленника Алутая было формальным. Ни Угэчи, ни Батула не признавали Ульдзея, и через два года он был убит.

нах Восточного Тянь-Шаня, Увейс-хан из шестидесяти одного сражения выиграл только одно и дважды попадал в плен к своему противнику в районе Бешбалыка-Турфана. В третий раз во время бегства он чуть не утонул в реке Или¹.

Захватив однажды Увейса в плен в районе Турфана, Эсэху потребовал от пленника в жены его сестру Махтум ханым, от которой родилось два сына: Ибрагим-онг и Ильяс-онг, а также дочь, выданная впоследствии за сына могущественного тянь-шаньского монгола-феодала Карим Берды². Так киргизский хан породнился с другой ветвью «золотого рода» чингизханидов, ханствовавшей у тянь-шаньских монголов. В ходе войн с тянь-шаньскими монголами Эсэху-хан вытеснил улус Увейса из Бешбалыка до р. Или, что имело следствием восстановление власти киргизов по всему Восточному Тянь-Шаню.

По смерти Увейса (1428 г.) между его сыновьями, Юнусом и Эсэн Букой, вернее, между двумя группировками феодалов, разгорелась борьба. Группировка баарина Ирзана и туркмена Мирека, поддерживавшая тринадцатилетнего Юнуса, вместе с несколькими десятками тысяч зависимых от них людей в 1428—29 г. была вытеснена с Тянь-Шаня во владения Улугбека. Последний коварно перебил всех глав пришедших семей, а оставшиеся в живых семьи разделил среди своих подданных, рассеяв по разным областям³. Сам Юнус был отослан к Шахруху, где долго оставался в плену. Власть Улугбека распространилась до Кашгара. Там правили его наместники.

¹ Мирза Мухаммед Хайдар, Тарих-и Рашиди, рук. ЛО ИВ АН, С-395, л. 49—50. При использовании ее необходимо иметь в виду, что автор ошибочно именует победоносного противника Увейса Эсен-тайшой, а не Эсэху. В действительности Эсен не был современником Увейса. В год смерти последнего (1428) Эсену было всего 11 лет (рожд. 1417). Специальное исследование этого вопроса, а также вопроса о трех фигурирующих далее сыновьях Эсэху-хана, Амасанджи тайше, Ибрагим онге и Ильяс онге см. в указан. работе Петрова «К истории передвижения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношений с ойратами в XIII—XV вв.», гл. III.

² Мирза Хайдар. Там же д. 63, 65 б. Титул «онг» (от кит. ван.) по-тюркски ханзаде, или царевич. Между прочим, генеалогии киргизов в сочинении Сейф ад-дина Ахсикенти «Маджму ат-таварих» говорят о довольно широком распространении в прошлом титула «онга» у киргизских предводителей. Кроме этих двух сыновей, у Эсэху был сын Амасанджи-тайша, получивший титул от матери Цамур Гунджи, дочери Элбек-хана (Мирза Хайдар, там же, л. 60). Как старший сын и притом прямой потомок монгольских ханов, он являлся первым наследником Эсэху, имел удел в 15 раз больший, чем у младших братьев (Мирза Хайдар, там же, 63-б.). Поскольку Цамур Гунджи, будучи до 1415 г. замужем за Батулой, имела сына Тогона, то Эсэху доводился, таким образом, по матери родным братом Тогону и дядей его знаменитому сыну, Эсен-тайше.

³ Мирза Хайдар, л. 54. См. также Захириддин Бабур. Бабур намэ, Госиздат УзССР, 1948, стр. 18—19. При использовании сведений последнего необходимо иметь в виду, что они имеют некоторые неточности.

Удаление Юнуса не повлекло прочного утверждения власти его брата, Эсэн Буки. Феодалы принудили его удалиться в Аксу, наследственный удел дуглата Сеида Али, изгнанного из Кашгара наместниками Улугбека. Власть Эсэн Буки-хана и его эмира Сеида Али в течение двух последующих десятилетий ограничивалась фактически лишь областью Аксу.

В это время монгольские эмиры, находившиеся на территории современной Киргизии, как пишет Мирза Хайдар, строили для себя укрепления и вообще делали кто что хотел, не признавая никакого хана.

В частности, эмир Хакк Берды Бекчик «построил крепость на Иссык-Куле в местности Кави Суй, что на острове в озере Иссык-Куль. Там он оставил своих слуг и семью, чтобы они обрели покой от нападений калмаков... Эмиры джираса и племени баарин ушли к калмакам... к Амасанджи-тайше. Некоторые другие—калуджи и еще несколько племен—ушли в Узбекистан к Абу Хайр-хану. В степях Моголистана среди эмиров кунджи и некоторых других царила смута и растерянность»¹.

Как указано выше, имеются основания считать Амасанджи-тайшу за одного из сыновей и преемника киргизского хана Эсэху, оттеснившего улус Увейса до р. Или². По-видимому, в государственное объединение Амасанджи входил также возглавляемый чериками большой улус восточно-тянь-шаньских монголов, пользовавшийся в среде ойратов, как видно из китайских источников, большим влиянием, возглавляя в 1460 г. их борьбу против халха-монголов, т. е. монголов собственно Монголии (см. далее).

Передвижение киргизских племен, вышедших из Енисейско-Иртышского междуречья по Тянь-Шаню, их взаимоотношения с местным населением Тянь-Шаня и с соседними северными кыпчакскими племенами в середине XV в. можно проследить по движению улуса ичкиликов-булгачи, кочевавшего до Угэчи Хашага в Восточном Тянь-Шане. После оттеснения Эсэху-ханом Увейса до Или значительная часть булгачи-ичкиликов оказалась западнее реки Или.

¹ Мирза Хайдар, л. 57. Здесь и далее цитируется по переводу Н. И. Туманович. Англ. перевод см. *The Tarikhi Rashidi of Mirza Muhammed Haidar*, N. Elias, D. Ross, London, 1895.

² Нас не должно смущать, что Мирза Хайдар именует Амасанджу калмаком. Отец его, Эсэху, был действительно ханом ойратов, а по матери он доводился дядей знаменитому предводителю ойратов Эсену, вассалом которого он, вероятно, был в 1440—1450 гг. (см. далее).

Хотя булгачи-ичкилик при указанном перемещении заняли земли, подвластные хану тянь-шаньских монголов, но они не пожелали признавать его власть и вскоре вместе с калуджи и «еще с несколькими племенами» перешли в кыпчакско-узбекский улус Абулхайра¹, напиравший в то время на Западное Притяньшанье (Мавераннахр).

Как отмечалось ранее, движение восточно-кыпчакских и киргизских племен на юго-запад наблюдалось еще в XIII в., когда кыпчакско-киргизские племена постепенно занимали Иртышско-Илийское междуречье, т. е. Восточный Тянь-Шань.

С возвышением в XIV в. ак-ордынского улуса фронт продвижения восточно-кыпчакских племен к Притяньшанью расширился. Ко времени Тохтамыша он доходил уже до Сыр-Дарьи. Хотя в результате опустошений, произведенных Тимуром в Дешт-и Кыпчак, их продвижение временно было приостановлено, но в общем исторический процесс перемещения больших кыпчакских масс кочевников из Западной Сибири в среднеазиатские области продолжался. Этнический состав их был крайне сложным. С течением времени стали выделяться отдельные крупные родо-племенные объединения-союзы с феодальной организацией. К концу XIV—в начале XV вв. на их основе начинали формироваться отдельные народности. Судьбы более мелких родо-племенных групп в этот период зависели от их окончательной консолидации с первыми. Оставшиеся навсегда в Дешт-и Кыпчак вошли в состав казахской народности; примкнувшие к киргизским племенам, занимавшим Тянь-Шань, вошли в состав киргизов; переместившиеся в Западное Притяньшанье (Мавераннахр) вошли в состав узбеков. Поскольку этот процесс проходил в среде близкородственных кочевых племен в условиях феодальной раздробленности, то переходы из одних улусов в другие были постоянным явлением.

В послетохтамышевское время Ак-Орда, возникшая как государство из объединения улусов Орды и его младших братьев Шейбана, Шингура, Тука (Бука) Тимура и др., фактически прекратила свое существование. Хотя ее распад, по-видимому, был ускорен тимуровскими погромами, но в основном его обуславливали глубинные социально-экономические процессы в среде самих кочевников и прогрессировавший процесс формирования отдельных народностей, государственно объединенных в начале XIII в. завоевателями-монголами. Влияние последних уменьшалось по мере ассимиляции их местным кыпчакским населением.

В начале XV в. на месте бывшей кыпчакской Ак-Орды воз-

¹ М а р з а Х а й д а р, там же, л. 57.

никло несколько объединений: на севере — Тюменское, или Сибирское ханство, состоявшее из племен, именовавшихся впоследствии татарами; между ним и Притяньшаньем кочевали группы узбеков, или «узбек-казахов», как они именовались в источниках XV—XVI вв. Их летовья находились в верховьях Яика, на Тоболе, Иртыше; зимовья — в низовьях Сыр-Дарьи, Таласа, Чу, т. е. в Северном Притяньшанье. Хотя многие родо-племенные группы узбек-казахов, выделявшиеся в процессе распада кыпчаков, носили одинаковые названия и были в общем близкородственными, все же они имели различия (диалектные и др.). К их массиву примыкали и некоторые кыпчакско-киргизские племена.

В начале XV в. у узбек-казахов стали обособляться два крупных объединения племен: казахское, во главе с потомком Орды, Бораком (правление 1425—28 гг.), и узбекское, во главе с потомком Шейбана, Абулхайром (правление 1428—68 гг.). Борьба между ними шла с переменным успехом. В дальнейшем на основе первого объединения, оставшегося в Дешт-и Кыпчак, сформировалась казахская народность. Племена второго, переместившись в Западное Притяньшанье (Мавераннахр), были ассимилированы местным оседло-земледельческим населением, перенявшим от завоевателей этноним «узбек».

Движение кыпчакско-узбекских племен в Западное Притяньшанье, как и кыпчакско-киргизских племен на Тянь-Шань, совпадало с прогрессирующим распадом государства тимуридов, аналогичным предшествовавшему распаду у тянь-шаньских монголов. В 30-х гг. XV в. подвластные Абулхайру кыпчакско-узбекские племена заняли часть Хорезма, в 40-х гг. — присырдарьинские города Сыгнак, Ак-Курган, Узген, Туркестан. В 1448 г. Абулхайр вторгнулся до Самарканда.

Как раз в этот период булгачи-ичкилик и некоторые другие киргизские племена перешли в состав кыпчакско-узбекского улуса Абулхайра. В дальнейшем они принимали активное участие в жизни улуса. Известно, что ичкилики и кушчи были в числе тех шести племен, на которые опирался внук Абулхайра, Мухаммед Шейбани (род. 1451), в борьбе за установление своей власти в улусе (кушчи, ички (лик) найман, уйгур, карлаут). И, по-видимому, они с ним передвинулись к Южному Мавераннахру и Тянь-Шаню, когда он в 1500 гг. завоевал эти области, изгнав тимуридских правителей-эпигонов.

Одновременно с этим наблюдались передвижения и кыпчакско-казахского объединения сыновей Борака, Гирея и Джанибека, на Северный Тянь-Шань. Потерпев поражение от Абулхайра, они, как свидетельствует Мухаммед Хайдар, с улусом в 200 тыс. человек в 50-х гг. XV прикочевали в долину р. Чу,

где оставались несколько лет. До сих пор на этот факт обращали внимание главным образом казаховеды. Киргизоведы не придавали ему значения. Приведенные факты об этногенетических связях многих киргизских племен с узбек-казахскими на общекыпчакской основе говорят о необходимости тщательного исследования указанного массового перемещения кыпчакских племен с точки зрения выяснения перемещения с ними некоторых кыпчакско-киргизских племен, которые, задержавшись затем на Тянь-Шане, вошли в состав киргизской народности.

Отсутствие сопротивления со стороны ханов тянь-шаньских монголов массовому приходу новых племен объяснялось падением их власти и, по-видимому, относительной малонаселенностью Чу-Таласского междуречья. Через некоторое время после ухода казахов в эти места из-за Или передвинулся большой улус сына Эсэху-хана, Амасанджи-тайши, доходивший, по свидетельству Мирзы Хайдара, до трехсот тысяч человек, что в общем может быть правдоподобным, если принять во внимание, что в его состав, кроме ойратских и киргизских племен, входили также крупные родо-племенные объединения самих тянь-шаньских монголов, вроде баарин, джирас и др.).

Передвижение улуса Амасанджи из Притяньшанья и Восточного Тянь-Шаня в Или-Таласское междуречье было связано с наступлением халха-монголов, возглавляемых Мандухай-хатун, и с окончательным развалом ойратского объединения, распадавшегося после смерти Эсен-тайши.

Кратковременная гегемония киргизских ханов в ойратском объединении окончилась со смертью Эсэху-хана, совпавшей с очередными смутами в среде ойратов. Этим воспользовались халха-монголы, установившие примерно на десять лет свою гегемонию, конец которой положил сын Батулы, Тогон, возглавлявший дом чоросских князей, издавна враждовавших с киргизскими ханами.

Добившись власти над ойратами и над частью халха-монголов, Тогон в середине 30-х гг. пытался по примеру Эсэху объявить себя ханом, но вассалы и «народ» не позволили ему этого¹. По-видимому, сопротивление в основном исходило от наследников и сторонников дома киргизских ханов Угэчи Хашага, на что указывают Факты объявления ханом и вице-ханом (джингонгом) сыновей Ачая, усыновленного в 1399 г. Угэчи Хашагой и жившего в доме Эсэху до смерти последнего². Два

¹ Мин-ши цз. 327., отд. Дадань, л. 6; отд. Ва ла, л. 2.
Саган Сэцэн, 150 и др.

² Саган Сэцэн, 146, и др.

старших его сына, Дайсун (рожд. 1422) и Акбарчи (рожд. 1423), родились тоже в доме Эсэху¹. Оба они в 1439 г. были еще мальчишками, а их отец никогда не имел никакого влияния. Своим назначением они были обязаны всецело сторонникам киргизских ханов, или, точнее говоря, компромиссу между последними и чоросским домом.

По-видимому, Тогон, будучи вынужденным формально признать при себе хана, с течением времени избавился бы от последнего. Но он умер в 1439 г. Его юному сыну Эсен-тайше в первые годы пришлось проводить осторожную политику, что особенно проявилось в его согласии на учреждение нового титула вице-хана. Это означало фактически разделение власти между феодальными группировками. В частности, согласие на объявление вице-ханом другого сына Ачая, Акбарчи, фактически означало признание соответствующего влияния на ойратские дела наследников киргизского дома Эсэху-хана.

В дальнейшем Эсен, по мере роста своего могущества, стремился отделаться от хана и вице-хана и сокрушить силы, стоявшие за ними. Когда могущество Эсена после блестящего похода 1449—1450 гг. в Китай достигло зенита, он решил, что пришло время действовать.

Решительное столкновение братьев с Эсен-тайшой произошло около 1451—52 гг. в стороне Турфана². Накануне сражения в войсках братьев произошел раскол. Дайсун-хан в ходе предшествовавшей борьбы с Эсеном все более привлекал на свою сторону монголов. Последние, в свою очередь, охотно поддерживали его, предоставляли ему свое войско, надеясь в случае разгрома ойратского предводителя Эсен-тайши фактически восстановить утраченную гегемонию.

Но этого не могли допустить киргизские предводители, поддерживавшие вице-хана Акбарчи. Как показал многолетний опыт их борьбы с домом чоросских князей, компромисс для обеих сторон был предпочтительнее, чем гегемония восточных монголов. Поэтому, когда Эсен-тайша, неуверенный в своих силах, предложил Акбарчи отделиться от монголов, последний согласился на это и оставил Дайсуна. Монгольские войска были разгромлены, сам Дайсун убит. Последовавшие за этим события показали, однако, что предводители Акбарчи и Эсен-тайша, пойдя на компромисс, имели тайные намерения после разгрома монголов свести счеты друг с другом.

¹ Саган Сэцэн, стр. 154. Возможно, там же родился и третий сын—Мандугул (1426 г.). Мать Акбарчи, по-видимому, была родственницей Эсэху-хана: относительно матери Дайсуна это утверждать трудно.

² Описание см. Саган Сэцэн, 152—159, 406—407.

Мин-ши, отд. Дадань, л. 7 и др.

Алтан тобчи, 162—163 и др.

Заключение компромисса накануне разгрома монголов состоялось на основании предварительных условий: могущественный предводитель теленгутов Абдулла Сэцэн предлагал вице-хану Акбарчи от имени Эсена титул хана, если он передаст титул вице-хана Эсену. Акбарчи согласился, хотя часть его вассалов во главе с его сыном Харгацугом составила заговор, решив «порубить» сторонников Эсена. Но тот сам устроил западню. Во время торжественной церемонии по случаю победы над монголами были перебиты все предводители войск Акбарчи, погиб и он сам. Чудом спасся лишь Харгацуг, бывший особенно настороже; он бежал в Тукмок¹. Эсен организовал преследование Харгацуга, а также рассеявшихся киргизских войск, которое вылилось в известное вторжение-поход на Тянь-Шань. Это глубоко залегшее в памяти киргизского народа страшное поражение от Эсена и отступление на Тянь-Шань нашло широкое отражение в эпизодах известного цикла киргизского эпоса «Великий поход». «Дитя мое, Манас, — говорил Якуб своему сыну, неосмотрительно затевавшему ссоры с калмаками. — Давно, во времена Ногоя, мы были господами над калмаками. Но после смерти Ногоя... властитель Эсен-хан, собрав пятьдесят тысяч войска, двинулся против нас. Он победил киргизов, потопил все наши земли в крови и рассеял потомство Ногоя по всему свету»². Предания связывали с этим поражением также переселение киргизов с Алтая на Тянь-Шань. Едва войска Манаса, преследуемые Эсеном, появились у Уч-Турфана, местные правители заявили своим ханам: «Не стыдно ли повелителю пугаться каких-то киргизов? Ведь они убежали с Алтая, не надеясь сохранить... жизнь»³. «Пусть Манас не движется сюда силой. Если он хочет кочевать в моих землях без ссор и войны, то пусть подчинится мне... Если он бежит сюда от Эсен-хана, то пусть открыто выскажет свои истинные намерения»⁴.

¹ Саган Сэцэн, стр. 156—160. Тукмоком именовался улус Джучи. В данном случае следует подразумевать его восточные кыпчакские области, т. е. Ак-Орду. Бегство Харгацуга сюда указывает на местонахождение его союзников. Особенно примечателен тот факт, что руководивший его действиями Инак Гере имел в Ак-Орде родственников. Титул последнего «инак» кажется сходным с кыпчакским титулом-именем «инка» (как, например, Инка-тюря Бай Мурат черик). Титул инак был распространен среди узбеков.

² «Манас». Фонды АН Киргизской ССР, инв. № 599, л. 71, 84 и др.

³ Там же, 143.

⁴ «Манас», там же. Приводя указанные предания и отождествляя многие эпизоды из цикла «Великий поход» с событиями борьбы киргизов против Эсена, мы ни в коем случае не допускаем отождествления самого «Великого похода» с описанием столкновения 1451—1452 гг. В этом цикле смешались и переплелись предания и воззрения многих веков. В частности, хотя предания о массовом переселении киргизов с Алтая на Тянь-Шань

Хотя ойратское объединение достигло при Эсене необычайного могущества, однако оно было столь же непрочным, как и при предшественниках. В 1455 г. наступила очередная смута вассалов, Эсен был убит. «После смерти Эсена ойраты приходят в упадок и раздробляются. Наследники престола сменяются один за другим, и невозможно проследить их последовательность, — говорится в «Мин-ши». Затем перечисляются отдельные племена, на которые распадалось объединение... Еще (было) племя чериков, и они постоянно враждовали с Болаем. Еще было племя Байчеха... два племени Болю»...¹ Пятнадцатилетняя борьба развалившегося объединения ойратов с халха-монголами окончилась в 1470 г. полным крахом первых. С этого времени ойраты как государственное объединение XIV—XV вв. навсегда прекратили свое существование: от них отпали и обособились крупные тюркоязычные группы. Новое объединение, возникшее в XVI в. на этих развалинах под названием калмаков, возрождалось в иной обстановке и в ином составе.

Крах государственного объединения ойратов (в 1470 г.) в военном отношении являлся следствием разгрома их монголами (во главе с Мандухай Хатун), которые стали преследовать и добывать по частям отдельные группы, рассеявшиеся по всему Алтайско-Хангайскому нагорью. В числе прочих преследованию подвергся и ранее упоминавшийся улус Амасанджи-тайши, который вынужден был в 1470—73 гг. искать спасенья на Тянь-Шане. Накануне его перехода через Или и прибытия в Чу-Таласское междуречье ханом тянь-шаньских монголов (моголов) формально считался Юнус, владевший Аксу после смерти Эсен Буки (1462 г.), причем власть его как хана распространялась на ограниченную территорию, примыкающую в основном к Аксу².

Юнус пытался оказать противодействие переходу улуса Амасанджи за р. Или. Но Амасанджи нанес Юнусу в 1470 г.

связывают его в основном с поражением, понесенным от Эсена, но в действительности оно в еще больших масштабах происходило через двадцать лет в связи с передвижением улуса Амасанджи. Причиной неточности преданий могло быть, во-первых, то, что для эпоса два десятка лет мало значат; во-вторых, поскольку Амасанджи участвовал и в столкновении киргизов 1451—1452 гг. (как сыну Эсэху-хана ему было в это время не менее 25 лет) и стоял во главе улуса, в составе которого киргизские племена в 70-х гг. распространились по Тянь-Шаню, то все это в эпосе оказалось связанным с наиболее памятным событием — поражением.

¹ Мин-ши, Ва-ла, цз. 328, л. 7—8. О болю (бурутах-киргизах) см. далее. Племя-улус чериков Ипка тюркя вело борьбу с могущественным халха-монгольским феодалом Болаем, вероятно, в связи с поддержкой одного из претендентов или сторонников дома Эсэху-хана, по имени Менгу киргиз-хан (см. Мен-гу-ю-му-цзи, СПб., 1895, стр. 328. Подробнее в работе К. И. Петрова «К истории движения киргизов...»).

² В дальнейшем тянь-шаньские монголы именуются нами чаще моголами.

столь жестокое поражение, что тот без сопротивления очистил весь Тянь-Шань и удалился за Сыр-Дарью, а улус Амасанджи занял оставленные им области.

Поскольку историк тянь-шаньских монголов Мирза Хайдар именовал Амасанджи и его подданных «калмаками», в литературе сложилась традиция рассматривать его переход из Восточного Тянь-Шаня как калмацкое вторжение на Тянь-Шань. В действительности его улус можно именовать калмацким (ойратским) лишь в том смысле, в каком следует принимать государственные объединения последних как пестрые конгломераты тюркоязычных и монголоязычных племен. Как видно из предшествующего, в его состав входили, кроме киргизских и ойрат-монгольских племен, также восточно-тянь-шаньские монгольские племена вроде баарин, джирас, перешедшие незадолго перед тем в подданство Амасанджи, и др. Так что улус Амасанджи по этническому составу отличался от улуса Юнуса гораздо меньше, чем писал Мирза Хайдар. Точно так же неправильны его указания, будто Юнус увел «весь монгольский улус», т. е. всех тянь-шаньских монголов. В действительности это следует понимать в том смысле, что он увел лишь зависимые от него племена, предводители которых соглашались идти с ним, а соглашались не все. Наконец, совершенно неправильно распространенное мнение, будто улус Амасанджи, придя откуда-то «издалека», с востока, совершил «вторжение» на Тянь-Шань, а затем удалился. В действительности моголы были вытеснены до Или еще в начале XV в. при Эсэху и Увейс ханах, и часть подданных улуса Амасанджи давно уже занимала Тянь-Шань, причем в их числе были сами тянь-шаньские моголы, добровольно переходившие под верховенство Амасанджи. Так что улус Амасанджи не вторглся на Тянь-Шань, но всего лишь передвинулся из Восточного Тянь-Шаня, перейдя западнее Или. В этом состояло его перемещение.

Зиму улус Юнуса провел на Сыр-Дарье, в районе Туркестана¹. Весной ему пришлось двигаться к Ташкенту. Здесь вассалы Юнуса составили заговор, схватили своего хана Юнуса и передали хакиму Ташкента Шейху Джемалю, а тот посадил его в тюрьму². Юнус просидел в тюрьме целый год и освобожден был лишь после гибели Шейха Джемаля (877 г. х., т. е. июль 1472 — апрель 1473 г.)³.

Выйдя на свободу, Юнус стал собирать бывших вассалов и рассеявшиеся племена. Враждебные Юнусу вассалы, особенн

¹ Мирза Хайдар, л. 64-б.

² Там же, л. 64-б.

³ Там же.

замешанные в выдаче его Шейху Джемалю, не присоединились к нему.

Вслед за рассказом об освобождении Юнуса Мирза Хайдар говорит: «В то время калмаки покинули Моголистан и ушли в свой юрт. Юнус хан с моголами откочевал в Моголистан... Амасанджи тайша и калмаки освободили Моголистан и отправились на свое место... Несколько лет (Юнус-хан) находился в Моголистане»¹.

Это сообщение Мирзы Хайдара обычно рассматривается как свидетельство возвращения всего улуса тянь-шаньских монголов на прежние места, точнее говоря, в «Моголистан» — на территорию современной Киргизии, причем подразумевается, что за время отсутствия улуса моголов в «Моголистане» все осталось по-старому, и по возвращении его все встало снова на свои места. В действительности дела обстояли иначе.

Во-первых, численность могольского улуса Юнус-хана за это время уменьшилась. Во-вторых, необходимо обратить внимание на одно обстоятельство. Встречающиеся после этих событий указания автора «Юнус вернулся в Моголистан», «находился в Моголистане» и т. п. нельзя понимать в том смысле, будто его улус занял весь Моголистан, и власть Юнуса распространилась по всей территории до линии Баркуль-Иртыш². Необходимо иметь в виду, что улус тянь-шаньских монголов, унаследованный Юнусом от своих предков, никогда не занимал всей территории Моголистана, что монгольские ханы уже давно утратили власть над большей его частью. Улус Юнуса накануне прихода Амасанджи не занимал даже долины реки Чу. Тем более могольский улус Юнус-хана не мог занять всю территорию Моголистана теперь, став еще меньшим по численности.

Перемещение в 1470—72 гг. значительного числа киргизских племен по Прииссыккулю, Чу-Таласскому междуречью до Западного Тянь-Шаня не мешало могольскому улусу Юнуса вернуться в южные районы «Моголистана» до верховий Юлдуза, откуда только что ушла на запад значительная масса киргизских племен. Таким образом, хотя Мирза Хайдар говорит, будто Амасанджи ушел из «Моголистана», а Юнус вернулся туда, это не означает ухода улуса Амасанджи в полном составе. Часть родо-племенных групп киргизов, входивших в его состав, осталась в Чу-Таласском междуречье и Прииссыккулье. Точно так же и «возвращение» Юнуса в «Моголистан» не означало его возвращения в Или-Таласское между-

¹ Там же, л. 65-б.

² Разъяснение о протяженности территории «Моголистана» см. в начале второй главы.

речь. Подтверждением сказанному служит то, что государственно-политическая жизнь могольского улуса в ближайшие десятилетия связывалась в основном с южными районами Моголистана, Кашгарией, Ферганой. Территория севернее Иссык-Куля была вне сферы влияния ханов могольского улуса. Одновременно возрос интерес моголов сначала к Фергане, затем к восточному району — Турфану и Аксу¹.

Стремление Юнус-хана осесть в Фергане истолковывается автором «Тарих-и Рашиди» как проявление его неприязни к кочевой жизни и следствие тяги к городам. Отчасти это так. Однако неправильно объяснять ход событий в могольском улусе после 1470—1472 гг. только этим. Большое значение имело то, что улус Юнуса, вытесненный в Мавераннахр, не мог вернуться на старые места, занятые в ходе передвижения Амасанджи в 1470—73 гг. новыми киргизскими племенами, переместившимися из Восточного Тянь-Шаня.

¹ О массовом передвижении киргизских племен в XV в. из Восточного Притяньшанья свидетельствуют также многие предания, дожившие до последних времен. Среди киргизского народа широко распространены легенды с тем, что киргизы во времена Долон-бия, Киргиз-бия и других ранних предков XIV—XV вв. жили в долинах рек Текеса, Кунгеса, Юлдуза. Легенды эти весьма устойчивы. Они регистрировались еще за столетие до нынешних дней. Например, еще в середине прошлого века зарегистрировано предание, по которому родоначальник киргизов Киргиз-бай, вытесненный Манасом из долины Или, должен был удалиться в южные горы, где утвердилось его потомство: старший сын — Адигине — занял верховья Сыр- и Аму-Дарьи и рек, сбегających в Кашгарию, младший — Тагай — окрестности озера Иссык-Куль.

(«Сведения о дико-каменных киргизах». Зап. Русск. геогр. о-ва, 1851, V, стр. 140). Согласно позднейшим записям, киргизы были уведены оттуда самим Манасом. (Фонды Отд. общ. наук АН Кирг. ССР, д. 1561, стр. 137). Как имена предков киргизов воспеваются и названия городов Урумчи, Мунгаты, а также других городов и местностей Восточного Тянь-Шаня. (С. М. Абрамзон. Доклад на сессии 1956 г. по этногенезу. Стенограмма сессии). Предания другого круга говорят о распространении киргизских кочевий в прошлом от Или до Иртыша, Алтая и Хангая (Ч. Валиханов. Избранные произведения. Алма-Ата, 1958, стр. 106), причем последние изображаются как ранняя родина. Об этом говорит факт перекочевки Бок Муруна, сына Кукотая, для совершения поминок по отцу с Иссык-Куля на Черный Иртыш—Алтай и через него к Саянам, где состоялась знаменитая тризна-пир, на которой Манас убил Джолая (Ч. Валиханов, там же, стр. 114, 351). Алтай как прародина киргизов фигурирует также во многих других преданиях эпоса «Манас». Описание кочевого пути см. в предании о поминках по Кукотю (Валиханов, там же, 350—351). Оправляясь туда, он восклицал: реку Или перейдя, с «калмаками, покрывающими Алтай, буду вместе кочевать, с калмаками... вместе улусами стоять... на верхнем Иртыше под Бурун Талом остановлюсь. Шесть дней будет—лошади отдохнут, семь дней пройдет... народ пусть отдохнет. А оттуда на 90 верблюдах... 90 иноходцах пойду к ички хану (хану внутренней области — К. П.) и там кукотаевские поминки устрою на весь мир». Ч. Валиханов. Избранные произведения, стр. 350—351.

Утрата улусом обширных пастбищ Илийско-Таласского междуречья и Прииссыккулья и обострение из-за них борьбы в Кашгарии вынуждали Юнуса восполнять недостаток пастбищ за счет владений тимуридов. В Западном Тянь-Шане и Мавераннахре царили феодальные распри. В связи с этим в 80-х гг. XV в. Юнус закрепил за собою области Ахси, Оша и др. В 1484 г. он овладел уже областями Ташкента и Сайрама и перевел сюда на зимовку свой улус. Но это не удовлетворяло некоторых его вассалов. Несколько из них во время зимовки 1484 г. в Сайраме оставили улус Юнуса и, захватив с собою младшего ханского сына Ахмеда, бежали в Чу-Таласское междуречье к киргизским племенам, прибывшим сюда в большом количестве в 1470 г. из Восточного Тянь-Шаня и оставшимся после ухода Амасанджи¹. С прибытием сюда Ахмед, опираясь на киргизов, основал на Тянь-Шане фактически новое государственное объединение, в котором первенствующее положение занимали киргизы (см. далее). В результате этого на Тянь-Шане появились два крупных независимых государственных объединения, или улуса-ханства. Старый улус тянь-шаньских монголов, ханом которого после Юнуса стал его старший сын Махмуд, состоял в основном из местных тюркоязычных племен домонгольского периода, монголоязычных племен и некоторого количества киргизских племен, прибывавших на Тянь-Шань в предшествующие столетия. Территорией, или юртом, этого улуса являлась так называемая область Мангалай Субэ, включавшая прикашгарские области южного склона Тянь-Шаня от Ферганы до Аксу-Турфана (см. гл. V).

Другой улус, напротив, состоял в основном из киргизских племен, прибывших при Амасанджи в значительном количестве из Или-Иртышского междуречья и Притяньшанья. Тянь-шаньские монголы составляли в нем меньшинство. Он занимал в основном Таласско-Илийское междуречье и Прииссыккулье, т. е., по терминологии Мирзы Хайдара применительно к данному времени, центр Моголистана.

Точно установленных постоянных границ между улусами не было. Оба представляли собою феодально-государственные объединения кочевников, включавших в свой состав — хотя в разных пропорциях — в общем одни и те же этнические родоплеменные подразделения, которые могли легко переходить от

¹ Что касается судьбы самого Амасанджи, то установить ее пока трудно. Возможно, он бесследно сошел со сцены или умер (как сыну Эсэху-хана и Цамур Гунджи, ему могло быть до 55 лет); возможно, в связи с каким-либо раздором среди вассалов, он действительно возвратился в Занлийские места, уведя, вероятно, лично принадлежавший ему удел. Но многие из объединений, входившие в состав его улуса, в частности киргизские, могольские, остались в долинах Чу и Таласа.

одного хана к другому, как это бывает обычно при феодальной раздробленности и междоусобицах. Подтверждением сказанному могут служить многочисленные выражения Мирзы Хайдара, вроде: «Оба султана (сыновья Ахмеда, Саид и Халиль. — К. П.) оставались в Моголистане с киргизами... и оставшимися моголами¹. «Мансур хан собрал всех, кто был в Моголистане, — киргизов и прочих»². «Мухаммеда киргизы схватили, заковали... хан подчинил своей власти весь Моголистан и киргизов»³.

Атабек сына Халиль Султана, Баба Султан, просил Саид-хана, «чтобы тот передал Моголистан и киргизов Баба Султану, что он, мол отвезет Баба Султана в Моголистан и оформит дела киргизов и Моголистана»⁴. «Из-за действий Абу Бекра в Моголистане были постоянные смуты, и все моголы и киргизы, находившиеся в Моголистане, терпели беспокойства»⁵.

Главный военачальник Абу Бекра Мир Вали «столь преуспел в преследовании моголов и киргизов, что никто не осмеливался приближаться к Кашгару.. Все моголы держались у Чалыша и Турфана. Киргизам он оставил этот берег Иссык-Куля»⁶. «Все моголы бежали из Моголистана. Даже киргизы, дикие львы Моголистана, не могли долее оставаться здесь и ушли в Чалыш к Мансур-хану»⁷.

Можно было бы привести и другие примеры, подобные данным, но в этом нет необходимости: уже из этих видно, что с конца XV — начала XVI в. киргизские племена составляли большинство населения так называемого Моголистана, причем вместе с ними проживали и перемещивались также тьянь-шаньские монголы.

Ахмед в течение нескольких лет уничтожил всех непокорных феодалов тьянь-шаньских монголов, расправился с эмиром Али Джирасом, объединившимися эмирами Калуджи. Он успешно воевал с калмаками и прославился среди последних как Аладжи-хан («убивающий хан»), воевал с казахами. «Он держал власть в Моголистане так прочно, что к границам Моголистана в течение 7-8 месяцев не было подхода ни калмакам, ни узбекам. Когда он удовлетворился состоянием дел в пределах Моголистана, он обратился к делам мирзы Абу Бекра в Кашгаре. Он пошел на Кашгар в 905 г. (1499—

¹ Мирза Хайдар, л. 85.

² Там же, л. 85-б.

³ Там же, л. 91-б.

⁴ Там же, л. 96.

⁵ Там же, л. 131-б.

⁶ Там же, л. 236.

⁷ Там же, л. 192—192-б.

1500 гг.)...»¹ Ахмед изгнал отсюда Абу Бекра и штурмовал Яркенд. Все это происходило в то время, когда он не имел в своем распоряжении собственно монгольского улуса, бывшего с 1487 г. в ведении его старшего брата Махмуд-хана, находившегося в Ташкенте. После смерти Юнуса он наследовал ханский престол улуса, занимавшего Юго-Западное Тянь-шанье и Кашгарию.

Чувствуя себя достаточно прочно в Моголистане, Ахмед стал вмешиваться даже в дела Мавераннахра и выступил (около 1503 г.) против Мухаммеда Шейбани-хана в защиту своего брата Махмуда, который сначала помогал Шейбани в отвоевании у тимуридов присырдарьинских и других земель, а затем, когда кочевые узбеки-кыпчаки Шейбани заняли Мавераннахр и стали вытеснять улус самого Мухаммеда, вступил с ними в борьбу. Оба брата были разбиты и попали в плен. Шейбани-хан освободил их, и они вскоре вернулись во владения Ахмеда. По возвращении Ахмед умер (1503—1504 гг.).

После смерти Ахмеда его старший брат Махмуд, формально считавшийся ханом всех тянь-шаньских монголов, пытался было распоряжаться во владениях Ахмеда. Однако из этого ничего не вышло. «Он жил там, терпя затруднения. В конце концов он отправился к Шейбани-хану, надеясь на его милость»². Последний убил его. Следом за ним из Моголистана в Дешт-и Кыпчак бежал его сын Мухаммед Султан.

Причиной удаления Махмуд-хана из Моголистана явилась вражда, возникшая между ним и сыновьями Ахмеда, по имени Султан Халиль Султан и Султан Санд, которые после смерти отца как продолжатели его дела стояли во главе киргизских племен.

Остатки монгольского улуса Юнуса, вытесненного в 1470 г. с Тянь-Шаня кочевыми киргизскими племенами, не имели возможности прочно осесть в Мавераннахре. Примерно через 30 лет кочевые узбеки, т. е. кыпчакские племена, входившие ранее, как и киргизы, в Ак Орду, вытеснили их из Мавераннахра в Кашгарию. Опираясь на эти остатки улуса, вытесненные в Кашгарию, Махмуд-хан попытался было «по обычаю предков» вернуться в Центральный Тянь-Шань, занятый киргизскими племенами. Но из этого ничего не вышло.

Ахмед, отправляясь в поход против Шейбани-хана, оставил своим преемником старшего сына, Мансура. Но после смерти отца между его сыновьями началась борьба, осложняв-

¹ Мирза Хайдар, л. 83. Описывая борьбу с калмаками, автор предводителем их вторично ошибочно называет Эсэн-тайшу, который давно умер.

² Мирза Хайдар, л. 126-б.

шаяся к тому же притязаниями их дяди Махмуд-хана на верховенство. В результате этого от Мансура отделился сначала Халиль Султан, затем к последнему бежал Султан Саид.

«После ранения и ряда трудностей он примкнул к своему брату Султан Халиль Султану. — пишет Мирза Хайдар. — После смерти отца Султан Халиль бежал от Мансура в Моголистан. Там он присоединился к народу киргизов, которые являются дикими львами Моголистана. Они признали его за падишаха. Некоторое время (Султан Саид) был с братом... Между ними и Махмуд-ханом и Мансур-ханом, с другой стороны, начались всякие междоусобия и неурядицы. Имели место большие столкновения и удивительные происшествия. В этих столкновениях они получили столь тяжелые раны, что разум отказывается верить в возможность их выздоровления... Они были заняты междоусобной борьбой в Моголистане с 910 по 914 г. х. (1504—1509). Это продолжалось до тех пор, пока Махмуд-хан, оказавшись в затруднительном положении между племянниками и разными народами Моголистана, ушел к Шахибек-хану» (Подчеркнуто нами — К. П.)¹.

Мансур, считая себя с удалением Махмуда верховным ханом всего Тянь-Шаня, двинулся из Чалыша и Турфана, надеясь добиться подчинения киргизских племен, служивших опорой его мятежным братьям, которые, в свою очередь, собрали подвластные им киргизские и могольские войска и приготовились к бою в выбранной ими укрепленной местности Чарун Чалак² (в другом месте «Тарих-и Рашиди» сказано, что сражение это происходило в Алма-Ате)³.

Ниже приводится сокращенный пересказ описания этого сражения⁴. Саид и Халиль собрали всех киргизов и моголов и подготовились к сражению. Они стояли в местности Чарун Чалак. Вскоре подошли войска Мансура-хана. Воинственные и жаждущие битвы богатыри шли один за другим. Шли пехотинцы и ехали всадники. Двигались племя за племенем, иль за илем, отряд за отрядом. Оба войска встали друг против друга вечером и наблюдали заход солнца. Ночь прошла в приготовлениях к предстоящему сражению. Ни в том, ни в другом лагере никто не спал. На заре войска построились. Сгустились тучи, поднялся ветер. Войска стояли друг против друга. Со стороны войск братьев на поединок выехал могол Шейх Али-бахадур. От Мансура-хана выступил Кутлуг-Мухаммед

¹ Мирза Хайдар, л. 127.

² Мирза Хайдар, С-395, л. 89.

³ Мирза Хайдар, С-395, л. 127.

⁴ Описание имеется в списках С-394 лл. 48-6—49, и В-648, лл. 72-6—73. В списке С-395 (лист 89) описания нет.

бахадур. После долгой борьбы победа стала склоняться на сторону Кутлуг-Мухаммеда. Тогда с обеих сторон ринулись воины. Так началось сражение, окончившееся поражением киргизов и братьев, Саида и Халиля.

Халиль бежал в Мавераннахр, к Шейбани, и по его приказу был утоплен в реке Аксу. Саид после поражения бежал на озеро Иссык-Куль с отрядом в пятьдесят человек. Вблизи реки Нарын кочевало племя баарии, к которому Саид хотел пристать, но его не приняли. Его отряд распался, а сам он после нескольких недель скитаний бежал в Андижан, где был брошен в тюрьму. Затем ему удалось под видом каландара бежать к двоюродному брату Бабуру в Кабул, куда последний был незадолго перед тем вытеснен Шейбани-ханом¹.

Разгромленные Мансуром киргизские племена частью рассеялись, частью были переселены Мансуром в Чалыш и Турфан, где он якобы многих из них перебил².

В междоусобную борьбу братьев постоянно вмешивался правитель Кашгара могол рода дуглат Абу Бекр. Частые набеги его войск на стоянки киргизских и монгольских племен привели к тому, что они «не осмеливались приблизиться к Кашгару, набеги были причиной беспорядочного состояния монголов и киргизов»³.

Как указано Мирзой Хайдаром, после поражения у Чаруи Чалака киргизские племена были насильно уведены в Чалыш и Турфан; однако в действительности уведены были не все. Даже в период наибольших успехов Мансура и Абу Бекра, каждого со своей стороны, значительная часть их продолжала жить в районе Иссык-Куля.

В Чалыш и Турфан Мансуром уведена была лишь незначительная часть киргизских племен, что видно из следующего сообщения Мухаммед Хайдара: «Все моголы держались у Чалыша и Турфана. Киргизам он (Абу Бекр) оставил этот берег Иссык-Куля»⁴.

Таким образом, «уничтожение» многих киргизов касалось лишь уведенных Мансуром, а также переселенных им насиль-

¹ Борьба тимуридов во главе с Бабуrom (1483—1530) за отвоевание у кочевых узбеков Мавераннахра продолжалась около двадцати лет, после чего они, видя ее тщетность, обратились в другом направлении. В 1525 г. Бабур завоевал Северную Индию, основав там так называемое государство «Великих моголов», просуществовавшее до уничтожения его англичанами во второй половине XVIII в. См. указан. записки самого Бабура («Бабурнаме») и Франсуа Бернье, «История последних политических переворотов в государстве Великого Могола», перев. с фр. М., 1936.

² «(Мансур-хан) заманил к себе киргизов хитростью и многих из них перебил». Мирза Хайдар, С-395, л. 252—253.

³ Мирза Хайдар, список рукописи С-395, л. 131-б, 236.

⁴ Мирза Хайдар, там же, л. 236. (Все ссылки далее по списку С-395).

но. Но основная масса их продолжала оставаться в Прииссык-кулье и Чу-Таласском междуречье. Это видно из того, что непосредственно после сражения у Чарун Чалака Саид-хан встретил в районе Нарына человека, который двигался в прямо противоположном направлении, собираясь пристать к киргизам¹.

К 1510 г. киргизы оправились от поражений. Хайдар говорит, что «с 1510 года киргизы сделали невозможным ни для одного могола проживание в Моголистане»². В 1510—1512 гг., пользуясь временным прекращением экспедиций Абу Бекра и Мансур-хана в район Иссык-Куля, киргизские племена стекались сюда с разных сторон и к 1514 г. составляли в районе Иссык-Куля весьма внушительную силу. Районы их кочевий доходили на востоке до владений Мансура, включавших Уг, Аксу, Бай, Кусан, Чалыш и Турфан. Южным соседом киргизов был Абу Бекр дуглат, владевший Кашгаром, Янги-Гисаром и Яркендом.

Неудачный для киргизов исход сражения с Мансур-ханом не положил конец их продвижению в Кашгарию и вмешательству в междоусобную борьбу правителей могольского улуса. Их распространение по Кашгарии не было надолго приостановлено и Абу Бекром, оттеснившим Мансура к Турфану.

Во главе киргизов по смерти киргизского «падишаха» Халиля встал их собственный феодал Мухаммед. В качестве вассала брата Халиля, Султан Саида, он помогал последнему в 1514 г. овладеть Кашгарией и изгнать Абу Бекра.

В то время, когда войска Саида в течение двух месяцев стояли лагерем между Кашгаром и Яркендом, ожидая выступления Абу Бекра для решительной битвы, «из Моголистана прибыл Мухаммед-киргиз с киргизским народом»³. За помощь, оказанную Мухаммедом, Саид одарил киргизов многими подарками.

Мухаммед-киргиз направился с разрешения Саида с отрядом своих воинов в рейд к Яркенду, чтобы узнать размеры действительных сил Абу Бекра у столицы и пр. Саид направил в помощь ему нескольких «почтенных лиц»⁴. Соединенный киргизско-могольский отряд напал и разграбил Арслан Баг, в двух фарсах от Яркенда. Мухаммед-киргиз привез сведения о том, что Абу Бекр собирает армию, но пока что не имеет достаточных сил для сопротивления. Узнав об этом, Саид-хан решил двинуться на Яркенд в обход Кашгара и Янги-Гисара. Войска Саид-хана не имели орудий для штурма яркендской

¹ Мирза Хайдар, там же, л. 127.

² Мирза Хайдар, указан. рукопись, л. 280.

³ Мирза Хайдар, там же, л. 230.

⁴ Там же.

цитадели и могли рассчитывать лишь на захват города в результате долговременной осады.

Под Яркендом киргизы в составе войск Саид-хана стояли лагерем в 10 фарсах от Янги-Гисара по дороге на Яркенд. Несмотря на неоднократные стычки отдельных отрядов, полной блокады Яркенда организовать не удалось, и город не сдавался.

Тогда было решено штурмовать Янги-Гисар. В ходе осады Мухаммед «представил государю доказательства доблестных деяний отряда (киргизов) и был отличен разными государственными милостями... Он привез хану добычу и сведения»¹. В результате совместных действий Султан Саид и Мухаммеду вскоре удалось отвоевать у Абу Бекра Кашгар и Яркенд, затем Хотан. Султан Саид распространил свою власть по всему предгорью Куэнь-Луня и Тянь-Шаня, подчинил страну желтых уйгуров. Однако дружественные отношения между главой киргизов Мухаммедом и ханом продолжались сравнительно недолго. Вскоре Мухаммед отказался признавать верховенство Султана Саида и вступил в сношения с шейбанидами, враждовавшими с ним. Султан Саид предпринял против Мухаммеда поход и захватил его в плен². Киргизские феодалы не только не хотели подчиняться ханам тянь-шаньских монголов, но вытесняли с Тянь-Шаня даже тех монгольских феодалов, которые считали себя по старой привычке хозяевами пастбищ, земли.

В связи с создавшимся положением монгольские феодалы, стремившиеся восстановить былое господство, настойчиво требовали от своих ханов похода против киргизов и отвоевания у них пастбищ Моголистана, прямо заявляя, что «обширных пастбищ и пространств стало недостаточно (для людей и скота), и возникают частые раздоры из-за пастбищ..., необходимо снарядить поход в Моголистан и подчинить киргизов с целью, чтобы наш народ мог иметь достаточно пастбищ и спокойные умы»³. Под давлением этих требований вассалов Султан Саиду пришлось в 1522 г. снаряжать новый поход и освободить после пятилетнего заточения Мухаммеда в надежде привлечь с его помощью киргизскую верхушку.

Объясняя аналогичным образом цели предшествующего похода против киргизов, сам автор «Тарих-и Рашиди» тоже писал, что «холмы и равнины Кашгарии не в состоянии доста-

¹ Мирза Хайдар, л. 230.

² Мирза Хайдар, л. 91—92.

³ Из требования Хаджи Али-Бахадура (воспитателя сына Халиль-султана) о необходимости снаряжения похода. Мирза Хайдар, л. 67—69.

вить достаточное количество провианта, и поэтому, чтобы удовлетворить требования народа, хан составил дерзкий план подчинения Моголистана. Более того, киргизы, которые в большей части были совершенно лишены веры в бога, ... устрашали всех мусульман Туркестана, Шаша и Ферганы постоянными вторжениями и набегами»¹....

Поскольку киргизские племена и примыкавшие к ним племена тянь-шаньских монголов со времени Ахмеда все более консолидировались в отдельную государственно-политическую единицу (улус), Султан Саид, снаряжая поход, направлял к ним в качестве особого наместника своего сына Рашид Султана и при нем улусбека мирзу Али Тугая. В свою очередь, в подчинение им назначался Мухаммед-киргиз, который по прибытии «подчинил... весь улус киргизов» Султан Саиду. Хотя восстановление власти Мухаммеда над киргизскими племенами происходило с ведома и при поддержке Султан Саид-хана, Мухаммед с самого начала имел особые цели, которые не замедлили проявиться: действуя как вассал хана тянь-шаньских монголов, он тайно вел переговоры о союзе с казахским Тахир Султаном. Когда Султан Саид узнал об этом, он снова лишил Мухаммеда свободы и увез его с собою в Кашгар. Но это не предотвратило киргизско-казахского союза.

После отъезда хана в Кашгар часть киргизов отказалась признавать его наместника и объединилась в 1423—24 гг. с казахами. Поход хана в 1524—25 гг. не изменил положения. Как только Тахир после его ухода появился у Кочкора, к нему перешла половина киргизов, и Рашид Султану, сыну Саид-хана, пришлось среди зимы бежать из Кочкора в Ат-Баши, куда на выручку ему опять поспешил хан.

Половина оставшихся под властью Рашида киргизов, как писал Мирза Хайдар, бывший в то время при Рашиде, «думали» о соединении со своими остальными сородичами. В ходе дальнейшей борьбы Султан Саид-хану перед лицом киргизско-казахского союза пришлось «унести Рашид Султана и всех моголов из Моголистана в Кашгар»². Все последующие многочисленные попытки Султана Саид-хана и его преемника Рашида установить власть над киргизскими племенами не имели прочных успехов. За отдельными удачными походами следовали поражения.

Повторные попытки ханов тянь-шаньских монголов восстановить гегемонию и тем самым свои права как верховных собственников земли были возобновлены примерно лет десять спустя, при Рашид-хане, противопоставившем киргизско-казахскому союзу свой союз с узбеками Мавераннахра. После

¹ Мирза Хайдар, л. 67—69.

² Махмуд ибн-Вели, указан. рукопись, FB-82, л. 64-а.

крупного поражения в 1537 г. киргизские и казахские племена несколько раз оттеснялись Рашидом в Или-Иртышское междуречье. Хотя особенно большие потери в 1537 г. понесли казахи, потерявшие вместе с Тугум-ханом, братом Тахира, до 37 султанов, но, видимо, и потери киргизов были значительными. Поэтому многие из них некоторое время держались вдали от Прииссыккуля, а оставшиеся поблизости должны были постоянно восвать с наместником, сыном Рашид-хана, Абд аль-Лятифом, который совершил против них пять специальных походов, не считая мелких нападений. Как описывается в «Бахруль-Асрар», он «разметал племена и имущество киргизов и казахов ветром разграбления».

Хотя во время последнего похода Абд аль-Лятифу будто бы удалось разбить объединенные силы киргизов и казахов, но они быстро собрались снова и нанесли его войску сокрушительное поражение. При этом погиб сам Абд аль-Лятиф.

Получив это известие, Рашид-хан обратился за помощью к своему узбекскому союзнику, Науруз-Ахмед-хану ташкентскому. После пятимесячных сборов союзное войско выступило против киргизско-казахских племен.

Описание районов военных действий, представляющих для нас интерес с точки зрения изучения передвижений киргизских племен в XVII—XVIII вв. на большие расстояния, в источниках дается по-разному.

По Махмуду ибн-Вели, войска Рашид-хана встретились с соединенным казахско-киргизским войском, во главе которого стоял Бубулаш-султан, в Прииссыккуле. Преследование киргизов и казахов, которые «в это время нигде не могли задержаться», длилось двадцать дней. Рашид-хан настиг их и разгромил в местности Кинлимсе-Каджура; победители захватили девять знамен. Бубулаш спасся бегством¹. По сообщению «Тарих-и шах» Махмуд Чураса, предводителем казахско-киргизских сил был сын Касима, Хакк-Назар. Войско Рашид-хана преследовало его три месяца и настигло на Эмиле, где Хакк-Назар-хан, прочие начальники и киргизы собрались в «некоем укрепленном месте... Осада затянулась... Захватив Хакк-Назар-хана и прочих начальников... перебили. Киргизские эмиры были также схвачены»². Согласно анонимному уйгурскому сочинению «История Кашгарии», войско Рашида разгромило соединенные киргизско-казахские силы и Хакк-Назар-хана (и убило его самого) в местности Артыш (Иртыш)³. По возвращении из похода Рашид-хан умер.

¹ Махмуд ибн-Вели, указан. рукопись, л. 81—81-а.

² Махмуд Чурас, Тарих-и шах, Рук. ЛО ИВ АН ФВ-51, л. 469. По переводу О. Акимовской для указан. Сборника материалов по истории киргизов.

³ Аноним Кашгарии. Рукопись ЛО ИВ АН С-576, л. 62-б. По переводу Л. Покровской для указан. Сборника.

Из этих описаний, несмотря на разноречивость в отношении деталей, можно сделать вывод, что массовые передвижения киргизов в период ханствования Рашида (1533—1565/1566) совершались на большие расстояния. Если даже допустить преследование войском Рашида киргизско-казахских племен на расстояние двадцатидневного пути от Прииссык-куля, то и в таком случае они переместились, во всяком случае, в Заилыйский край и, может быть, действительно до Эмилы или даже до Иртыша. Хотя Рашиду как будто бы удалось «наказать» киргизов и казахов, однако это было, пожалуй, последнее серьезное предприятие ханов тянь-шаньских монголов против киргизских племен. Мирные и немирные отношения с киргизами его преемника старшего сына Абд ал-Керима, ограничивались фактически Кашгарией. Ни он сам, ни его братья и преемники не имели реальной возможности проводить в отношении киргизов политику в духе их предков, претендовавших на господство в Моголистане (которое пытался было восстановить Рашид-хан сначала с помощью своего отца, Султан Саида, затем самостоятельно). Время деятельности Рашид-хана в Моголистане, начиная с первого похода против киргизов в 1522 г. по конец ханствования (1565/1566), следует считать периодом утраты ханами тянь-шаньских монголов господства на Тянь-Шане и началом выхода на широкую историческую арену предводителей киргизских племен.

Таким образом, если в XIII в. — первой половине XIV в. монголоязычные племена составляли по численности значительно больший процент и господствовали среди населения Тянь-Шаня, то с конца XV—середины XVI в. соотношение стало обратным. Киргизские племена, прибывавшие с конца XVI и в XV в. в большом количестве из Или-Иртышского междуречья, к середине XVI в. частью поглотили, частью вытеснили монголоязычное население.

К середине XVI в. остатки моголов, сосредоточившиеся в основном в Кашгарии, согласно Мирзе Хайдару, едва насчитывали 30 тыс. душ; некоторые, в том числе сам автор, переселялись отсюда далее, в афганско-индийские владения государства «Великого могола», основанного Бабуром.

Хотя киргизские племена и тянь-шаньские монголы, в особенности вытесненные в Кашгарию, и в первой половине XVI в. продолжали считаться в общем отдельными народами («киргизы» и «моголы»), однако жизнь их отдельных родо-племенных групп все более переплеталась по всем линиям. Объединения киргизских племен брали себе в ханы монгольских царевичей, «чингизханидов», участвовали в их распрях. Предводители

тянь-шаньских монголов, в свою очередь, подчиняли себе отдельные киргизские племена, включая их в одни феодальные объединения с остальной массой своих подданных. (См. гл. V настоящей работы).

Ассимиляция киргизскими племенами тянь-шаньских монголов в XIV—XVI вв., слияние их в одну народность нашли широкое отражение в генеалогических таблицах, зарегистрированных в сочинении первой половины XVI в. «Маджму ат-таварих», где киргизские родо-племенные генеалогии тесно переплетаются с монгольскими, образуя одно родословное древо.

§ 2. ПЕРЕДВИЖЕНИЯ И РАССЕЛЕНИЕ РОДО-ПЛЕМЕННЫХ ГРУПП КИРГИЗОВ В ПЕРИОД ЗАВЕРШЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИХ НАРОДНОСТИ (конец XVI—XVIII в.)

Конец XVI — начало XVII в. были временем окончательно отторжения остатков тянь-шаньских монголов. Часть их, продолжавшая сохранять традиции кочевников-скотоводов и потому оставшаяся на Тянь-Шане, консолидировалась с киргизскими племенами и была ассимилирована ими. Остатки, тяготевшие к оседло-земледельческим районам, будучи вытесненными в Мавераннахр и Кашгарию, в первом были отторжены местным населением, во второй — смешанным тюркоязычным населением Кашгарии и отчасти теми же киргизами, передвинувшимися в конце XVI — начале XVII в. в Кашгарию и занимавшими до середины XVIII в. почти все ее районы. В XVII—XVIII вв. бывшие монголы Тянь-Шаня и Кашгарии исчезли вовсе.

Территориально-государственные отношения у киргизов в этот период развивались в некоторых отношениях в том же направлении, как в предшествовавшие столетия у тянь-шаньских монголов, причем в развитии их были особенно характерны два момента. Подобно тому, как тянь-шаньско-монгольские племена оттеснялись ранее киргизскими в Кашгарию и Мавераннахр, так теперь сами киргизы оттеснялись их восточными соседями, калмаками. Подобно тому, как передвижение первых сочеталось с тенденциями к ведению оседло-земледельческого хозяйства, у киргизов, в связи с продолжительным пребыванием в земледельческих районах Кашгарии и Ферганы, к концу XVIII в. стало усиливаться развитие земледелия и торговли. Правда, рост земледелия проходил неодинаково у разных родо-племенных групп. В то время как некоторые превращались из кочевников-скотоводов в оседлых «хлебопашцев» (см. далее), многие продолжали вести прежний образ жизни. Но все же в общем сдвиги становились определенно заметными.

Одной из серьезных причин, тормозивших в XVII —

XVIII вв. развитие земледелия, новые формы землевладения и, в конечном счете, развитие общественных отношений у киргизов, были частые вынужденные передвижения, что не содействовало прогрессу хозяйственного освоения занимаемых территорий, консолидации разобщенных, постоянно перемещавшихся родо-племенных группировок, формированию киргизской народности на определенной территории, мешало развитию государства и государственности, консервировало традиции кочевого быта.

Указанные перемещения сначала обуславливались усилившимся с XVII в. давлением ойрат-монгольских племен (калмаков), т. е. старых соседей, медленно, но неуклонно оттеснявших в юго-западном направлении киргизские племена со времени их выхода из Енисейско-Иртышского междуречья.

Так как большая часть киргизских племен, не желая подчиняться калмакам, имела возможность занимать земли, подвластные ханам Тянь-шаньских монголов, остатки которых уже не могли противостоять киргизам, то последние в XVII в. передвинулись с Тянь-Шаня в Фергано-Алайский район и Кашгарию, заняв таким образом земли, прилегающие к древним земледельческим районам с крупными городами Мавераннахра и Кашгарии. Однако пребывание здесь киргизских племен длилось недолго. Не успели они еще достаточно всесторонне хозяйственно освоить новые территории, как огромное государственное объединение калмаков стали потрясать внутренние смуты. Быстро наступившее распадение его сопровождалось большими передвижениями калмаков, освобождением занимаемой ими территории Тянь-Шаня и распространением на последний власти маньчжурской династии, правившей тогда в Китае, что в общем открыло перед киргизскими племенами возможность возвращения на прежние земли, более удобные для них как для скотоводов-кочевников, хозяйство которых еще не претерпело таких изменений, которые крепко бы связывали их с новой территорией. Поэтому лишь немногие остались на новых местах. Основная масса проделала в середине XVIII в. передвижение в обратном направлении, вернувшись на старые земли, точнее говоря, на Тянь-Шань, поскольку многие родо-племенные группировки по возвращении занимали, конечно, не те места, какие занимались ими вместе с казахами во времена Рашид-хана накануне массового передвижения в Кашгарию и Фергано-Алайский район¹.

¹ В настоящей главе «Кашгария» употребляется для обозначения территории Таримского бассейна, простирающегося от водораздела рек Кызыл-Су Алайской и Кызыл-Су Кашгарской на восток по системе рек Тарима, включая его притоки, стекающие на севере с хребтов Восточного Тянь-Шаня, на юге — с Западного Куэнь-Луня и др. хребтов Гималайской горной системы, иногда эту область именуют Восточным Туркестаном.

Как отмечалось в предыдущем параграфе, киргизские племена отстаивали тогда свои пастбища с помощью союза с казахами, заключенного в 1524 г. в Кочкоре Мухаммедом и Тахиром, племянником известного казахского хана Касима. Ханы Тянь-Шаньских монголов, в свою очередь, стали объединяться с узбеками, стремясь с их помощью установить свое господство на Тянь-Шане над киргизами, которые при невыгодных для них условиях удалялись в Или-Иртышское междуречье, а при благоприятной обстановке снова возвращались на старые земли.

Активное участие киргизов в междоусобицах, возникших между многочисленными сыновьями Рашид-хана, говорит о том, что оттесненные им за Или киргизские племена вскоре по смерти последнего вернулись на старые места.

Сыну Рашид-хана, Абд-ал-Керим-хану, как и его отцу, пришлось снова вести упорную борьбу с киргизами и казахами¹, а его брату и преемнику Мухаммед-хану приходилось организовывать новые походы в Чу-Таласское междуречье² и вести борьбу с киргизами в Аксу-Турфанском районе, где они поддерживали другого брата Мухаммед-хана, Абд-ар-Рахима.

Абд-ар-Рахим, владевший областями Чалыша—Турфана, вознамерился при поддержке киргизов присоединить к ним Бай и Кусан, принадлежавшие внуку Мухаммеда (от Шудж ад-дин Султана), Тимур Султану, владевшему уделом Аксу. Хотя последний вместе с Хашим Султаном на этот раз не только отстоял владения, но даже отвоевал Чалыш, перешедший к Хашиму, однако это было лишь началом длительной борьбы, к участию в которой соперниками привлекались наряду с киргизами и казахами также и калмаки, вытеснившие вскоре киргизов с Тянь-Шаня в Кашгарию, т. е. заставившие переместиться их еще раз на большое расстояние³. Эта борьба длилась в течение всего десятилетнего ханствования сына Мухаммед-хана (ум. ок. 1610 г.), Шах Шудж ад-дин Ахмед-хана⁴.

Сразу же после смерти Мухаммеда киргизские племена, используя неустойчивую обстановку, предприняли попытку овладеть областями Аксу и Уча. Предводителями киргизского войска численностью до 5000 человек были Тиляка-бий и бай Буте Кара. Аксу тогда был уделом сына Шудж ад-дин Ахмед-хана, Тимур Султана, при котором правителем был баарин Мирза Хашим-бек, а в Уче правил Мирза Хашим Чурас⁵. Хотя в ис-

¹ Махмуд ибн-Вели, указан. рукопись, л. 81-а.

² Махмуд Чурас, указан. рук., л. 52-а.

³ Махмуд Чурас, указан. рук., л. 54-а, Махмуд ибн-Вели, указан. рук., л. 84—87, и далее.

⁴ Датировку смерти первого см. у В. В. Бартольда («Киргизия», стр. 39), о продолжительности ханствования второго см. у Махмуд Чураса, л. 60-б.

⁵ Махмуд Чурас, указан. рукопись, л. 55-а, 55-б.

точниках не сообщается о том, что киргизы при выступлении против Аксу и Уча согласовывали свои действия с Абд-ар-Рахимом, но это видно как из предыдущих, так и последующих событий, в частности, по ходу дальнейшей борьбы, которую вели вассалы Шудж ад-дин Ахмед-хана и лично он сам против Абд-ар-Рахима и киргизов, привлекая на помощь калмаков¹. С течением времени Абд-ар-Рахим и киргизы склонили на свою сторону нового правителя Аксу, зятя Шудж ад-дин Ахмед-хана, Искандер Султана и уничтожили правителя Уча Мирзу Хашим Чураса². Об участии и роли киргизов в этих столкновениях интересные сведения содержатся в жизнеописаниях мусульманских шейхов, сначала распространявших среди «неверных» («кафиров») — киргизов и калмаков — ислам, а затем опиравшихся на них в междоусобиях. В частности, в жизнеописании известного шейха Ходжи Исхака Вали (ум. в 90-х гг. XVI в.), прибывшего из Самарканда в Кашгар во времена правления Абд-ал-Керим-хана, рассказывается, как тот благословлял кого-то из предводителей Абд-ал-Керим-хана или его преемника Мухаммед-хана к походу в сторону Чалыша и Турфана против киргизов³.

На основании рассмотрения взаимоотношений киргизских племен с кашгарскими ходжами и правителями, претендовавшими как наследники ханов могольского улуса на суверенитет на Тянь-Шане, видно, что хотя киргизские племена совершали частые вынужденные передвижения, тем не менее в конце XVI — первой четверти XVII в. они в общем занимали Тянь-Шань и еще не успели передвинуться по Таримскому бассейну в Кашгарию. Указание на это имеется в другом описании того же шейха, где рассказывается, как он, поссорившись с Абд-ал-Керимом, «отправился из Кашгара в область (расселения) киргизов, приехал туда, разбил шатры и там жил», уничтожил 18 капищ, обратил в мусульманство 180 тыс. кафиров, а затем, помирившись с Абд-ал-Керимом, «снова прибыл в область Кашгара»⁴.

¹ Махмуд Чурас, указан. рук., л. 55-б-59-а. В частности, калмаков призывал внук Мухаммед-хана, Мухаммед Хашим Султан (там же, л. 55-б). Со своей стороны, Абд-ар-Рахим и киргизы привлекали казахов (там же, л. 59-а).

² Махмуд Чурас, указан. соч., л. 60-а.

³ Мавляна Пирун Бухари, Джалис-и Муштакин («Собеседник жаждающих»), рук. ЛО ИВ АН, А-232, лл. 46-а, 47-а. По переводу З. Выражейкиной (указан. подготавливаемый сборник материалов по истории киргизов). Сочинение написано в 1590—1600 гг.

⁴ Зия ал-Кулуб («Сияние сердец»), рукопись ЛО ИВ АН, А-1615, л. 24-б, 27-а. По переводу З. Выражейкиной (указан. сборник по истории киргизов). Сочинение написано в 1600 гг.

Совершенно иной стала обстановка в середине XVII в., когда киргизские племена, проживавшие до того в отдалении от области Кашгара (именно об этом говорит последнее свидетельство), наводнили не только область Кашгара, но также области Янги-Гисара, Яркенда, Хотана — всю Кашгарию и предгорья Куэнь-Луня и Нань-Шаня, т. е. весь Таримский бассейн от Тянь-Шаня до Гималаев. Вынужденное передвижение их сюда, а также в Алайско-Ферганский район объяснялось, как отмечено, ростом могущественного государства калмаков, быстро распространившихся до Волги и установивших свое господство на Тянь-Шане, в Казахстане и Средней Азии.

По своему составу то был пестрый конгломерат ойратско-монгольских племен, объединение которых началось с 50-х гг. XVI в., после того как Алтан-хан тумэтов подчинил ойрат-монголов, занимавших Хангайское нагорье.¹ За этим последовало подчинение его племянником хунтайши Хутуктай Сэцэном в 60 гг. XVI в. потомков керситов, торгоутов, а также включение в состав нового, быстро разраставшегося государственного объединения, найманов, мингатов, олотов, хойтов, багатудов, чоросов и др.² Входявшие в его состав торгоуты и дорботы в начальный период организации нового государства занимали Прииртышско-Тарбагатайский район, хошоуты — область Урумчи, чоросы — Илийскую долину. Затем торгоутские князья во главе с Хо Урлюком, не желая подчиняться чоросским, в 1607 г. двинулись в Дешт-и Кыпчак. В 1630 г. они в количестве 50—60 тыс. семейств расселились по низовьям Волги. В 1638 г. большинство хошоутов во главе с Турбайху откочевало в Кукунор. Хотя другие группы ойрат-монголов и монголов, остававшиеся на Алтае и Тянь-Шане, не всегда признавали верховенство чоросского князя Хара Хулы, а после его смерти верховенство его сына Эрдени-Батур-хунтайши, все же подчинявшиеся им группировки представляли собою в общем достаточно сильное, хотя и непрочное государственное объединение.

Поскольку чоросы, главенствовавшие в новом государственном объединении, принадлежали к бывшим ойрат-монголам Енисейского Восьмиречья, а среди монголов назывались также джунгарами, это государственное образование и его население, состоявшее из пестрого конгломерата многоязычных и тюркоязычных этнических групп, именовалось в источниках и научной литературе ойратами, джунгарами, олотами (по имени одной из ветвей — олотов или элютов), калмаками и др. В соответствии с разъяснением, данным в § 1 настоящей работы, мы именуем их калмаками.

¹ Саган Сэцэн, указан. публ., стр. 209.

² Саган Сэцэн, указан. публ., стр. 211—219.

До правления хунтайши Батура (1634—1665) калмаки жили в основном в Иртышско-Илийском междуречье и других областях Притяньшанья, именуемых с этого времени в общем Джунгарией, которую они постепенно заняли в предшествующее пятидесятилетие, оттеснив киргизов. Во время правления Батура они, нанеся ряд поражений соединенным киргизско-казахским силам, расширили свои владения до Таласа. В связи с описанием очередного поражения казахов и киргизов в биографии Зая-Пандиты указывается, что «Цэцэн-хан в 1652 г. подчинил бурутов»¹. Сын Батура, Галдан Бошокту (правление 1671—1697), распространил власть еще далее. В конце 70-х начале 80-х гг. XVII в. его войска несколько раз вторгались в Мавераннахр и Фергану, где было подчинено «много бурутов и андижанцев»². Одновременно, пользуясь распрями в Кашгарии, он установил свою власть в Китайском Туркестане. Согласно известному атласу Ремезова, составленному в конце XVII в., калмацкие кочевки доходили до Таласа. По карте, вывезенной из Джунгарии шведом Ренатом, попавшим в плен к калмакам в 1716 г. во время экспедиции Бухгольца, кочевья последних находились по р. Или и ее притокам, в Прииссыккулье, по междуречью Чу-Карагаты. Особо интересные, хотя и краткие, сведения о вытеснении калмаками киргизов содержатся в записках кап. Унковского, кочевавшего в 1722—1723 гг. в Западном Прииссыккулье со ставкой тогдашнего правителя калмаков сына, Сэнгэ, Цэван-Рабтана (правление 1698—1727). Цэван Рабтан, писал Унковский, после восстановления власти в Кашгарии «народом именуемым буруты, завладел которые кочуют около озера, именуемого Тускель (Иссык-Куль) и с казачьей ордою граничат. А оных народов около 5000 кибиток находится и войска их около 3000 доброго собраться может. Потом с казачьей ордою войну начал, которая у него, контайши (хунтайши) до днесь с оными продолжается»³.

Как видно из этого сообщения, власть калмаков над киргизами (бурутами), находившимися на Тянь-Шане, не была прочной. Выражение «завладел» бурутами в Прииссыккулье можно понимать двояко.

¹ А. М. Позднеев. Образцы народной литературы монгольских племен, СПб., 1880, стр. 147—148.

² А. М. Позднеев. К истории зюнгарских калмыков. Приложение к «Посольству Унковского» (Зап. РГО по отд. этнографии, т. 10, вып. 2, стр. 248—250).

³ «Посольство к зюнгарскому хунь-тайчи Цэвань-Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722—1724 гг.» Зап. РГО по отд. этнографии, т. X, вып. II, 1887, стр. 187.

Имеется в виду война, начатая с первого года правления Цэван Рабтана, когда казахский хан Тауке (Тявка) захватил в плен провожатых невесты Цэван Рабтана, дочери главы волжских торгоутов Аюки-хана,

Если это подразделение не оставляло Прииссыккулья во время наплыва сюда калмаков в 1640 г., то в таком случае оно, будучи подчиненным при Батуре, примерно через 30 лет, во время длительных междоусобиц среди самих калмаков при Сэнгэ (правление 1665—1671 гг.) и Галдане (1671—1697 гг.), перестало признавать власть калмаков, и потребовалось новое подчинение их, почему Унковский и писал, что Цэван Рабтан «завладел» ими. Возможно и то, что это подразделение покидало Прииссыккулье, затем во время калмацких междоусобиц вернулось обратно и попало впервые в подчинение к калмакам. Какое из этих предположений более соответствует истине, сказать трудно. Но во всяком случае ясно одно: власть калмаков распространялась лишь на отдельные киргизские родоплеменные группы и по характеру была непрочной. Недаром калмацкие провожатые опасались нападения бурутов даже близ ставки самого Цэван Рабтана, говоря: «Мы со всех сторон окружены неприятелями: с одной стороны хасаки, с другой буруты, повсюду в караулы требуются большие наряды, и это ежегодно»¹. Непрочной была и власть его сына, Галдан Цэрэна (1727—1746 гг.), и тем более преемников последнего. Едва у него в 1730 г. возникли затруднения в Монголии, власть калмаков в Чу-Таласском междуречье, Ташкенте и Фергане фактически перестала существовать. В Туркестане и Ташкенте снова самостоятельно правили казахи. Еще более независимо чувствовали себя киргизы, находившиеся на Южном Тянь-Шане и в Фергане, где власть калмаков и до того была непрочной. В 1732 г. против калмаков вели открытую борьбу киргизы «Китмян-Дубя, в вершинах Сыр-Дарьи, где владельцем был Мингли би»².

По сведениям, доходившим на сибирскую границу, калмаки в 1745 и 1746 гг. «вели постоянную войну с каким-то владельцем западного Туркестана Абды-Карымом»³. Бухаретин Баймуратов показал, что Галдан Цэрэн посылал в 1745 году против узбеков и государства Абдул-Карым-бая 20000 войска, из которого домой вернулась только половина. Выходцы из бывших енисейских киргизов показали в 1746 году, что бежали «из Урги затем, что разорены алманом (податями) и войной, которую вел Галан-Чирин с Абда-Карымом, в которой

¹ Посольство Унковского, там же, стр. 262—263, 54 и др.

Если даже допустить умышленное преувеличение этого калмаками, не желавшими давать Унковскому возможность собирать сведения, то красноречив уже выбор самого предлога.

² Чтение Общества истории и древностей российских, 1868, кн. II. Смесь «О караванной торговле», стр. 24.

В определении местонахождения Кетмень-Тюбе допущена некоторая неточность. В действительности эта местность на Нарыне, выше его впадения в Сыр-Дарью.

³ Там же, «О караванной торговле» и пр., стр. 25.

войсками командовали Септень и Хотола; война была неудачна, потому что прежде прихода калмаков под абду-карымский город жители его были предупреждены об опасности калмацким переметчиком. На войну возили на верблюдах малых чугунных пушек 10»¹. Упомянутый владетель был Абду-Карым-бий, правивший в Фергане в 1730—1740 гг. В Фергане сохранились предания о войне с калмаками, ошибочно относимой позднейшими преданиями к 1760 г., когда колмацкого государства уже не существовало². По этим преданиям причиной нашествия калмаков была баранта, произведенная у калмаков местными киргизами, большая часть которых будто бы принадлежала к отделению кутлук-сеит (колена багыш), «и по сие время живущему в горах на север от Касана». Калмаки взяли тогда Касан и увели в плен несколько тысяч человек. Хотя причины этих столкновений были в общем, конечно, иные, все же сопротивление киргизских племен, удалившихся с Тянь-Шаня и производивших из Ферганы постоянные вторжения во владения калмаков, определенно имели значение.

Согласно показанию одного бухарца, на Сибирской линии «в 1748 г. калмаки напали на улус Пуланчи, на р. Регистан, владения старшины Жегангера»³. В рукописной статье Потанина Г. Н. «Карта распределения инородцев в Томской губернии, с примечаниями», имеется сообщение, что по показанию сержанта Котонщикова, данному еще 22 апреля 1748 года, киргизы «в числе 1000 дымов приняли стороны абдукарымцев, с которыми калмаки вели войну с 1745 года. Потом они вмешались в распри религиозных партий в Кашгаре и оказали содействие одному из предводителей, Ахмету. В 1748 году калмыки отправили против киргизов значительное войско под начальством зайсана Доржи, которое однакож было разбито; на другой год весной было послано еще более значительное войско под начальством брата хана, Лама-Доржи, но и это возвратилось с уроном (показание бухарца Адама Хозикольди, которое, впрочем, может быть, было пристрастно, как показание мусульманина). В 1750 г. эта вражда прекратилась примирением (рапорт прапорщика Мянникина, ездившего в Джунгарию»⁴.

Хотя Галдан Цэрэну за несколько лет до смерти удалось восстановить свой авторитет в указанных областях, но смуты, наступившие после его смерти, закончились через 10 лет окончательным развалом недолговечного калмацкого государства

¹ «Томская губернская ведомости». 1861 год. № 29.

² Наливкин. «Краткая история Кокандского ханства». Казань, 1885 год, стр. 61.

³ Там же. «О караванной торговле» и пр., стр. 25.

⁴ Г. Н. Потанин. Карта распределения инородцев... Рукописный фонд Всесоюзного географ. об-ва.

и подпадением самих калмаков под власть маньчжуров, господствовавших тогда в Китае и распространивших власть на Тянь-Шань и Кашгарию. Во время этих смут, как видно из дневника прапорщика Подзорова, киргизы снова вели борьбу против калмаков, а последние предпринимали попытки вновь подчинить их. В июне 1749 г. «калмаки объявили, что ходил-де у нас в походе против бурутов зайсан Якба и стоял-де под бурутами, и 300 человек у него буруты заманили, а назад не пропустили, и прибили всех 300 человек без остатка и довольно коней отогнали... Да оные же буруты осадили город Кашгар, токмо послан был зайсан с 830 человек, и на пути из 300 полтора ста побили»¹.

Непрочность власти калмаков над отдельными родо-племенными группами киргизов-бурутов в районах Или-Таласского междуречья и Прииссыккулья, т. е. в общем Северного и Центрального Тянь-Шаня, объяснялась тем, что калмаки, вытеснив большинство киргизов с этих лучших пастбищ, будучи сами кочевниками-скотоводами, не оставались на них постоянно.

В культурно-историческом и политическом отношении калмаки были связаны с Монголией и буддийским миром. Их феодалы стремились утвердить власть над всеми монголами, Куку-Нором и даже Тибетом, и вели борьбу за восстановление «Великой Монголии». Интересы мусульманского мира, а также господство над киргизами и казахами имели для них второстепенное значение. Следствием было то, что они периодически, в зависимости от обстановки в Монголии, перемещались в Или-Иртышское междуречье, на Алтайско-Хангайское нагорье, оставляя свободными пастбища Северного и Центрального Тянь-Шаня. В таких случаях киргизские племена, стесненные в Западном Тянь-Шане и Приалайском районе, стремились использовать, хотя бы временно, доступные им пастбища Центрального Тянь-Шаня, с которых они были ранее вытеснены. Поскольку калмацкие феодалы, возвращаясь через некоторое время назад и заставляя новые киргизские племена, стремились подчинить их своей власти, а последние, уклоняясь от этого, либо сопротивлялись, либо откочевывали опять на запад, то в общем борьба и перемещения отдельных киргизских племен длились в течение всего столетнего господства калмаков на Тянь-Шане.

Так складывалась обстановка в областях, откуда большинство киргизских племен было вытеснено и вытеснялось в Кашгарию и Фергану. Что касается обстановки в этих областях, то, хотя они номинально считались подвластными калмакам, однако фактическими хозяевами здесь были киргизские бии, сна-

¹ Гуляев. «Заметки об Иртыше». «Вестник», 1851, стр. 65.

чала вершившие судьбы эпигонов монгольской ханствовавшей фамилии, затем заменившие их потомками известного шейха Ахмед ибн-Джалал ад-дина-Касани (Махдум- и Азам).

Как видно из междоусобной борьбы за престол сыновей Тимур Султана-ибн-Шудж ад-дина Ахмед-хана, Султан Ахмеда, считавшегося верховным ханом (около 1627/28—1632/33 гг.), и его брата Махмуд Султана, последний своей победой и престолом (ханствовал 1633—1638 гг.) был обязан Сокур-бию, предводителю семитысячного войска киргизского рода кушчи, переместившегося в пригород Кашгара².

По-видимому, в период ханствования Махмуд Султана, которое совпало с вытеснением киргизов на юго-запад при Батуре, количество последних в Кашгарии и Фергане увеличилось и соответственно этому участились случаи их вмешательства, о чем говорят их войны с пресмником Султан Ахмеда, сыном Абд-ар-Рахима, по имени Абдулла (ханствование около 1638/39—1669/70 гг.). Судя по событиям, связанным с этими войнами, можно полагать, что отдельные киргизские родо-племенные подразделения, скопившиеся во второй половине XVII в. по Среднему и Нижнему Нарыну до Ферганы и на юг от Нарына до Кашгарии, находились в тесном общении и согласовывали свои действия, нанося крупные поражения Абдулле-хану. После этого следовали перемещения в Кашгарию новых племен. В частности, особенно крупное поражение нанесено было киргизами Абдулле-хану во время его похода в Фергану, когда ему удалось временно захватить Ош. На обратном пути соединенные силы киргизов, во главе с Койсары-бием, Уч-Курта-бием, Йол-Болду-бием и др., настигли войско Абдуллы-хана в местности Беш-Буйнак и после шестидневной блокады полностью его разгромили³. Те же бии во главе с Койсары-

¹ Махдум-и Азам (букв. «величайший господин») с 1516—16 гг. глава среднеазиатских дервишей накшбендиев. Продолжателями его деятельности в Кашгарии (ум. 1542) являлись его сыновья Калан (Хасан)-ходжа и Исхак-ходжа и их потомки, возглавлявшие партии «белогорских» и «черногорских» ходжей. См. А. Л. Семенов, Уникальный памятник агиографической среднеазиатской литературы XVI в. («Изв. Узб. филиала АН СССР»), 1940, № 12 и № 3, 1941.

² Аноним Кашгарии, указан. рукопись, л. 73-б.

³ Описание см.: Аноним Кашгарии, л. 91-б-929. Между прочим, в числе имен биев интересны по своему происхождению имена Койсары-бия и Куртки, связанные, очевидно, с прежним пребыванием первого в местности Койсары (Восточный Иссык-Куль) и Куртки (на Среднем Нарыне). Последнее может подтверждаться борьбой Абдуллы-хана с теми же биями на Нарыне. О названии подчиненного Куртке-бию родо-племенного подразделения, жившего на среднем Нарыне и в Фергане, сведений нет. Йол-Болду был видным бием кыпчаков (там же, л. 99-а). Койсары был, вероятно, бием чон-багышей.

бием и Йол-Болду-бием вскоре нанесли Абдулла-хану другое поражение, преследуя его от Нарына к Аксаю.¹

Хотя Абдулла-хану во время дальнейших походов против киргизов в Фергану иногда как будто бы удавалось наносить им поражения, однако киргизские племена, притекавшие в Кашгарию, к концу его жизни стали вершителями дел в его собственных владениях. Дело дошло до того, что киргизские бии стали фактическими правителями всех главных городов Кашгарии, в том числе Яркенда, являвшегося со времени Абдал-Керим-хана ханской столицей, Кашгара, Янги-Гисара, Хотана и др. Когда хан попытался однажды сместить правившего в Янги-Гисаре Сатым-бия и переселить подвластных ему сан-киргизов, сан-киргизы, найманы, кыпчаки, канглы и другие во главе с Сатым-бием собрались, распределили между собою Яркенд, Кашгар, Аксу и Хотан и разместились там.²

В последний год жизни Абдулле-хану пришлось признать правителем Кашгара Койсару-бия. Восшедший вскоре после Абдуллы на ханство пятый сын Абд-ар-Рахим-хана, Исмаил-хан, подкрепил авторитет Койсары-бия как правителя Кашгара утверждением его сына Кучук-бия начальником стражи Кашгара³. Против них выступили киргизы-кыпчаки во главе с Йол-Болду (Болды), желавшие вместе с кашгарскими беками поставить старшего брата хана Бабака. Они подняли мятеж и убили Койсары-бия.

Исмаил-хан, выступивший из своей столицы, Яркенда, быстро подавил восставших. Чтобы удовлетворить чон-багышей за убийство Койсары-бия, Исмаил отдал им на расправу Йол-Болду с тремя другими кыпчакскими биями, руководившими свержением Койсары-бия⁴.

Из этого можно заключить, что подвластное Койсары-бию подразделение было чонбагышским. Если Койсары-бий был действительно сыном Тияка-бия, воевавшего в 1610 г. с преемниками Махммед-хана в районе Аксу и Уча (см. выше), а его имя связано с предшествующим проживанием в Койсаре, то уведенные им в 20-х—30-х гг. XVII в. из Прииссыккуля чон-багыши кочевали в районе Аксу-Уча, Прииссыккуля, по Нарыну, в Фергане, затем оказались под Кашгаром.

Через некоторое время кыпчакам удалось одержать верх над чон-багышами и посадить ханом брата Исмаила, Бабака⁵.

¹ Там же, л. 92-а—93-а.

² Аноним Кашгарии, л. 93-б.

³ Аноним Кашгарии, л. 94-а, 98-б. Исмаил стал ханом не сразу после Абдуллы. Между ними немного ханствовал Йолбарс-хан (см. далее гл. V о государственном устройстве).

⁴ Аноним Кашгарии, л. 99-а.

⁵ Там же, л. 99-а.

Возведение ханов-ставленников разными группировками киргизов говорит как о наступлении распрей в Кашгарии между самими киргизскими племенами, так и об увеличении численности их в Кашгарии вследствие передвижения в середине XVII в. с Западного Тянь-Шаня и из Ферганы.

Имеются возможности проследить передвижение киргизских племен в тот период из Восточного Тянь-Шаня, где господствовали калмаки, которые в силу междоусобиц сами частично содействовали их перемещениям.

В 1691 г. Турфан был занят Цэван Рабтаном, который бежал сюда, спасаясь от своего дяди, Галдана, убившего отца Цэвана, т. е. своего брата Сэнгэ. Желая использовать, в свою очередь, распри в Кашгарии с целью распространения своего влияния, он поддержал претензии на ханство третьего сына Бабак-хана, Мухаммеда Му'мин-Султана Ак-Баш-хана. Так как собственных сил у Цэван Рабтана не было, он использовал влияние местной турфанской верхушки, обратившейся к главе яркендских киргизов-кыпчаков Арзу Мухаммед-беку, который объявив Мухаммеда Му'мина ханом, завоевал ему как хану Янги-Гисар и Кашгар.

Ввиду того, что последний, будучи лишь ставленником, возымел намерение распоряжаться как настоящий хан, киргиз-кыпчак Арзу Мухаммед-бек заменил его Султан-Ахмад-Султаном. Турфанцы во главе с Мухаммедом Му'мин-ханом двинулись на Кашгар, рассчитывая привлечь на свою сторону кашгарских чон-багышей, враждовавших с кыпчаками. Бии чон-багышей сначала «оделись в почетные одежды, (затем) подняли мятеж (т. е. отказались признавать этого хана.— К. П.) и перешли к кыпчакам»¹. Не имея возможности войти ни в Кашгар, ни в Яркенд, хан обратился за помощью к Цэван Рабтану. Последний направил против Яркенда войско во главе с хунтайшой Чукула-Кашка. Хотя при его приближении главные киргизские предводители оставили город, но едва он удалился, они снова вернулись в Яркенд².

Потерпев неудачу при попытках посадить в Яркенде или Кашгаре ханом Мухаммеда Му'мина, его сторонники решили использовать в своих целях известного мусульманского ходжу Даниеля, бежавшего в свое время из Яркенда в Кашмир³. Но глава кашгарских киргизов Арзу Мухаммед не впустил его в

¹ Ановим Кашгарии, л. 103-а.

² Там же, л. 103-а, 103-б.

³ Даниель был правнуком известного ходжи Исаака Вали (сына ранее упоминавшегося Махмуд и-Азама), возглавлявшего так называемую «черногорскую» группу кашгарских ходжей.

Кашгар, противопоставив ему своего ходжу Ахмеда¹, а себя объявил Кара-ханом². Под его властью были подразделения кыпчаков, кушчи, найманов, толесов, кесеков, чон-багышей и др.

Кроме подразделений, живших в областях Кашгара и Янги-Гисара, были, по-видимому, и другие, жившие в районе Яркенда — Хотана; численность их была значительной, поскольку они могли противостоять кашгарцам и отражать их нападения.

В ходе дальнейшей междоусобной борьбы, тесно переплетавшейся с борьбой против калмаков, ходжи и их предводители призывали новые партии киргизов. В частности, сын Даниеля, Юсуф-ходжа, живший при тогдашнем правителе калмаков Даваци, стремясь сначала овладеть Кашгаром с помощью своего покровителя, а затем отделиться от него, призывал новые партии киргизов с Или и из Ферганы.

«О мои храбрые кыпчаки!

Знайте, что с давних времен Ваши предки были предводителями мусульманских войск... Приезжайте в такое-то время, в такой-то час», — писал он киргизам, летовавшим на Или и находившимся под властью Даваци³. По-видимому, эти илийские кыпчаки, подобно ранее переместившимся в Яркенд и Хотан, включали некоторые из племен, в состав которых входили подразделения сары-калфак, бугу (бука) и др.⁴. Их глава Амр-Мирза с большой охотой «принял это письмо»⁵, и «киргизы..... кыпчак, которые летовали на Или... воспользовались удобным случаем, через город Куча прибыли в Хотан. Этим был причинен большой ущерб калмакам»⁶. Численность их была, должно быть, весьма велика: «Хотан был полон киргизами кыпчак, прибывшими с Или»⁷. С перемещением этой партии

¹ Ахмед Ходжа был сыном Яхьи ходжи, внука Ишан Каляна (Хасана), доводившегося братом Исхаку Вали. Потомки Ишан Каляна в противоположность потомкам его брата Исхака Вали, являлись предводителями группы так называемых «белогорских» ходжей.

² Мухаммед-Садык Кашгари, «Тазкира-и ходжаган («Жизнеописание ходжей»). Рукопись ЛО ИВ АН Д-191, стр. 74, по переводу извлечений М. А. Салахетдиновой в Изв. АН Кирг. ССР, т. 1, вып. 1 (История), Фрунзе, 1959, стр. 93—124. Обстоятельные переводы-пересказы указанных извлечений см. Валиханов Ч. Ч., Сочинения, СПб., 1904, стр. 79—150. The history of the khojas of Eastern Turkestan... ed by N. Elias. Supplement. To the journal of the Asiatic Society of Bengal. № 66, Calcutta, 1897.

³ Мухаммед-Садык Кашгари, там же, стр. 149—150.

⁴ См. главу V настоящей работы, а также замечания в работе К. И. Петрова. «К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношений с ойратами».

⁵ Мухаммед-Садык Кашгари, там же, стр. 149—150.

⁶ Там же, стр. 168—169.

⁷ Там же, стр. 189.

родо-племенные группы кыпчаков-киргизов распространились по всем районам Кашгарии¹.

Одновременно Юсуф Ходжа обратился за помощью к киргизам Ферганы: «О правители Андижанского вилайства, о предводители киргизов! Знайте, что этими городами Моголистана на протяжении многих лет управляли проклятые (калмаки). Мы отложились от них и... обнажили мечи... (мы) поведем войско в Или, (к) основному месту обитания неверных... окажите помощь исламу...»². Особое письмо с приглашением «прибыть вместе с племенем» было послано могущественному главе жившего в Фергане племени кушчи, Ковад Мирзе, предок которого, Галиджа-бий, был «предводителем мусульманских войск» Калан (Хасан)-ходжи³. Вскоре он прибыл, и объединенные войска киргизов и населения Кашгара, Янги-Гисара, Яркенда и др. городов выступили к Учу.

Из числа киргизских племен, кроме ранее упоминавшихся,

¹ По-видимому, все собравшиеся в XVII—VIII вв. в Кашгарии киргизы-кыпчаки происходили из пограничных областей киргизско-кимакского (кыпчакского) Прииртышско-Алтайского района, смежных с областью Каркархан, где в домонгольское время проживало население, занимавшее видную незавершенности процесса формирования народностей, промежуточное положение между кимаками (кыпчаками) и киргизами, т. е. «по обычаям, походившее на киргизов» (см. начало § 1 настоящей работы и указан. работу «К истории движения киргизов на Тянь-Шань...»).

Движение их сюда вместе с другими родственными группами кыпчаков, канглов шло разными путями. Отдельные группы могли быть увлечены еще найманами или следовавшими за ними монголами во главе с Чингиз-ханом. Основная масса в течение продолжительного времени кочевала вместе с другими киргизскими племенами в Иртышско-Илийском междуречье. Некоторые подразделения оставили Или-Иртышское междуречье, будучи уведенными Тимуром во время массового разорения им населения этих мест. Другие передвигались Северным Тянь-Шанем и краем Дешт-и Кыпчак в XV в. одновременно с ичкиликами-булгачи и другими. Наконец, оставшиеся после этого группы (как впрочем, и осколки группы ичкилик-булгачи, упоминаемые у Махмуда Чураса и др. авторов) оставляли Или-Иртышское междуречье в калмацкий период. Следуя отсюда прямым путем в Кашгарию, они встречались уже здесь со своими сородичами, которые оставляли Или-Иртышское междуречье в XIV—XV вв., двинувшись Северным Тянь-Шанем и краем Дешт-и Кыпчак. Последние вместе с кочевыми узбеками, частью ичкилик, кушчи и др. на рубеже XV—XVI вв. сначала заняли Фергано-Южно-Тянь-Шаньские области, затем перевалили Южным Тянь-Шанем в Кашгарию. Здесь они вновь встречались и перемешивались со своими сородичами. Поскольку все эти кыпчаки, группы ичкиликов и др. южных киргизов в конце XVI—начале XVII в. совершенно определенно относили себя к киргизам, то это говорит по крайней мере, об одной двухвековой традиции, восходящей к XIV—XV вв., т. е. о том, что все эти родо-племенные группы считали себя в общем «киргизами» также в период временного вхождения в состав кыпчакских объединений кочевых узбеков Дешт-и Кыпчак, а не стали киргизами «вдруг» в послейбанидское время.

² Мухаммед-Садык Кашгарин, стр. 208.

³ Там же, стр. 208. Из этого можно сделать заключение о пребывании кушчи в Фергане и Кашгарии, вероятно, около середины XVI в.

в борьбе принимали участие племена мунки, токуз, утуз-угул.¹ Во время военных действий Юсуф-ходжа умер. Предводители киргизов сочли для себя более выгодным не поддерживать его сыновей². Киргизские бии обратились против войск своих союзников, разгромили их и стали вновь правителями Яркенда, Кашгара и других городов³.

Что касается калмаков, то правление их в Кашгарии в некоторые периоды, например, во время распрей Даваци и Амурсаны, носило номинальный характер. Фактическими хозяевами положения были киргизские бии. После того, как маньчжуро-китайские силы подавили в 1759 г. последнее сопротивление калмаков на Юлдузе, возвращавшиеся сюда киргизы становились фактическими хозяевами и в Восточном Тянь-Шане⁴. Занятие ими земель в послекалмацкое время, во второй половине XVIII в., являлось их последним передвижением и вместе с тем окончательным расселением, которое в основном сохранялось до присоединения киргизов к России⁵.

В период падения калмацкого господства и установления на Тянь-Шане власти маньчжуров в 1750—1760 гг. киргизские племена, по наблюдениям китайских авторов, образовывали две большие группы, западную и восточную. Как можно установить по родо-племенному составу, под первой подразумевалась в основном группа ичкиликов и некоторые группы правого и левого крыла, т. е. главным образом современные памиро-ферганские, или южные киргизы. К ним причислялось 15 племен, наиболее сильными из которых были подразделение басыз, численностью более 1300 кибиток, адигине и монголдор, численностью в 700 кибиток, подразделение черик, численностью более 200 кибиток. Общая численность всех западных

¹ Мухаммед-Садык Кашгари, стр. 232.

² «Если даже оказать помощь (сыновьям Юсуф-ходжи. К. П.), — говорили некоторые, — они не смогут удержать власть. Чем быть в союзе с ними и стать правителем Кашгара, лучше быть в союзе с Бурхан-ад-дином, потому что царицы уйдут, покинув город, и Вы без всякого станете правителем». Мухаммед-Садык Кашгари, там же, стр. 251. Бурхан-ад-дин был сыном Ахмед-ходжи. См. гл. V.

³ Описание хода борьбы см. Мухаммед-Садык Кашгари, стр. 251—252, 258—259, 272, 274, 276—277, 280, 311, 316, 317, 322—327, 334—335, 338—339, 341, 343.

⁴ Возвращение отдельных родо-племенных групп киргизов в послекалмацкое время сохранилось в памяти киргизских стариков до самых последних дней. Поскольку предания об этом широко известны в литературе, мы их не касаемся.

⁵ Указывая на это, мы имеем в виду расселение основного массива племен по Тянь-Шаню. Что касается периодических передвижений окраинных племен, как, например, передвижения в Северной Киргизии в последней четверти XVIII в. в связи с войнами с казахским ханом Аблаем, то они в общем не изменяли установившееся размещение племен.

киргизов, по данным китайского правительственного комитета во главе с Фу Хэн (1757 г.) (с добавлениями Ин Ляня от 1762 г. и добавлениями 1782 г.), достигала 200.000 человек¹. Территория западных бурутов, по описаниям того же источника, «с юга и востока ограничивается Памирскими горами, на западе доходит до бухарских племен»².

Судя по ходу борьбы главы подразделений адигине и монголдор Ацзи-бия с правителем Коканда Иордан-бием за Ош (в 1762 г.), эти подразделения занимали в то время территорию указанной области³. На востоке границы расселения западных (т. е. нынешних южных) киргизов доходили до самого Кашгара⁴. Китайское подданство было ими признано в 1759 г. Разделение в то время киргизов на западных и восточных (см. далее), по-видимому, было связано с удалением значительного количества киргизов на запад с целью избежания калмацкого господства.

Ближайшими соседями западных киргизов в Кашгарии были подразделения басыз и саяк, кочевавшие тоже на северо-запад от Кашгара за постом Гушунэ-Таши; чон-багыш, жившие в 1760 г. в 100 км на север от Кашгара; турэичэр (толес?) и солто, жившие в районе Упала, что в полусотне километров западнее Кашгара⁵.

На юго-запад от Кашгара в 1770 г. кочевали подразделения сарт, тейит, найман, земли которых на севере граничили с киргизскими племенами Коканда, Бухары и с Бадахшаном⁶. Их соседом было подразделение кыпчак, кочевавшее также к югу от Кашгара в стороне Янги-Гисара⁷. Южнее и юго-восточнее кыпчаков, в районе Яркенда, жило многочисленное подразделение букаче (бугу?), прибывшее сюда в 50-х гг. XVIII в. с Или в составе илийских кыпчаков во главе с Амр Мирзой⁸.

¹ Циньдин хуан юй сиюй тучжи. (Высочайше утвержденное географическое описание Западного края при Маньчжурской династии, с картами). Изд. 1893, гл. 45. «Западные буруты», стр. 9-а. Переводы этого и других далее цитируемых китайских источников исполнены для автора Е. Кычановым, за что автор приносит ему глубокую благодарность. Если указанная численность соответствовала действительности, то это — свидетельство большого скопления киргизских племен в Южном Тянь-Шане.

² Там же, л. 9-а.

³ Циньдин хуан юй сиюй тучжи, там же, л. 8-б.

⁴ «Западные буруты находятся в 300 ли (1 ли=576 м) к северо-западу от Кашгара, дорога к ним идет от г. Ош через Памир». Там же, л. 8-б.

⁵ Циньдин Синьцзян шилуе («Высочайше утвержденная (книга) основных сведений о Синьцзяне»), 1821, цз. 3, стр. 13-а и цз. 12, стр. 38—63. Используется по переводу А. Кондратьева для сб. материалов ЛО ИВ АН по истории киргизов.

⁶ Циньдин Синьцзян шилуе, цз. 12, стр. 38—63.

⁷ Циньдин Синьцзян шилуе, цз. 12, стр. 38—63.

⁸ Циньдин Синьцзян шилуе, цз. 3, стр. 32-а. О прибытии их в составе илийских «кыпчаков» см. выше. У Мухаммеда-Садык Кашгари по рукописи

Еще далее, на юго-запад от Яркенда, по долине р. Яркенд-Дарья, кочевало подразделение «сэлэкуэр»¹.

О киргизских племенах в областях между Яркендом—Хотаном и восточнее Хотана в китайских источниках второй половины XVIII в. почти не упоминается, хотя наплыв их сюда с Или и из Восточного Тянь-Шаня в первой половине XVIII в. был весьма большим. По-видимому, основная масса их, не успевшая освоиться на новых местах, с падением калмацкого господства вернулась обратно в Восточный Тянь-Шань, влившись снова в состав «восточных» киргизов, состоявших в основном из подразделений правого крыла.

Согласно описанию восточных бурутов в «Циньдин Хуан'юй сиюй тучжи», они во второй половине XVIII в. занимали «территорию к юго-западу от джунгарских племен, к северо-западу от уйгур, по северному склону Тянь-Шаньских гор, от Или (резиденции китайского правителя.—К. П.) на северо-восток на расстоянии 1400 ли. (Они) делятся на пять племен, из которых наиболее известными являются три: оток (калмацкий термин, применительно к киргизам означает родо-племенную группу.—К.П.), саяк, которым (правит) не один старшина, из тысячи с лишним кибиток. Сары-багыш... состоит также более чем из тысячи кибиток. Кроме того, одно племя с давних времен живет в Таласе, (им правит) не один старшина, но главным является Юйтак (Майтакэ), кибиток более четырех тысяч².

Из «Цинчао веньсянь тункао» видно, что последний правит группой «хосочу» (кушчи?), с которой по соседству проживала группа (оток) «цитай» (кытай). Ею правил Калабото. Кроме того, в Таласе проживала также группа саруу (салоу) в 5000 семей, во главе с Акэ-баем³.

Из доклада китайского военачальника Чжао Хоя о подчинении им в 1759 г. саяк и сары-багыш видно, что в тот год они, вместе с частью бугу, находились в Восточном Прииссык-

ЛО ИВ АН, Д-126, стр. 70. «У киргизов (рода) бука был предводитель по имени Амр Мирза». Примечание к указан. переводу по рукописи Д-191 (Изв. АН Кирг. ССР, т. I, Фрунзе, 1959, стр. 104). Спец. замечания см. в указан. работе К. И. Петрова «К истории движения...».

¹ Циньдин Синьцзян шилуе, цз. 12. «Племя сэлэкуэр». Поскольку киргизские имена, этнонимы и топонимы передаются в китайских источниках с большими искажениями и при восстановлении их могут быть разные мнения, мы оставляем их, как правило, в соответствующем виде.

² Циньдин хуан юй сиюй тучжи, гл. 45. О подчиненных (Маньчжурской династии) племенах. Подраздел II. Восточные буруты. Стр. 1—5.

³ Цинчао веньсянь тункао (Веньсянь тункао династии Цин), Шанхай, 1936. цз. 299. стр. 7475. По переводу А. Кондратьева. См. главы IV—V наст. работы.

кулье¹. Восточнее их, в районе Музарата и за Аксу, кочевало подразделение нойгут. Западнее, в районе Уч-Турфана, кочевали черики и кушчи². Территорию южнее Иссык-Куля, т. е. южный склон Тянь-Шаня от Уч-Турфана до Кашгара, занимали подразделения монголдор и циликэбуку, тейиты и чон-багыш, расселявшиеся с северо-востока до самого Кашгара³.

Сообщения китайских источников о родо-племенных группах правого крыла, кочевавших во второй половине XVIII в. в Прииссыккулье, по-видимому неполные, не касаются тех, которые кочевали в Северном Прииссыккулье и Чу-Таласском междуречье. Дополнением к ним служат сообщения русских авторов. В частности, в известном «Описании Средней орды» капитана Андреева (1875 г.), в главе III, посвященной «Диким, или закаменным киргизам», перечисляются десять групп, или волостей, занимавших в основном Северную Киргизию: сары-багыш, саяк, кушчи, бустумак (богоростон), монгол, айльден (жельден), солто, бугу, китай, сару⁴. Обстоятельные сведения о расселении киргизов по Чуйской долине и в Северном Прииссыккулье содержатся в дневнике Зибберштейна, проезжавшего по этим районам в начале XIX⁵.

Описывая расселение бугинцев в указанных районах, он различал отдельные их группы. «Кочующие на равнине... от прохода Сентаж до самого озера Иссык-Куль бугинцы, делясь на волости, называются билеки, арыки, джелидены и кыдыки»⁶. Согласно его данным, билеки, численностью в 3000—4000 юрт, занимали территорию от Санташа до р. Джергалан⁷; ря-

¹ Сюй Сун, Сюй шуйдао цзи («Записки о водных путях Западного края» (Изд. в серии Сяо-фан-ху-цзи юй-ди цун чао, 1823, т. IV, кн. 13, стр. 882). См. также Циньдин Синьцзян шилуе, цз. 12, стр. 38—63. «Племя сээр-багэши».

² О расселении восточных буратов в конце XVIII в. см. также сочинения 1808 г. автора Ци Юнь-ши «Сюй яолуе» (Краткая сводка важнейших сведений о Западной границе). Изд. Шанхай Шану иньшугуань 1937, гл. 4, стр. 57—58.

³ Сун Юнь, Циньдин, Синьцзян шилуе, там же, цз. 12. «Племя циликэ», «Племя Хушицы». См. также Ци Юнь-ши, Си юй ши ди. (Разъяснения к землеописанию Западного края), 1836, серия Сяо-фан, том II, кн. II, стр. 4-6.

⁴ Сун Юнь, Циньдин, Синьцзян шилуе, цз. 12, «Племя титэ», «Чун-багэши», «Монэлэдоэр». Соседями последнего являлись бугу. (Сюй Сун, Сюй Шуйдао цзи, там же, стр. 882).

⁵ Рукопись капитана Андреева. Гл. III. Подлинник в фондах Музея этнографии в г. Ленинграде, копия — в фондах АН Кирг. ССР о бугинской группе жельден (см. далее).

⁶ «Путевые замечания Омского гарнизонного полка лекаря Зибберштейна. Исторический архив ИИ АН СССР, М., 1936.

⁷ Путевые замечания Зибберштейна. Там же, стр. 245.

⁸ Там же, стр. 245.

дом жили, численностью тоже около 3000 юрт, арыки¹, близ Джауки — 3000 юрт кыдыков²; затем до 2000 юрт жельден³.

Если доверять этим данным о численности бугу (до 11—12 тыс. юрт) и саяков, сары-багыш (более 2 тыс., см. выше), то количество кибиток указанных подразделений, живших в Прииссыккулье в конце XVIII—начале XIX в., достигало в общем 14000—15000 юрт. Между тем, во времена Унковского, когда Прииссыккулье было занято кочевьями калмаков, здесь было всего около 5000 кибиток, т. е. в три раза меньше. Хотя все эти данные были, вероятно, приблизительными, тем не менее даже и в таком виде они отражают обратное перемещение в послекалмацкое время киргизских племен в Восточный Тянь-Шань, откуда они были вытеснены столетие назад. Аналогичные выводы получаются при сопоставлении этих данных с китайскими. Они подтверждаются также прямыми свидетельствами китайских источников. Например, в «Циньдин хуан юй сиюй тучжи», изданном при Цяньлуне в 1782 г., после описания состава родо-племенных групп саяк, сары-багыш, саруу и др. «восточных» киргизов говорится: «Старые их пастбища, находившиеся в Кэгэнь (Кеген), Гээрцила (Каркара) и около оз. Тэмуэрту (Иссык-Куль), были захвачены джунгарами. (Они) перекочевали на запад и поселились в Андижане. Когда джунгары были подчинены (маньчжурами), то они получили свои древние земли (обратно)»⁴. Конечно, на фоне массового переселения, как и во всех случаях, не могло не быть исключений, и таковые отмечались самими китайцами (например, случай с группой хосочу (кушчи?) в 4000 семей, проживавших в Таласе с «давних», т. е. докалмацких времен»⁵.

¹ Там же, стр. 245.

² Там же, стр. 247.

³ Там же, стр. 246.

⁴ Циньдин хуан'юй сиюй тучжи, изд. 1893, цз. 45, стр. 5.

⁵ В связи с этим замечанием о проживании группы кушчи в XVI в., а может быть и во второй половине XV в., в Таласе, на краю Дешт-и Кыпчак большой интерес представляет исследование, во-первых, отношений кушчи с ичкилик-булгачи, прошедшими здесь в первой половине XV в. в Дешт-и Кыпчак; во-вторых, отношений с группой кушчи в среде кочевых узбеков Дешт-и Кыпчак.

ГЛАВА II

ХОЗЯЙСТВО

Поскольку тянь-шаньские киргизы XV в. как формировавшаяся народность представляли собою в совокупности общую массу «варившихся в одном котле» тюркоязычных и монголоязычных родо-племенных групп и объединений, то при изучении хозяйственно-экономической и государственно-политической жизни киргизов в этот период следует иметь в виду и тех и других, а именно: местные тюркоязычные племена, переходившие в предмонгольское время от кочевого скотоводства к оседло-земледельческому хозяйству, кочевые скотоводческие племена монголов из Монголии и киргизов Енисейско-Иртышского междуречья.

Следствием движения на Тянь-Шань монголов и киргизов, начавшегося в эпоху возвышения монголов, был упадок земледельческой культуры и городов, хотя он происходил здесь несколько медленнее, чем в других покоренных монголами областях. Разница объяснялась тем, что упадок земледельческой культуры и городов был связан в основном не с первым всеобщим погромом, сопутствовавшим вторжению монголов, но с последующим наплывом монгольских и киргизских племен кочевников-скотоводов. Крайние восточно-тянь-шаньские области и некоторые города сами добровольно переходили на сторону Чингиз-хана, стремясь таким образом избавиться от притязаний найманского хана Кучлука¹. Поэтому они первое время относительно мало пострадали от монгольского нашествия.

Как видно из сообщений путешественников, проезжавших по областям Тянь-Шаня при жизни Чингиз-хана, население крупных городов тогда еще продолжало заниматься земледелием. Например, известный китайский монах Чан-Чунь, про-

¹ См. работу К. И. Петрова «К истории движения киргизов на Тянь-Шань».

еэжавший здесь в 20-гг. XIII в. указывал на развитие земледелия в районе Алмалыка—Кульчи. В Чу-Таласском междуречье жители продолжали заниматься даже шелководством и виноградарством, а также садоводством. Поля орошались посредством ирригационных каналов, что в общем свидетельствовало о продолжении местных земледельческих традиций. То же видно и из описаний Джувейни.

Со второй половины XIII в. картина стала резко меняться. Вследствие наплыва новых тюрко-монгольских кочевых скотоводческих племен, в том числе и киргизских, а также почти полустолетних войн в этом крае Арик Буки, Хайду и Дувы и их преемников, «многие области (страны) были опустошены, много людей погибло, иссохла земля на пашнях... Города и строения (оказались) разрушенными и покинутыми...»¹ «Государство страшно пострадало от этих междоусобий, которые нанесли удар земледелию и торговле»,—писал В. В. Бартольд, приводя в качестве иллюстрации картину положения, нарисованную писателем первой половины XIV в. Аль-Омари². «В Туркестане теперь можно найти только развалины, более или менее хорошо сохранившиеся. Издали видишь хорошо построенное селение, окрестности которого покрыты цветущей зеленью. Приближаешься к нему в надежде встретить жителей, но находишь дома совершенно пустыми. Все жители стали кочевниками и нисколько не занимаются земледелием».

Хотя все эти изменения являлись, как указано, отчасти следствием длительных феодальных войн, но в основном они все же были связаны с изменением состава населения Тянь-Шаня, т. е. с наплывом монголоязычных и тюркоязычных кочевых скотоводческих племен первого и второго потоков, которых интересовали в первую очередь не города и культурные обрабатываемые земли, а пастбища. Описывая занятия и государственно-политическую жизнь племен Тянь-Шаня в первой половине и середине XV в., китайские летописцы изображали их полудикими варварами. «В их государстве нет городов и дворцов. Они кочуют в поисках воды и пастбищ, разводят скот. Нравы их грубые и жестокие. В отношениях между государем и подданными, между высшими и низшими нет достоинства. Их пища, питье и одежда похожи на пищу и одежду вала (ойратов). Земля их очень холодная, здесь глубокие ущелья. Даже в июне идет снег»³.

Как можно видеть на основании этого описания населения Тянь-Шаня, Притяньшанья и Алтайско-Хангайского нагорья,

¹ Мах-муд и бн-Вели, Бахр уль-Асрар, указан. фотокопия. FB-82, л. 11а/2.

² В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья, стр. 60.

³ Мин-ши, отд. Бешбалык, цз. 332, стр. 9-а.

в том числе киргизских племен, входивших как в состав ойратских государственных объединений, так и в состав государства тянь-шаньских монголов, именуемого в летописи Бешбалык, образ жизни и хозяйство кочевых скотоводческих восточно-тянь-шаньских и приалайских племен выглядели в общем одинаковыми, причем в общей характеристике их в данном случае не было больших преувеличений. Сам историк тянь-шаньских монголов Мирза Хайдар характеризовал своих соплеменников почти так же: «Моголы в большинстве своем никогда не жили в селениях и даже не видели, как возделывается почва. Они были подобны горным зверям»¹... «(Они) жили избегая городскую жизнь и земледельческие районы, к которым питали отвращение. Даже и по названию не совсем были мусульманами, т. к. в соседних странах их ловили и продавали подобно прочим неверным, как рабов»². «Моголы всегда были кочевым народом»³.

Хотя автор причислял тюркоязычные киргизские племена тоже к «моголам», но они, по его представлению, были еще более дикими и неверными, чем собственно моголы, т. е. монгольские племена. Автор именовал их «дикими львами» Моголистана.

Сравнивая киргизские племена с тянь-шаньскими монголами, автор имел в виду ту часть монголов, которая со времени Юнус-хана, т. е. со времени наплыва новых киргизских племен из Или-Иртышского междуречья, стала стремиться к оседло-земледельческим районам Мавераннахра и Кашгарии. Что касается монгольских племен, оставшихся в «диком» Моголистане и перемешивавшихся с киргизами, то они, по его мнению, не отличались от последних.

Согласно описанию территории Моголистана (по состоянию на середину XVI в.) в том же источнике, на огромных пространствах не было ни одного сколько-нибудь значительного населенного пункта или земледельческого района. Все сведения о городах, существовавших на этой территории, или, точнее говоря, об их развалинах, в середине XVI в. можно было получить только из книг и преданий. Поскольку описание дает яркое представление о полном отсутствии на Тянь-Шане в XV—XVI вв. городской жизни (и связанной с нею земледельческой культуры), а также о размерах занятия скотоводством, мы считаем необходимым привести некоторые описания и рассуждения историка XVI в. Мирзы Хайдара, касающиеся городской жизни Моголистана.

¹ The Tarikh-i Rashidi, указан. публ., 150.

² The Tarikh-i Rashidi, указан. публ., 155.

³ The Tarikh-i Rashidi, указан. публ., стр. 155.

«Некоторые города Моголистана,—писал он, — названы и описаны в общих работах. Среди них Баласагун... Во времена кара-китаев Гурхан каракитайский забрал его у одного из потомков Илек-хана... и сделал... столицей... И все страны по эту сторону Джейхуна... платили дань Баласагуну. Моголы называли Баласагун Гор Балыком¹. Автор «Сурах-ул-Лугот...» говорит, что его отец был хафизом Баласагуна..., перечисляет именитых людей..., большое число ученых и благородных людей и рассказывает о традиции, связанной с их именами. Уму непостижимо,—удивлялся Мирза Хайдар, — что в одном городе одновременно жило столько выдающихся людей, а теперь нет даже места, к которому можно было бы отнести название Баласагун. Я не слышал также, к какому месту относятся название Гор Балык» (подчеркнуто нами—К. П.)².

Не менее показательны его рассуждения «о другом городе, упоминаемом (именуемом) в книгах Тараз. Говорится, что моголы называют Тараз Янги, и Янги помещается в Моголистане... Теперь в тех степях... осталось много разрушенных городов, домов, минаретов, следы школ и монастырей, но неясно, какая из этих развалин—Янги и как назывались другие города... В Моголистане есть много других городов, в которых сохранились следы прекрасных построек... Подобные руины можно найти по всему Моголистану, никто в настоящее время не знает их названий.

О Моголистане (т. е. стране тянь-шаньских мо/н/голов.—К. П.) ныне известно, что он имеет в длину и ширину 7—8 месяцев пути.

На восточной границе (он) примыкает к стране калмаков: это — Барс-Куль, Имиль и Иртыш. На севере ограничен Куча Тенгизом (Балхаш), Бум Лишеш и Караталом, на западе (областями) Туркестана и Ташкента, на юге — (областями) Ферганы, Кашгара, Аксу, Чалыша и Турфана»³.

Такова общая картина упадка городской жизни и связанной с нею крупной земледельческой культуры на Тянь-Шане в XIV—XVI вв. При внимательном изучении ее можно заметить (правда, не слишком ярко выраженные, но все же определенно осязаемые) две тенденции. Среди части тянь-шаньских монголов, примерно с середины XIV в., и чем

¹Обращение автора ко времени господства на Тянь-Шане кара-китаев накануне возвышения монголов и прибытия сюда скотоводческих племен первого и второго потоков показательно.

² The Tarikh-i Rashidi, указан. публ., 364.

³ The Tarikh-i Rashidi, указан. публ., 364—365. Таким образом, автор относит к «Моголистану» все Или-Иртышское междуречье, где с XIII в. вперемежку с монголами жили кыпчакско-киргизские племена.

далее, тем заметнее, стали проявляться стремления к городской и земледельческой культуре, хотя обстановка на Тянь-Шане не благоприятствовала этому. Перемещение из Или-Иртышского междуречья и Притяньшанья в XIV — XV вв. новых киргизских племен кочевников-скотоводов возрождало старые традиции.

Первые признаки этого можно заметить в связи с оживлением дворцово-храмового строительства во второй половине XVI в. Так, например, Алмалык в связи с падением городской жизни в конце XIII—начале XIV в. стал терять свое значение. Во времена правления Эргэнэ, вдовы внука Чагатая, Кара Хулагу, он был столицей всего Чагатайского улуса. После переноса столицы в начале XVI в. в Карши он стал превращаться, как и другие города, в развалины. Однако во второй половине того же столетия жизнь его начала было оживляться, что не преминул отметить тот же Мирза Хайдар: «Среди знаменитых городов был Алмалык, известный и в наши дни. Там есть гробница Тугулук Тимур-хана и другие следы (времени) его процветания. Знаменит по оформлению купол гробницы. На глазури надписи. Насколько я мог разоб- рать, год ее сооружения семьсот шестьдесят с чем-то» (т. е. около 1362—1363)¹.

Указание автора об «известности» Алмалыка в его время следует понимать не в смысле известности его как оживленного города с широкими связями: это единственный старинный город, местонахождение которого оставалось известным в XVI в. Что касается городской жизни, то плохой присмотр за гробницей основателя ханской династии и государства тяньшаньских монголов указывает на обратное, хотя в свое время город начал было возрождаться².

В XV в. возрождается крепостное строительство, было построено много крепостей на Иссык-Куле и в других местах. Особенно большой по тем временам рабат из камня построил Мухаммед-хан на берегу Чатыр-Куля... «Тот рабат, — отмечал Мухаммед Хайдар, описывая его как большую диковинку, — имел шесть дверей, по двадцать гязов высоты. Когда войдешь в его ворота, направо — коридор примерно в тридцать гязов. Там сделан купол в двадцать гязов высоты, весьма красивый. Под перекрытием арки — проход. По сторонам купола — коридоры, в которых сделаны красивые худжуры. На западном краю его (рабата) сооружена мечеть в пятнадцать гязов. По всем сторонам ее более двадцати дверей. Все

¹ The Tarikh-i Rashidi, указан. публ., 365.

² О той же тенденции говорит сооружение около того времени описываемой далее гробницы имама Мухаммеда в Джуде, другой местности Могилистана. The Tarikh-i Rashidi, указан. публ., стр. 365.

эти сооружения (сделаны) целиком из камня. А над воротами (рабата) громадные каменные глыбы, которые меня очень поражали до того, как я увидел кашмирские здания»¹.

Наконец, на прогрессирующее стремление части населения Моголистана к земледелию и оседанию к концу XV в. имеются прямые указания автора «Тарих-и Рашиди». «Хотя к этому времени города Моголистана разрушились,— писал он, имея в виду два последних десятилетия XV в.,— ... Юнус-хан начал возрождать города и земледелие...

Хан понимал, что пока (моголы) обитают вне земледельческих областей и вне городов, они не станут подлинными мусульманами. Он старался, чтобы они селились вблизи (городов и земледельческих областей). Когда хан повел моголов в Ташкент, то часть их, шедшая неохотно, захватила младшего его сына — султана Ахмед-хана, отделилась от всех прочих и осталась в Моголистане. (Как видно из предшествующего, осталась вместе с большинством киргизских племен. — К. П.). Тем временем хан со своим старшим сыном — султаном Махмуд-ханом — и остальными моголами прибыл в Ташкент»².

Как показывают события, связанные со стремлением в его время части моголов к ведению оседло-земледельческого хозяйства, другая часть противилась этому, не останавливаясь даже перед свержением Юнус-хана.

«Когда (Юнус) хан снова утвердился на ханском троне, могольский народ и его эмиры — все просили хана обещать, что впредь он не будет переселять их в город и вилайет, ибо вся эта смута и обиды моголов на хана имели место по этой самой причине. Волей-неволей (Юнус) хан согласился (на это условие) и прибыл в Моголистан»³. «Хан заверил, что впредь не будет стремиться в город и вилайет»⁴.

Поскольку среди части тюрко-монгольского населения Тянь-Шаня намечались тенденции к ведению оседло-земледельческого хозяйства, то складывались предпосылки порайонной специализации хозяйства, деления Моголистана на скотоводческие и земледельческие районы.

Роль земледелия особенно видна из хода борьбы за Кашгар в 30 гг. XV в. Саид Али дуглата, который три года подряд подходил к городу во время сбора урожая. Население Кашгарской округи пряталось за стенами города, а Саид Али, видимо, не имея сил для осады и штурма города, уничтожал по-

¹ Мирза Хайдар, указан. рукопись, л. 46.

² The Tarikh-i Rashidi, указан. гubl., стр. 155.

³ Мирза Хайдар, рукопись, л. 66. Имеются в виду события после выхода хана из Ташкентской тюрьмы в 1472/1473 гг.

⁴ Там же, л. 65-а.

севы в окрестностях и уходил. На третий год население говорило: «Вот уже два года как расхищается урожай. Если в этом году он будет погублен, то наступит голод»¹.

В хозяйстве Кашгарской провинции скотоводство стояло на втором месте. Хотя Кашгар поставлял значительное количество продуктов, все же главной житницей могольского улуса являлся район Иссык-Куля.

«На продуктах Кашгарского производства невозможно содержать армию. В сравнении с Дешт-и Кыпчак, страной калмаков и Моголистаном, Кашгар походит на город, но в отношении количества продуктов и возможностей для снабжения армии он не идет в сравнение с этими степями»².

Другим земледельческим районом была провинция Аксу, также поставлявшая зерно, мясо и другие продукты.

Третьим по значению земледельческим районом был Турфанский.

Хозяйственная роль названных районов состояла в том, что они поставляли продукты земледелия в осенне-зимний период. В этих районах постоянно находились зимовки моголов³. В те периоды, когда Фергана, Ташкент и другие районы Мавераннахра входили в состав владений ханов могольского улуса, зимовками могольских ханов становились обычно эти области. Юнус-хан не раз зимовал в городах Ферганы: Оше, Маргелане и др., а также в Ташкенте.

Весенне-летний период монголы проводили на горных пастбищах Тянь-Шаня. Здесь было развито скотоводство, а стада были главным богатством кочевников-монголов. О хозяйственном значении пастбищ этих районов свидетельствуют постоянно отмечаемые в «Тарих-и Рашиди» перекочевки ханов в район Иссык-Куля в конце зимы. Этот период обычно проводил здесь Юнус-хан, сюда же на летовку приезжал по приглашению Юнуса из Ферганы тимурид Омар-шейх.

Районы кочевого скотоводческого хозяйства намного превосходили по значению земледельческие.

Между земледельческими и скотоводческими районами была территория района Иссык-Куля. Политическая роль Прииссыккулья, Таласа, Чу и Юлдуза определялась их хозяйственным значением для скотоводов-монголов. Естественные богатства и природные ресурсы этих территорий превращали их в поставщиков продуктов скотоводства, своеобразную «житницу» всего Моголистана. Недаром Хайдар многократно

¹ Мирза Хайдар, указан. рукопись, л. 55-б.

² Мирза Хайдар, указан. рукопись, л. 223-б—224.

³ О зимовках, например, в Аксу, см. там же, л. 63.

подчеркивал особую роль этих районов Иссык-Куля с точки зрения снабжения армии. Ни Кашгар, ни Аксу, ни Турфан не могли поставить достаточного количества провианта. В этой связи для государственных образований на территории Моголистана власть над районом Иссык-Куля приобретала совершенно исключительное значение. В свою очередь, и район Прииссыккуля в связи со скоплением здесь временами большого количества кочевников испытывал недостаток в продуктах земледелия, ремесла и т. д. К тому же зимовка на пастбищах, в горах и степях, представляла большие неудобства даже для кочевавших могольских ханов. Они нуждались в постоянных базах, каковыми являлись Аксу и Кашгар. Поэтому Юнус-хан, имея в лице правителей Прииссыккуля поддержку части кочевой знати, искал опорный пункт, базу для борьбы с Эсен Букой, утвердившимся в Аксу и Турфане. Таким опорным пунктом для Юнуса стал Итикент в Андижанской округе Ферганы. Как поясняет Хайдар, Итикент был нужен Юнусу как «постоянное место пребывания», чтобы «моголы могли бы полагаться» на него (Юнуса).

Поскольку основной массив земель Тянь-Шаня использовался населением под пастбища, скотоводство соответственно было главной отраслью хозяйства. По своему характеру скотоводство было кочевым, свидетельством чего являются многочисленные указания о систематических передвижениях родо-племенных объединений на большие расстояния, приводимые в предшествующей и данной главах.

Основными отраслями животноводства были коневодство, овцеводство и верблюдоводство. Коневодство, по-видимому, играло особо важную роль, хотя как отрасль хозяйства по своим масштабам уступало овцеводству. ЗаклЮчить это можно на основании ряда фактов. При перечислении взаимных захватов имущества тянь-шаньских монгольских племен и киргизов, а также в других случаях, на первом месте отмечаются табуны коней, затем — отары овец и на последнем месте — верблюды.

Например, после разгрома в 1517 г. киргизов при Иссык-Куле, ханские «воины обогатились, захватив табуны коней, (стада) овец и верблюдов». В свою очередь киргизы, оставшиеся через несколько лет на зимовку в Ат-Баши, захватили табуны коней у моголов¹.

¹ Мирза Хайдар, л. 290.

Дядя Мирзы Хайдара, планируя организацию похода против киргизов, предлагал взять с собой тех из могольского улуса, «кто склонен отправиться в Моголистан, кто имеет там стада и отары»¹.

Об особом значении коневодства у тянь-шаньских монгольских и киргизских племен говорят ритуальные обряды, связанные с этой отраслью хозяйства. У первых существовал специальный праздник — день получения первого кумыса². У вторых, как свидетельствуют эпитетические традиции, конь был главным жертвенным животным при всякого рода празднованиях, тризнах и пр.

Такое значение коневодства у кочевников-скотоводов объяснялось особой ролью коня как в военном деле, так и в хозяйстве, где его использовали как средство передвижения, как животное, дающее мясо, молоко, кожу и др. Кроме того, кони продавались киргизами на внешнем рынке (см. далее).

Наряду с коневодством широко развито было овцеводство. О развитии его у киргизов говорит случай захвата Рашид-ханом во время одного из походов около 100 тыс. овец³. О размахе овцеводства у тянь-шаньских монголов свидетельствует гордое сообщение автора «Тарих-и Рашиди», будто его дед, при выделении ему родительской доли, будучи одним из трех сыновей, получил 160 тыс. овец⁴. Если даже допустить преувеличение, то показательно и само преувеличение именно в отношении численности овец.

По своему характеру скотоводство было, как отмечалось, кочевым и экстенсивным. Как показывают описания угона скота во время столкновений, специальных помещений для него не строилось, корма на зиму не запасались. Процесс ухода за скотом сводился в основном к поддержанию его в состоянии как можно большей упитанности, к созданию лучших условий для жизни и размножения, что обеспечивалось путем организации его перекочевки и охраны. Хотя сведения об этом, к сожалению, кратки, но их все же можно почерпнуть из похвал особых качеств (породы) отдельных животных, принадлежавших каким-либо видным лицам; из планирования определенного времени перекочевки, чтобы скот в течение определенного времени мог иметь нагул — «быть жирным». Что касается «обработки» пастбищ или обеспечения наиболее рационального использования их, то они носили более примитивный характер. На первом месте стоял выбор лучших пастбищ в их естественном состоянии и планирование зимовок и летовок. В

¹ Мирза Хайдар, л. 96-а.

² Там же, л. 42-а.

³ Мирза Хайдар, там же, л. 289-а, 290.

⁴ Мирза Хайдар, указан. рукопись, л. 56.

условиях феодальной раздробленности и борьбы за пастбища это было сопряжено со значительными трудностями и затратами, включавшими затраты на налоги, охрану пастбищ и стад, от соседей и от хищных животных и иногда на элементарные улучшения путей перекочевок (перевалов и проч.), водопоев и др.

Хотя скотоводство было главной отраслью хозяйства, все же как киргизские, так и тянь-шаньские монгольские племена занимались с давних пор, кроме скотоводства, и земледелием. Сведения об этом содержатся еще в «Юань-ши», где рассказывается о киргизских племенах, распространившихся в XIII в. по Алтайско-Хангайскому нагорью. Так, при описании обычаев киргизов в 63 гл. «Юань-ши» сообщается, что они «занимаются скотоводством и кочуют в зависимости от наличия воды и пастбищ. (Но) имеют значительные сведения об обработке земли...»¹. Переселяя группу киргизов с Монгольского Алтая в Шаньдун, великий хан «дал им поля, быков и семена»². Точно также 700 семей киргизов были переселены «в качестве военных поселенцев на землях Хэсыэ»³.

Представление о размерах и технике земледелия у скотоводческого населения Тянь-Шаня можно составить из описания занятий этим делом хана Увейса, опиравшегося в основном на кочевые скотоводческие племена. «Хан сам возделывал посевы, — говорится в «Тарих-и Рашиди». — Для орошения посевов (он) не проводил воды из источника, а вырыл колодец, водой из которого поливал посевы. Мауляна Хаджи Ахмед передавал слова своих дядей: «Мы много раз видели хана, когда он со своими слугами кувшинами доставал воду из колодца во время жары и поливал свои посевы». Урожай с них никогда не достигал и десяти харваров. Таков был размер его ежегодного провiantа»⁴.

Занимался ли действительно Увейс-хан земледельческими и другими работами, в данном случае не имеет значения. Важно другое: если техника обработки земли была столь примитивной и размеры урожая были так низки в ханском хозяйстве, то о степени развития хозяйств мелких феодалов и простых скотоводов нечего и говорить. Удельный вес продуктов земледелия в рационе их питания должен был занимать очень малую долю, даже если они временами прикупали их на рынках земледельческих городов Кашгарии и Мавераннахра.

Мясо-молочные продукты скотоводства и зерновые продукты

¹ Юань-ши, указан. публ. 1935—37 гг., цз. 63, стр. 487 и др.

² Юань-ши, цз. 18, разд. бень-цзи, стр. 150.

³ Юань-ши, цз. 17, разд. бень-цзи, стр. 142.

⁴ Мирза Хайдар, л. 50 (Харвар — ослиный выюк, примерно 8 пудов).

ты земледелия, составлявшие в общем основные элементы питания, не могли удовлетворить все нужды кочевников-скотоводов. Добывание пищи производилось также на охоте.

Охота как отрасль хозяйства велась двумя способами. В обыденных случаях мужчины охотились поодиночке или небольшими группами. Охотились преимущественно на парнокопытных животных (косуль, антилоп, верблюдов и проч.) с целью добычи мяса, шкур, шерсти, а также на зверей с целью добычи мехов. Орудиями охоты служили луки, копыя, ловушки и др.

В других случаях охота носила массовый характер и организовывалась по типу крупных военных операций или маневров.

Общая масса конных или пеших охотников оцепляла определенный район. Затем часть из них, прочесывая местность, гнала всех животных в сторону сидевшей в засаде цепи стрелков. В такой охоте могло участвовать все взрослое мужское население отдельных родо-племенных групп и даже целого улуса-ханства.

Так, например, улус Юнус-хана, потерявший при бегстве от Амасанджи много скота, во время зимовки на Сыр-Дарье остро нуждался в продовольствии, источником пополнения которого служила охота, причем ею занималось все взрослое мужское население. Указание на это имеется в описании одного из нападений соседнего правителя на орду: «Случилось так, что все население (орды Юнуса) ушло в тот день на охоту на другой берег Сихуна. В полдень Бурудж-оглан перешел по льду реку и нашел орду (Юнус) хана беззащитной. Все войско (оглана) состояло из 20 тыс. человек, а в орде было 60 тыс. человек — членов... семей. Воины Бурудж-оглана расположились в юртах, где отсутствовали хозяева. Сам Бурудж-оглан остановился в ханском шатре. Они стали грабить и расхищать имущество. Юнус-хан получил известие об этом, когда был на охоте. Бросив охоту, хан поспешил к орде, (даже) не озаботившись сбором войска... Достигнув (с шестью человеками) берега, хан протрубил в рог... Все люди (в орде) узнавали звук ханского рога... Женщины похватили всех узбеков, расположившихся в их жилищах... Женщины... поймали Бурудж-оглана... Когда назавтра собрались (ханские) войска, они стали преследовать бежавших»¹.

Как можно видеть из приведенного описания, на охоту могло выступать все взрослое мужское население целого улуса-ханства, причем прибытие воинов к орде—даже по тревоге—на следующий день говорит, что она планировалась не од-

¹ Мирза Хайдар, л. 64—64-а.

нодневной, но как многодневное предприятие-поход, т. е. оказывалось настоящей отраслью хозяйства.

Так как охота на животных, зверей, птиц и пр. имела целью использование не только их мяса, но также шкур, рогов, костей, шерсти, мехов и др., то с обработкой продуктов охоты связывались также занятия женщин, отчасти—домашнее ремесло. Так, например, «с верблюдов, которых Увейс убивал лично (во время охоты в степях Тарима, Луба и Конака.— К. П.), он сам снимал шкуры и привозил к своей матери Султан-хатун. Она пряла (верблюжью шерсть) своими руками и вязала хану куртки и штаны, поверх которых хан надевал изящную одежду»¹. Мужчины выделявали из шкур тех же верблюдов кожу, шедшую на одежду, обувь, щиты и другие предметы обихода и украшения.

Одновременно с распространением по Тянь-Шаню в XIII—XIV вв. кочевых скотоводческих племен, сопровождавшимся упадком оседлой земледельческой культуры и запустением городов, исчезало и городское ремесло как специальная отрасль. В условиях натурального кочевого скотоводческого хозяйства оно могло существовать лишь в виде домашнего ремесла, которым занимались в определенной степени все члены семей, независимо от пола и возраста. Продукцией его являлись одежда, обувь, кошмы и войлок, конская сбруя, оружие, предметы домашней утвари и др. Все это изготовлялось обычно в каждой семье. Несложные операции могли исполняться детьми. Хотя существовала и специализация отдельных семей в занятии каким-либо ремеслом, вроде гончарного, кузнечно-слесарного, шорно-скорняжного, но она не могла быть широко распространенной, так как уровень развития самих ремесел был низким. Изготавливались лишь самые элементарные вещи. Имевшиеся в ходу предметы более сложного изготовления (особые ткани, украшения, дорогое оружие и т. п.) поступали обыкновенно из городских мастерских Китая, Кашгарии и Мавераннахра. Они попадали к феодальной верхушке кочевников либо через вторые-третьи руки (в виде военной добычи, подарков и пр.), либо в ходе обмена-торговли. Например, Мухаммед-киргиз за помощь в захвате Кашгара получил от хана много драгоценных подарков, в том числе пояса, вазы и кубки из золота и серебра².

О торговле кочевых скотоводческих племен Тянь-Шаня, как и о ремеслах, в источниках говорится очень мало. Имеются лишь случайные упоминания в связи с событиями в городах или происшествиями с отдельными купцами.

² Мирза Хайдар, л. 50—50-а.

¹ Tarikh-i Rashidi, указан. публ., стр. 349.

По отдельным сообщениям можно судить о том, что торговля велась и на рынках соседних городов, и на территории, занятой самими кочевниками. О первом говорит интересное сообщение Махмуда ибн-Вели в связи с приказом Рашид-хана, обращенным ко «всем сипахи и лашкари», которым надлежало возвратиться из Тибета в Яркенд. «А если они не последуют этому распоряжению, — говорилось в ярлыке, — то члены их семей будут проданы киргизам в обмен на лошадей...». Когда содержание их (приказов) стало известно войскам, тотчас все военные... направились в Яркенд»¹.

Как видно из этого, продажа киргизами лошадей или обмен их на что-либо в Кашгарии были широко распространенным явлением, иначе не было бы смысла ни в угрозе, ни в реакции на нее войска. По-видимому, лошади и, конечно, овцы были основным товаром, традиционно поступавшим от кочевников-скотоводов Тянь-Шаня на рынок кашгарских и др. городов. Взамен приобретались ремесленные изделия и земледельческие продукты.

Торговля велась одновременно и в местах самих кочевков. Ее вели в основном купцы из соответствующих городов, вроде упоминаемых в «Тарих-и Рашиди» ходжи Тадж-ад-дина из Кусана и купца из Хорезма, спасавшего Хызр-хана от преследований Камар-ад-дина.

Купцы-киргизы были, вероятно, редким явлением².

С конца XVI—начала XVII в. в хозяйстве киргизов стали намечаться некоторые изменения. Хотя киргизы в связи с временным вытеснением основной их массы калмаками с Тянь-Шаня вынуждены были в XVII—XVIII вв. совершать перемещения на значительные расстояния, что не способствовало развитию земледелия, требующего продолжительного пребывания на определенной территории, тем не менее занятие земледелием в этот период у части киргизских родо-племенных групп прогрессировало.

В первую очередь это касалось тех групп, которые были вытеснены в равнинные области Кашгарии и Ферганы, являвшиеся традиционными районами земледелия. Увеличение занятий земледелием у некоторых родо-племенных подразделений сары-багыш, саяк, бугу и др., оставшихся в период калмацкого господства в Прииссыккулье, Чу-Таласском между-

¹ Махмуд ибн-Вели, Бахр ул.-Асрар, л. 74-а.

² Однако они имелись, тем не менее, с давних пор. Например, во времена Хубилая был известен крупный купец Омар Киргизи, который вместе с несколькими купцами из областей «Кори, Баргу и Киргиз» во время везирства уйгура Санкэ приезжал к Хубилаю. Примечательно, что Омар Киргизи исповедовал ислам, за что вместе с другими мусульманами подвергся преследованию, чуть было не окончившемуся казнью. Он был «помилован», видимо, за взятку. Рашид ад-дин, указан. рукопись 182, л. 178—180.

речь, по-видимому, было связано с самой двухсот-трехсот-летней давностью их расселения в этом благоприятном для земледелия районе, где в предшествующие времена оседали и становились земледельцами многие орды прибывавших сюда скотоводов-кочевников. Что касается родо-племенных подразделений, переместившихся с Южного Тянь-Шаня в горные районы Памиро-Алайского нагорья, то у них изменения, по-видимому, были меньшими или даже не было вообще.

К отдельным сообщениям источников о хозяйстве киргизов в указанное время следует подходить с учетом территориального размещения родо-племенных групп.

С точки зрения изучения размеров занятий земледелием в послекалмацкое время значительный интерес представляет описание вытаптывания их полей китайскими войсками «по наущению» калмацких переводчиков.

«Граница бурутов,— говорится в «Сиюй яо люе»,— далеко за пределами юго-западных караулов Хэрцила (Каркара). Только проехав несколько сот ли и перейдя через горы Санташ¹, впервые увидишь их кочевья.

Между двумя берегами Тэмурту-нор имеются поля, засеваемые бурутами. В направлении их и движутся инспекторские дозоры правительственных войск. По ошибке, наслушавшись лживых сообщений проводников элютов, (войска) каждый раз вытаптывают хлеб на полях (бурутов). До этого, во время подчинения джунгар, элюты бежали к бурутам, но так как были обижены (бурутами), начали сдаваться (китайцам). Все чиновники, инспектировавшие границы, искали в качестве переводчиков элютов, хорошо понимавших бурутский язык. При этом (элюты) были проводниками и, пользуясь этим, сводили с бурутами счеты, каждый раз обязательно вытаптывая их поля, а знавшие, в чем дело, боялись сказать об этом.

Однажды некий фуцзунгуаньчжи² из племени чахар, по имени Баясыхулан, изложил их (бурутов) жалобу. С этого времени при инспекторских смотрах чиновником границы войскам было запрещено вытаптывать хлеб на полях. Среди бурутов не было таких, которые не были бы весьма признательны и благодарны за человеческое императора. Все были очень обрадованы, ибо пограничные жители в местностях, прилегающих к границе и расположенных вне караулов, в действительности занимались земледелием лишь в сфере (влияния) караулов и само собой разумеется надлежало вытаптывать (поля) и изгонять (жителей) на расстоянии нескольких сот ли за пределами караулов для того, чтобы невозможно бы-

¹ Перевал находится от восточного берега Иссык-Куля в 50—75 км.

² Наименование должности.

ло перейти границу. При этом кочевникам следовало доставлять себе пропитание, прибегая к обработке земли. Как же это было возможно (делать), слушаясь элютов, каждый раз произвольно вытаптывавших голя и ссылавшихся при этом на углубление обследований кочевий бурутов?

С того времени как фуцзянцзюнь Хоу Фу-де преследовал (в направлении земель) казахов Амурчэна и не поймал его, он с полпути направился к бурутам, дошел до Кашгарин, преследовал и покарал мятежника Хоцзичжэня, в пути ему всюду докладывали: кочевья бурутов первоначально принадлежали джунгарам и только с того времени, как стали объезжать с инспекторским смотром бурутов, они фактически стали находиться во владении бурутов, а не джунгар»¹.

Эти сведения о распространенности занятий земледелием в XVIII в. у прииссыккульских киргизов саяк, сары-багыш, бугу находят соответствующие подтверждения в русских источниках. В частности, по словам капитана Андреева, они имели «довольное и изобильное хлебопашество»². Еще более определенные сведения на этот счет содержатся в упоминавшихся «Путевых замечаниях» Зибберштейна. Согласно его описанию, Прииссыккульское «пространство... (между) р. Карасу и Джиргаланом (где он проезжал к летнее время.— К. П.) вмещает в себе хлебопахотные места, принадлежащие арыкам и билекам... Во всю дорогу нашу я нигде не видел такого изобилия в хлебе, как здесь: пшеница, ярица, овес, горох и другие произрастания имеют тут самое цветущее состояние»³. Как можно понять из слов «всю дорогу нигде не видел такого изобилия...», вообще хлебопашеством занимались, хотя с меньшим успехом, и в других местах.

Далее, продолжал Зибберштейн описание пути, «дорога, поворачивая вправо к озеру Иссык-Кулю, по месту ровному и обильному хлебопашеством и другими потребностями, достигает реки Карагол, которая есть третья из рек, впадающих в упомянутое озеро»⁴. О дальнейшем переходе до Джаулу написано: «Дорога от нашего разделения, направляясь прямою линией к озеру Иссык-Куль, избыточествует хорошим хлебопашеством и травами»⁵. Хотя эти записки были сделаны в 1825 г., однако сведения, содержащиеся в них, могут быть применимы и по отношению к концу XVIII в., поскольку невозможно, чтобы земледелие описываемых размеров вдруг развилось за 20—25 лет на голом месте. Примерно аналогичные

¹ Ци Юнь-ши. Сиюй яолуе, указан. издание, гл. IV, стр. 49.

² Рукопись кап. Андреева «Описание Средней орды», гл. III, «О диких или закаменных киргизах».

³ «Путевые замечания... Зибберштейна», указан. публ., стр. 241.

⁴ Там же, стр. 243.

⁵ Там же, стр. 244.

замечания сделаны были Лещевым, проходившим в 1821 г. с купеческим караваном через земли киргизов; он, кроме того, добавил замечания о помоле зерна в мутовочных мельницах или ручными жерновами¹.

«Пахотные земли бурутов» были также в других районах, в частности, по обоим берегам реки Нарына². Наконец, в районе Кашгара, как говорится при описании его окрестностей в «Сиюй цзияо», «разбросанно живут буруты-хлебопашцы», то есть, по-видимому, подразделения чон-багыш, окончательно превратившиеся из скотоводов-кочевников в оседлых земледельцев³. Поскольку, как видно из предшествующего, киргизов в окрестностях Кашгара в XV — начале XVI в. вовсе не было, то, следовательно, превращение некоторых групп их из скотоводов-кочевников в оседлых земледельцев происходило в XVII—XVIII вв. Оценивая эти свидетельства о широком развитии к концу XVIII в. земледелия у некоторых групп киргизов, не следует, конечно, впадать в крайность, т. е. приписывать подобный размах земледелия всем родо-племенным группам. Это неправильно. Напротив, большинство киргизов (в особенности занимавшие горные, малопригодные для земледелия, но удобные для скотоводства области) по-прежнему занималось в основном скотоводством и мало — земледелием. Так что по отношению к занятиям общей массы киргизского народа подходящими были бы описания 1757—1782 гг. «Циньдин Хуан'юй сиюй тучжи»: «Предпочитают скотоводство, но занимаются и обработкой земли»⁴, а также описания 1826 г. в «Сиюй цзияо»: «В настоящее время (среди бурутов) не более одного, двух человек из ста занимаются обработкой земли. Они сеют два сорта пшеницы, но живут в войлочных юртах. Основным занятием бурутов является кочевое скотоводство, а мясо — главным продуктом питания. Вино буруты делают из коровьего и кобыльего молока. Они имеют обычаи, сходные с обычаями элютов» (калмаков)⁵.

Таким образом, прогрессирующее развитие земледелия у части родо-племенных групп киргизов в отдельных районах Тянь-Шаня, Кашгарии и Ферганы в XVII—XVIII вв. следует рассматривать на общем фоне, расценивая его как начало глубинного, широкого процесса, намечавшегося у киргизов в пе-

¹ Словцов. Историческое обозрение Сибири. 1886, кн. 2, стр. 311.

² Сюй Сун, Сиюй шуйдао цзи, там же, стр. 882-а.

³ Сиюй цзияо, гл. V (Краткое описание Западного края). Автор не указан. 1826, раздел «Города южного пути», стр. 16-а, аналогичные сообщения см. в сочинении «Вай фань лечжуань» (Описание окружающих Китай инземцев).

⁴ Циньдин хуан юй сиюй тучжи, стр. 1-б.

⁵ Сиюй цзияо, указан. издание («Краткое описание Западного края». Сведения о бурутах), гл. VI, стр. 3-а.

риод окончательного расселения на определенной территории и завершения формирования их как народности.

Заметные изменения в XVII—XVIII вв. намечались также в торговле в связи с проживанием значительного количества родо-племенных групп близ крупных традиционных рынков Кашгарии и Ферганы, что вело к разложению натурального хозяйства и развитию товарно-денежных отношений. Особенно заметно киргизы стали втягиваться в торговлю во второй половине XVIII в., когда китайское правительство, нуждавшееся в продуктах скотоводства и рынках сбыта, сознательно проводило политику поощрения их торговли, снижая пошлины с их купцов. «Каждый год, — говорится об их торговле в «Синий яолуэ», — (киргизы) посылают (в Китай) людей с лошадьми. Им устраивают угощение с вином, одаривают простыми и камчатными шелками и бараном (последний — в качестве символа. — К. П.). При торговле, поскольку прибывающие привозят для продажи продукты скотоводства и кожи (подчеркнуто нами. — К. П.), торговцев во внутренних землях (Китая) облагают налогом в размере одной трети»¹.

С китайского рынка киргизы вывозили ремесленные изделия и некоторые бакалейные товары. «Буруты очень любят китайские изделия из фарфора и фаянса, китайский чай, шелковые ткани, табак и вино и дорожат ими как сокровищами», — писали китайские авторы, отмечая наиболее ценимые у киргизов китайские товары².

Наряду с дорогостоящими иноземными предметами утвари в одежде верхушки киргизов появлялись дорогие ткани (парча, шелк), драгоценности и пр. Отмечая это, китайские авторы писали: «Их вожди носят войлочные шляпы, похожие на (шляпы) монахов (Будды) Пилу. Верхушки очень остры. Закругленные края образуют поля. Одежду носят из парчи с длинными изогнутыми воротниками. Талию опоясывают красным шелковым шнуром. Обувь из красной кожи.

Жены старшин заплетают волосы в две косы, в ушах носят серьги из жемчуга, а на пальцах — кольца: одно, два, три и больше. Одежда, шляпы и обувь более или менее одинаковые с мужской.

Шляпы простого народа не имеют украшений из меха. Носят одежду из грубой шерстяной ткани с поясом из холста и сапоги из сыромятной кожи»³.

Приобретение биями предметов роскоши вело к расширению торговли. Особенно интересным в этой торговле было то,

¹ Цин Юнь-шань «Синий яолуэ», (указан. издание), гл. IV, стр. 57—58.

² Синий цзяю, указан. издание, гл. VI, стр. 36.

³ Цинчао веньсянь тункао, указан. издание, цз. 299, стр. 7475.

что в нее втягивалась также, кроме специализировавшихся купцов-киргизов, многочисленная киргизская верхушка—бни, хозяйство которых теряло, таким образом, строго замкнутый, натуральный характер. «Все старшины, имеющие ранги (т. е. китайские титулы—*К. П.*) каждый год посылают людей с лошадьми и в качестве ответных даров получают соответствующее количество простых и шелковых тканей. Для расширения торговли с прибывших торговать бурутов берут более низкие пошлины в размере одной трети пошлины, взимаемой с купцов, прибывших из Китая»,— сообщается в «Кратком описании Западного края» 1800 гг. о торговле с Китаем «западных»,¹ т. е. памиро-ферганских, киргизов¹.

Равным образом с начала XVIII в. стали поступать к киргизам во все возрастающем количестве русские товары, которые шли через присоединенные к России казахские земли, а также через Среднюю Азию и кокандский рынок².

¹ Синьцзян яодюе. стр. 5-б — 9-а. См. также Вэй Юань (Суй фу си шу го цзи). Записки об умиротворении и подчинении вассальных владений Запада. Серия Сяо фан..., том III, кн. 2. стр. 117.

² См. выше статьи «О караванной торговле» и др. Словцов, Историческое обозрение Сибири, 1886, кн. 2. Наливкин. Кокандское ханство и др.

Г Л А В А III

ОТНОШЕНИЯ СОБСТВЕННОСТИ

Как известно, основным определяющим фактором феодальных и вообще социальных отношений являются отношения собственности на средства производства, а также степень и форма личной зависимости непосредственных производителей от собственников средств производства.

В науке существуют три или четыре точки зрения в определении основного средства производства у скотоводов-кочевников. Одни считают им землю, другие — скот, третьи — землю и скот или скот и землю.¹ Причиной разногласий крайних точек зрения является переоценка или недооценка значения земли в ведении кочевого скотоводческого хозяйства. Поскольку ведение хозяйства без пастбища невозможно, то одни, мало отличая скотоводческое кочевое хозяйство от оседлого животноводческого, считают основным средством производства землю. Другие сосредотачивают все внимание на кочевом характере хозяйства, не придавая земле никакого значения и приравнивая пастбища или, по их терминологии, «естественный травостой дикой земли», например, к воздуху.² Поскольку земля-пастбище исключается, таким образом, из числа средств производства, то остается скот, который автоматически и оказывается основным средством производства кочевников-скотоводов.

Нам кажется наиболее приближающимся к истине мнение, согласно которому основными средствами производства у кочевников-скотоводов являются в совокупности земля и скот, а стремление непременно оторвать одно от другого неправильно. Оно противоречит характеру самого ко-

¹ См. «Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период». Ташкент, 1955.

² С. Е. Толыбеков. Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX вв., Алма-Ата, 1959, стр. 31.

ческого скотоводческого хозяйства. Степень дифференциации средств производства всегда соответствует уровню их развития. Кочевое скотоводческое хозяйство крайне примитивно по своему характеру. Хотя с этим все согласны, но не все делают в таком случае соответствующие выводы о специфике определения основных средств производства. Нельзя подходить к рассмотрению кочевого скотоводческого хозяйства с предвзятой идеей наличия во всех хозяйствах непременно одночленного основного средства производства. Специфика его как раз и состоит в нерасчлененном единстве совокупности земли и скота как основных средств производства. При этом приоритет земли, с нашей точки зрения, определяется не только самим характером процесса скотопроизводства, но и фактическим отсутствием чисто скотоводческих кочевых хозяйств.

Как показывает тщательное изучение хозяйства киргизов XV—XVIII вв., чисто скотоводческих хозяйств у них не было. Все они, примитивные по своей природе, были в то же время так или иначе связаны с земледелием, охотой и др. отраслями хозяйства, т. е. в конечном счете с землей. И потому в широком смысле основным средством производства у них можно считать землю.

На основании многочисленных свидетельств, касающихся распоряжения скотом у тюрко-монгольских племен Тянь-Шаня в рассматриваемый период, можно сделать заключение, что отчуждение у них скота не было обусловлено какими-либо специальными правовыми ограничениями, то есть скот был у них свободно отчуждаемой частной собственностью. В отношении класса феодалов это можно положительно утверждать. Доказательством служит, во-первых, отсутствие всяких намеков на вмешательство верховной власти в дела распоряжения отдельными феодалами своим скотом; во-вторых, что еще более важно, об этом свидетельствует наличие самих сообщений в свободном распоряжении скотом по своему усмотрению.¹

Феодалы, имевшие скот, вели собственное хозяйство. Это видно из обстоятельств организации похода Султан Саид-хана против Мухаммеда-киргиза. В походе принимали участие в первую очередь те феодалы, которые имели в Прииссыккулье свои «табуны и отары».²

Наряду с феодалами скот в частной собственности имели также рядовые кочевники, о чем говорят случаи захвата ими скота во время междоусобных распрей феодалов, когда они

¹ Мирза Хайдар, указан. рукопись. С-395, л. 56.

² Мирза Хайдар. См. описание далее в настоящей главе.

получали долю добычи (см., например: «Воины обогатились, захватив табуны коней, (отары) овец и верблюдов».¹

Землевладение у тюрко-монгольских племен Тянь-Шаня XV—XVI вв., представлявших в совокупности формировавшуюся киргизскую народность, было условным и сословным. Верховным собственником пастбищ, угодий — всей земли Могилистана, т. е. Тянь-Шаня и Притяньшанья, считался хан, принадлежавший к «золотому» роду чингизханидов. Все остальные феодалы являлись временными держателями или владельцами районов-округов, причем пользование ими обуславливалось исполнением определенных обязанностей в пользу верховного собственника. При отказе от несения этих обязанностей хан как верховный собственник мог отбирать земли у одних лиц и передавать другим.

Так, например, Увейс-хан пожаловал дуглату Сеиду Али за пять подвигов пять округов владений.² Когда область Ура-Тюбе оказалась под властью Мухаммед-хана (сына Юнуса), он отдал ее во владение отца Мирзы Хайдара. А последний, поселившись там, «присоединил в том краю многие из соседних и окрестных земель».³

Хан признавался верховным собственником округи-области даже в тех случаях, когда она фактически принадлежала не ему, а вассалу. В этом отношении показательны обстоятельства признания верховным собственником Султан-Саид-хана.

После разгрома, понесенного киргизами от Мансура, предводители киргизов, братья Султан Халиль и Султан Саид, бежали в Фергану. Первый был здесь убит хакимом Ферганы Джанибек Султаном. Второму удалось спастись у Бабура в Кабуле. В то время, когда Султан Саид был в Кабуле, дуглат Саид Мухаммед Мирза изгнал Джанибек Султана из Андижана, захватил Фергану и послал гонца за своим ханом в Кабул. По возвращении Саида в Андижан Саид Мухаммед Мирза поспешил встретить его и передал ему весь вилайет, владельцем которого он (недавно) стал.

«Хан полностью почтил... и пожаловал ему по старому монгольскому обычаю наследственный титул улусбека».⁴ Таким образом, между вассалом и членом ханствовавшей фамилии, претендовавшим на престол, состоялась сделка: первый **формально признал** его верховным собственником своих владений, второй фактического владельца земли сделал наследственным беком своего улуса.

¹ The Tarikh-i Rashidi, указан. публ., стр. 349.

² Мирза Хайдар, указан. рукопись, л. 50.

³ Там же, л. 80-а.

⁴ Мирза Хайдар, указан. рукопись, л. 90.

Подобные отношения феодалов-вассалов с ханами складывались со времени восшествия первого хана тянь-шаньских монголов Туглук Тимура, посаженного дуглатом Пуладчи.

Согласно традициям дуглатского рода, их глава получил в наследственное владение так называемую область Мангалай Субэ еще от самого Чингиз-хана. Она занимала в основном Кашгарию и Южную Киргизию. Границы ее на западе доходили до Ферганы — Ташкента, на севере — до Хотана. Мангалай Субэ после распада Чагатайского улуса была наиболее значительным уделом, наследственные владельцы которого являлись фактическими правителями всего Восточного Тянь-Шаня, ставя и свергая ханов по своему усмотрению.

Местами постоянного пребывания дуглатских правителей в зимнее время, т. е. административно-политическими центрами, были обычно Кашгар и Аксу: первый как наиболее крупный город, второй — в силу своего выгодного географического положения, позволявшего контролировать собственно Кашгарию и легко перемещаться через Иссык-Куль по Юлдузу и Кунгесу в богатые пастбищем области Северо-Восточного Тянь-Шаня. Кашгар и Аксу были также длительное время столицами всего могольского улуса.

Но как ни могущественны были дуглаты, тем не менее и они признавали ханов-чингизханидов верховными собственниками своих земель — конечно, до тех пор, пока последние считались с ними. Именно наследственный владелец Мангалай Субэ, дуглат Пуладчи, организовал в период развала Чагатайского улуса в 1348 г. избрание первого особого хана тянь-шаньских монголов Туглук Тимура, бывшего до того никому не известным.¹

По смерти Пуладчи и Туглук Тимура место первого занял его брат Камар-ад-дин, который сначала посадил на трон сына Туглук Тимура, Ильяс-ходжу, а затем убил его. С этого времени он стал фактическим правителем Моголистана. В то же время эмиры Мангалай Субэ признавали верховным собственником земель дом Пуладчи, во главе которого стояли жена Пуладчи, Мирек Ага, и ее сын Худайдад, прятавшие у себя малолетнего сына Туглук Тимура, Хызр Ходжу.

С восшествием на ханство Хызр формально стал считаться верховным собственником земель, хотя фактическими владельцами земель оставались в Моголистане Камар-ад-дин, в Мангалай Субэ — Худайдад.

¹ Происхождение его весьма сомнительно. По одной версии он был внук Дувы, по другой — сын Эсен Буки. По словам Мирзы Хайдара, «Пуладчи привез Туглук Тимур-хана из земли кыпчаков» (Мирза Хайдар, указан. рукопись, л. 43—44).

«Когда верховенство над племенем дуглатов перешло к мирзе Худайдаду, ...он распределил между своими детьми и братьями все вилайеты, которые принадлежали Дуглатам. Таким образом, Кашгар и Яркенд он передал своему младшему сыну Сеид Ахмед Мирзе.

У эмира Худайдада было два брата по матери. Их звали Ильяс-шах и Хызр-шах. Ильяс-шаху он дал Аксу. Хызр-шаху — Хотан. Эмир Худайдад поставил их в подчинение Сеид Ахмед Мирзе, передав в его руки смещение и определение их. Оба они, подобно прочим верноподданным, каждый год находились (некоторое время) у него на службе, а на время отпуска уходили в свои вилайеты. Этот порядок сохранялся до времени эмира Сеида Али.

Когда эмир Сеид Али передал Аксу (в руки) Исенъ Буки, на службе у Исенъ Буки-хана находился один из внуков Ильяс-шаха Мирзы, которого тоже звали Ильяс-шах. Он управлял крепостью Аксу вплоть до времени (правления) Дост Мухаммед-хана».¹

Хотя Худайдад фактически «независимо управлял»² своими владениями и даже сменял ханов улуса тянь-шаньских монголов по своему усмотрению, тем не менее верховным собственником его земель по правовым нормам считались ханы. Это наглядно проявилось сразу же, как только один из ханов, Увейс, обрел силы реализовать свои права. Будучи не в состоянии противостоять Увейсу, Худайдад перешел было на сторону Улугбека. Но это не спасло положения; переход в вассалы к другому хану не помог Худайдаду вернуть своих земель.

В приведенном отрывке о порядке распоряжения Худайдада и его преемника Сеида Али наследственными владениями показательна передача от наследника к наследнику г. Аксу, считавшегося столицей всего улуса. Интересно, что Аксу передавался одновременно Эсэн Буке-хану, «на службе у которого находился... Ильяс-шах». Он «управлял крепостью», **т. е. был условным правителем**, хотя Эсэн Бука не имел в то время никакой власти и прибежал в Аксу, спасаясь от таких же владельцев отдельных областей Моголистана, уступавших дуглатам лишь по размерам своих земель.

«Когда известие об этом (о бегстве Эсэна от взбунтовавшихся владельцев областей Моголистана.— К. П.) дошло до Кашгара и до эмира Сеида Али, последний прибыл в Моголистан, где нашел хана в Ак-Кабасе. С незначительным числом приверженцев (эмир) доставил хана в Аксу и передал Аксу хану.

¹ Мирза Хайдар, указан. рукопись, л. 68-а, 69.

² Мирза Хайдар, указан. рукопись, л. 50-а.

В это время каждый из могольских эмиров предпринимал какие-либо действия (т. е., будучи фактическим собственником своих владений, не хотел признавать хана, что должно было сопровождаться превращением владений в условные.—К. П.).

(Один) — эмир Мухаммед, что обитал в Ат-Баши, после переписки и обещаний (со стороны хана.—К. П.) при посредстве своего племянника эмира Сенда Али, отправился к Эсэн Буке в Аксу. До конца жизни он был обласкан и устроен (т. е. сохранял за собой в условном владении области Ат-Баши)—К. П.). Другой — эмир Карим Берди, тоже дуглат, воздвиг крепость на холме в местности Алабуга на границе Моголистана с Андижаном и Ферганой. Следы этой крепости видны и до сего времени. (Он) нападал на Андижан.¹

Эмир Хакк Берди Бекчик построил крепость на Иссык-Куле, в местности Кави Суй, что на озере Иссык-Куль. Там он оставил своих слуг и семью, чтобы они обрели покой от нападений калмаков.²

Эмиры Джираса и племени баарин ушли к калмакам ...к Амасанджи-тайше (т. е., как показывает дальнейшее пребывание их в тех же местах, фактически стали вассалами Амасанджи и объединились с теми «калмаками», которые нападали на владения Хакк Берди, находившиеся в Прииссыккулье. —К. П.). (Эсэн Бука) хан не стал чинить препятствий тем могольским эмирам, которые отделились от него, и всем тем, кто построил хорошие крепости и не выразил подобающей покорности хану. Хан надеялся, что они, может быть, сами примкнут к нему». (Подчеркнуто нами — К. П.).³

Таким образом, сообщение красноречиво говорит о том, что большая часть монгольских эмиров к середине XV в. превращала или стремилась превратить свои владения в родовую, а в некоторых случаях, возможно, и в частную собственность, что создавало предпосылки становления крупного родового землевладения.⁴ Доказательством тому служат факты строительства крепостей как средства закрепления за собою соответствующей территории с отрицанием на нее прав хана

¹ Карим Берди состоял в родстве с киргизским ханом Эсэху. Дочь Эсэху от Махтум-Ханым (сестры Увейса) являлась женой сына Карим Берди, по имени Кадыр Берди.

² Т. е. подданных заилийского улуса Амасанджи-тайши, включавшего как киргизские, так и ойрат-монгольские племена (см. гл. I). Хозяйничание самого Хакк Берди Бекчика на территории от Иссык-Куля до Туркестана Сайрама свидетельствует об обширности его владений в междуречье Чу-Таласа.

³ Мирза Хайдар, указан. рукопись, л. 57—57-а.

⁴ Под «родовым» в данном случае подразумевается владение родами, фамилии, в отличие от фигурирующего далее общинно-родового землевладения.

как верховного собственника. Конечно, указанные тенденции, сочетавшиеся с тенденциями к оседлому скотоводческому и земледельческому хозяйству, не следует преувеличивать. Можно лишь констатировать их наличие у части феодалов, наряду с сохранением другими старых традиций. Это наблюдается при сравнении поведения указанных феодалов с поведением, например, эмиров племени баарин, улуса булгачи-ичкилик, непризнание которыми власти хана сопровождалось не закреплением на определенной территории, но перемещением в другие области: первое, не желая подчиняться Эсэн Буке, перешло к Амасанджи-тайше, второй ушел на территорию Дешт-и Кыпчак к Абулхайру.

При оценке развития процесса становления в Моголистане в середине XV в. крупного родового землевладения, сочетавшегося с тенденцией к оседлому хозяйству, необходимо иметь в виду, что в принципе это не было новым явлением. Родовая земельная собственность в принципе давно существовала. Но до этого времени она существовала исключительно как собственность ханствовавшего рода-фамилии во главе с ханом, верховным собственником земли. Крупное родовое наследственное землевладение было знакомо также дуглатскому роду, владевшему оседлыми областями Мангалай Субэ (Кашгарии). Теперь монополия ханствовавшего рода ликвидировалась. Условное наследственное землевладение дуглатов перерастало в безусловное, в собственность. Собственность на землю становилась достоянием многих феодалов — класса феодалов. И это, как проявление процесса прогрессирующей феодализации, вносило много перемен в отношения отдельных феодалов с ханами.

Точно такими же были отношения тех же владельцев с противником Эсэн Буки — его братом Юнусом, хотя Юнус признавался ими за хана. Описывая их отношения к Юнусу Мирза Хайдар очень метко писал: «Как уже было упомянуто, каждый из эмиров Моголистана укрепился в своем месте (владении) ...Эсэн Бука-хан поехал в Аксу. Когда в Моголистане появился Юнус-хан, к нему прежде всех примкнул эмир Керим Берди. После него к хану явились эмиры Кунджи и некоторые другие могольские (эмиры) (т. е. те, интересы которых как крупных владельцев, стремившихся к оседло-земледельческому хозяйству, выражал Юнус.— К. П.). Хан вступил в брак с дочерью эмира Пир Хаджи Кунджи, который в то время главенствовал над туманом Кунджи. Он был совершенно независим... Эмиры Бекчика, жившие на Иссык-Куле, посадили на место умершего Хакк Берди его племянника (т. е. сами распоряжались кандидатурой фактического правителя Иссык-Кульской области.— К. П.). Он тоже присоединился к

хану... (Однако) ввиду того, что упомянутые эмиры долгое время вершили свои судьбы по собственному усмотрению, они не соблюдали правила Хадим-и махдуми, как то подобает (эмирам в отношении хана)». (Подчеркнуто нами — К. П.).¹

Таким образом, во времена ханствования Юнуса бывшие условные владельцы отдельных областей Тянь-Шаня стали фактическими собственниками своих владений, не связанными или мало связанными условиями феодальной зависимости от сеньора. Эти отношения собственности и являлись экономическими предпосылками феодальной раздробленности тянь-шаньских монголов накануне массового наплыва новых киргизских племен из Или-Иртышского междуречья в 1400—1470-х гг.

Трудно сказать, с какой интенсивностью развивался бы процесс образования крупной родовой или частной земельной собственности на землю на Тянь-Шане, процесс оседания тянь-шаньских монголов и каково могло быть влияние этих фактов на отношения собственности и феодальные отношения киргизских племен при их постепенном распространении по Тянь-Шаню, как оно происходило в предшествующее время под частичным контролем ханской власти, пользовавшейся некоторым авторитетом.

Можно полагать, что постоянный приток новых кочевых скотоводческих киргизских племен тормозил указанный процесс у тянь-шаньских монголов, поддерживая элементы и традиции кочевого скотоводческого хозяйства в среде отдельных родоплеменных групп самих монголов, перемешавшихся и консолидовавшихся с прибывавшими киргизскими племенами. В свою очередь, сам процесс, наметившийся среди монголов, не мог не оказывать влияния на прибывавшие киргизские племена, особенно при медленном и распыленном распространении их, когда они как бы постепенно вращались в экономические и феодальные отношения тянь-шаньских монголов. Таким образом, с точки зрения взаимного влияния процесс в общем носил двусторонний характер, что являлось экономической предпосылкой консолидации тюркоязычных киргизских и монгольских племен.

Постепенная консолидация на основе «врастания» продолжалась до 70-х гг. XV в. В результате массового наплыва восточно-тянь-шаньских племен в связи с перемещением улуса Амасанджи по Тянь-Шаню землевладение в Моголистане претерпело значительные перемены. В ходе перемещения улуса Амасанджи население междуречья Или-Таласа и Прииссык-куля пополнилось новыми, «свежими», племенами кочевни-

¹ Мирза Хайдар, указан. рукопись, л. 60.

киргизов. Их приход имел двойное влияние на местное население. Часть населения, имевшего тенденцию к оседанию, была вытеснена с Юнусом в Кашгарию и Мавераннахр. Через 30 лет кочевые узбеки вытеснили их в Кашгарию и из Мавераннахра. В то время у племен, общественные отношения которых были менее затронуты указанным процессом, оживились старые традиции, о чем свидетельствуют события, связанные с бегством младшего сына Юнуса, Ахмеда, в «Моголистан» вместе с небольшой частью моголов, отделившихся от основного улуса Юнуса и объединившихся с киргизскими племенами по прибытии в Или-Таласское междуречье.

Объединенные киргизско-монгольские кочевые племена, поставив во главе Ахмеда, как представителя ханствовавшей фамилии чингизханидов, создали фактически новое киргизско-монгольское государство, причем его становление было связано с упорной борьбой и, в конечном счете, с уничтожением крупного родового (фамильного) землевладения и самих землевладельцев.

«Ахмеду потребовалось десять лет, чтобы полностью подчинить моголов, оставшихся в Моголистане (т. е. имевших в своем владении определенные области.—К. П.). Некоторых эмиров он подавил, в том числе крупных эмиров (рода) арлат, которые противились ему. В конце концов он пошел на них войной и уничтожил их род. Он также убил эмира Али джираса, который с тех самых времен, как эмиры оказали противодействие Эсэн Буке-хану, продолжал борьбу со всеми ханами и никому из них не подчинялся. В это время объединилось несколько вождей из племени калуджи, крупнейшего в Моголистане. Однажды ночью они напали на хана... когда хан оправился от ран, их начали преследовать всюду, где бы они ни были. За два года они были совершенно искоренены. После этого дела хана стали процветать и никто в Моголистане не мог противостоять ему...».¹

Таким образом, Ахмед, имея за собою буквально горсть моголов, сумел с помощью недавно прибывших киргизских племен ликвидировать многочисленные крупные родовые наследственные владения и самих их владельцев, перед которыми отступали его дядя и отец.

Борьба Ахмед-хана и его сына Халиля — «падишаха киргизов» — сопровождалась важными изменениями в поземельной собственности в Моголистане, которая с этого времени стала резко отличаться от поземельной собственности у тех же моголов, вытесненных в Мангалай Субэ.

¹ Мирза Хайдар, указан. рукопись, л. 82-а—83.

Эту разницу можно проследить по событиям, связанным с деятельностью двух других сыновей Ахмеда: Мансура — в Аксу и Саида — в Моголистане.

Первый, как старший, формально считался ханом всего тюрко-монгольского населения Тянь-Шаня. Столицей и местопребыванием его как хана должен был быть Аксу. Фактическим хозяином в крайних восточно-тянь-шаньских областях был в то время владетель Уча эмир Джабар Берди. При твердом правлении Ахмеда он, как и следовало вассалу, признавал последнего верховным собственником. Но когда в Аксу вместо Ахмеда ханом стал его сын Мансур, не имевший поддержки киргизских племен и враждовавший с ними, эмир Джабар Берди отказался признавать его верховенство. Он временно объединился с другим непокорным вассалом Мансура, дуглатом Абу Бекром, захватившим Кашгар. Сначала соединенные силы Джабара Берди и Абу Бекра изгнали Мансура из Аксу, захватив казну и сокровища Ахмеда, собранные за 25 лет.¹ Когда Аксу, считавшийся тогдашним административно-политическим центром монгольского улуса, оказался в руках Джабара Берди, тот хитростью отослал Абу Бекра обратно в Кашгар, а сам двинулся грабить области Бая и Кусана, где пытался спастись Мансур-хан. В конце концов Мансору пришлось просить у своего вассала «прощение. Они заключили договор и условие, и Мансур-хан оказал... Джабару Берди большее благоволение, чем его отец Ахмед-хан. После того как эмир Джабар Берди оказался подле Мансур-хана, дела Мансур-хана сразу обрели блеск».² Таким образом, Мансур мог получить столицу государства как верховный собственник лишь из рук ее фактического владельца Джабара Берди.

Так как опорой ему служили другие крупные владельцы, подобные Джабару Берди, причем некоторые из них, будучи вытесненными из Моголистана, стремились вернуть свои владения в Прииссыккулье и Или-Таласском междуречье, следствием была борьба Мансура, а затем его брата Саида против киргизских племен.

Мирза Хайдар, пытаясь объяснить причины этой борьбы — в частности, специально организованного Саид-ханом похода в Моголистан — хотя и причислял к ним религию, как это обычно принято у всех средневековых авторов, но в общем в заключение давал действительно близкие к истине объяснения экономических предпосылок. Султан Саид-хана «побуждали к этому несколько обстоятельств, — писал Мирза Хайдар, излагая причины похода. — Первое — то, что в 1517 г. он захватил в плен

¹ Мирза Хайдар, л. 84-б.

² Там же, л. 85.

Мухаммеда-киргиза, так как тот, захватив в плен сына Кучум-хана, Абдуллу (врага Султан Саида.— К. П.), отпустил его на свободу и затем прислал хану пустые извинения.¹ За это его продержали в тюрьме пять лет. Киргизы, которые все это время не имели вождя, нападали и грабили на территории Туркестана, Сайрама, Андижана и Ахси. Кроме того, Ходжа Али баарин соскучился по вольной степной жизни и хотел в Моголистан. Он был назначен атабеком Баба Султана, сына Халиль Султана (бывшего «падишаха» — хана киргизов.— К. П.), племянника хана, и заботился о его воспитании с 7 до 15 лет.

Он доложил хану, что «...Милостью бога могольский улус так размножился, что обширные пастбища Кашгара стали для них недостаточны и часто возникает борьба за пастбища. Если вы санкционируете мой поход в Моголистан, то я возьму с собой Баба Султана и подчиню киргизов, чтобы наш народ (т. е. моголы, вытесненные сначала киргизами и затем кочевыми узбеками Шейбани в Кашгарию.— К. П.) мог иметь достаточно пастбищ и спокойные умы». Хан весьма одобрил это предложение. Все эмиры были тоже согласны. Но мой дядя сказал: «Первая часть плана вполне резонна, но нет необходимости посылать Баба Султана. Так как моголы, происходя из Моголистана, естественно, стремятся туда, то как скоро он будет завоеван, все они устремятся туда. Если Баба Султан будет там, он обидится, коль скоро вы запретите моголам двигаться туда; если же вы не запретите этого, то вся масса их ринется туда, результатом чего будут смятения и беспорядки.

Вместо Баба Султана лучше послать Рашид Султана, вашего сына. Пусть он столь усилится, чтобы не повредить вам. Если вы увидите смысл в том, чтобы воспрепятствовать переселению народа в Моголистан, то он, во всяком случае, не будет помехой в этом деле. Если они все-таки поступят так, то бояться вам нечего, ибо он ваш сын».²

Объясняя аналогичным образом цели планировавшегося в 1514 г. похода против киргизов, сам автор «Тарих-и Рашиди» тоже писал, что «холмы и равнины Кашгарии не в состоянии доставить достаточное количество провианта и поэтому, чтобы удовлетворить требование народа (т. е. своих вассалов.— К. П.), хан составил дерзкий план подчинения Моголистана. Более того, киргизы, которые в большей части были совершенно лишены веры в бога, ... устрашали всех мусульман Туркестана, Шаша и Ферганы постоянными вторжениями и набегами».³

¹ См. далее.

² The Tarikh-i Rashidi, указан. публ., ч. II, л. 67. Рукопись, л. 66—97.

³ Мирза Хайдар, рукопись л. 66—67.

Таким образом, главные побудительные мотивы походов могольских феодалов, вытесненных киргизскими племенами в Кашгарию и лишенных своих владений на Тянь-Шане, было стремление к отвоеванию пастбищ-земли. Недостаток их у могольских феодалов объяснялся, конечно, не «размножением» могольского улуса. Это опровергается жалобами того же автора на катастрофическое уменьшение численности моголов в Кашгарии, которых в 1530—1540 гг. едва насчитывалось 30 тыс. душ. Да и из слов самих могольских эмиров видно, что они говорили именно о своем возвращении туда: «Так как моголы, происходя из Моголистана... стремятся туда, то как скоро он будет завоеван (точнее, отвоеван.— К. П.), все они устремятся туда... вся масса их ринется туда... будут смятения и беспорядки».¹

События, связанные с походом Саид-хана и с последующими войнами его сына Рашид-хана против киргизов, дают основания полагать, что прежние наследственные родовые владения в Моголистане прекратили существование с наплывом киргизских племен. Вместо них Саид-хан намеревался создать один удел или особый вассальный улус во главе со своим сыном Рашидом.

По старинному монгольскому обычаю он выделил Рашиду треть своего имущества, включая «людей, войска, палатки» и пр., и выступил в поход, чтобы подчинить киргизские племена, поставить над ними сына. В свою очередь, в качестве вассала сыну назначался Мухаммед-киргиз, находившийся в течение пяти лет в заключении.²

Как показали события, увод главного предводителя киргизских племен Мухаммеда и пятилетнее содержание его в Кашгаре не оказали существенного влияния на их отношения с Саидом, желавшим установить над ними власть. Убедившись в своем бессилии, он оказался вынужденным признать фактическим правителем киргизских племен своего непокорного вассала Мухаммеда и назначить его «эмиром киргизов».

Если принять во внимание, что вассальные отношения

¹ Там же, л. 131-б.

² См. далее (гос. устройство). Как отмечалось, Мухаммед был захвачен в 1417 г. В начале 1410-х гг. он признавал Саида ханом, служил ему со своим войском. Затем отказался. Однажды он захватил в плен сына Самаркандского правителя Кучкунчи, Абдуллу Султана, вошел с ним в соглашение и демонстративно освободил этого врага Саид-хана; предупредив последнего и на будущее: «клянусь, если какие-либо из шейбанидских султанов попадут в мои руки, я освобожу их... сдержу свое слово». (Мирза Хайдар, л. 269). Таким образом, Мухаммед перешел от неповиновения к союзу с кочевыми узбеками, тоже изгонявшими вассалов Саид-хана. Последний в ответ в 1417 г. снарядил поход. В районе Барскаун он разбил Мухаммеда и захватил в плен.

крупных монгольских феодалов к концу XV—началу XVI в. связывались обычно с владением определенными областями или юртами, то назначение Мухаммеда эмиром киргизов без признания за ним прав владения определенной территорией показательно. В сочетании с другими фактами это может говорить об отсутствии в то время у глав киргизских племен, т. е. одновременно и у самих племен, наследственного землевладения как следствия весьма подвижного кочевого скотоводческого хозяйства. Это подтверждается и обстоятельствами подчинения киргизских племен во время указанного похода.

Прибыв в «Моголистан» — в Прииссыккулье, хан послал вперед эмира Мухаммеда: «Он подчинил власти Саид-хана весь улус киргизов. Вождей этого племени он привел с собой навстречу Рашиду». «Он привлёк большинство киргизов, хотя некоторые бежали в отдаленные уголки Моголистана» (т. е. в Или-Иртышское междуречье. — К. П.).¹

После зимовки в Кочкоре хан послал Мухаммеда с могольскими эмирами и Рашидом к самым отдаленным окраинам «Моголистана». Они собрали и привели обратно рассеявшихся киргизов.

Поскольку подчинение киргизских племен сопровождалось как установлением контроля — власти хана над определенной территорией, так и подчинением непосредственно самих племен, легко перемещавшихся по огромной территории в Или-Иртышское междуречье, то это дает основания полагать, что в то время у киргизских племен не существовало прочного землевладения, которое удерживало бы их на определенной территории. И оно не могло возникнуть у них, пока приходилось под давлением могольских ханов постоянно перемещаться из Чу-Таласского междуречья за Или и далее, не имея возможности хорошо и надолго осваивать определенные районы.

Хотя основной экономической предпосылкой частых перемещений был характер скотоводческого хозяйства, однако и это, в свою очередь, находилось под воздействием перемещений, продолжавшихся в течение всего ханствования Рашида и при его преемниках, когда киргизские племена объединялись с казаками, постоянно передвигались из Прииссыккулья в Или-Иртышское междуречье и обратно.²

Примером перемещения кочевых скотоводческих киргизских племен на дальние расстояния, т. е., тем самым, свидетельством отсутствия у них прочного землевладения, может служить перемещение улуса ичкиликов-булагачи, который в

¹ Мирза Хайдар, указан. рукопись, л. 63.

² См. гл. I настоящей работы.

конце XIV — начале XV в. кочевал в Притяньшанье, в середине XV в. передвинулся в Чу-Таласское междуречье, затем переместился во владения кочевых узбеков Дешт-и Кыпчак, а с ними вместе — в Фергану.

Примерами тому могут служить также передвижения улуса черика Инка Тюря с Каратала к Иртышу, передвижения улуса Камар-ад-дина, Амасанджи-тайши, его братьев Ибрагима и Ильяса, наконец, передвижения киргизских племен за реку Или в ходе борьбы с Рашид-ханом.¹

Таким образом, характерной чертой общественно-экономических отношений и землевладения у киргизских племен XIV—XVI вв. являлась непрочность землевладения, в то время как у тянь-шаньских монголов оно в связи с их оседанием стало приобретать прочный характер. Для глав киргизских родо-племенных групп на первом месте стояло владение определенным количеством подвластных им семейств, или улусом. Что касается земли-пастбищ и угодий, или юрта, то последний мог меняться.

Весьма показательны с этой точки зрения киргизские предания начала XVI в., которые приурочивались тогдашними современниками к периоду второй половины XIV — начала XV в. Главный герой киргизских преданий Манас, его родственники и прочие богатыри в преданиях, зарегистрированных в «Маджму ат-таварих», выступают как родоначальники, предводители или владельцы определенных родо-племенных групп, а не как собственники каких-либо областей. По отношению к ним они выступали как временные держатели-управители, получая их от своих сеньоров как верховных собственников.

По преданиям «Маджму ат-таварих», отражавшим порядки в период XIV — XV вв., верховным собственником земель считался Токтамыш, который раздавал владения по своему усмотрению. Например, построив для Манаса город Манасию, он по соглашению с Джолоем передал ее затем Кара Ходже, а Манаса вместе с отцом Якубом возвратил в Кара-кишлак (под ним следует, видимо, подразумевать «главное» зимнее становище). Когда двоюродный брат Тохтамыша, Инка тюря, восстал против Тохтамыша как верховного распорядителя уделов, его уговаривали согласиться править страной от Кашгара до Кух-и Могал, с центром в Ат-Баши.

При массовом перемещении во второй половине XV в. киргизские племена Восточного Тянь-Шаня ликвидировали как верховную собственность на землю ханствовавшего рода-фа-

¹ Аноним Кашгарии, указан. рукопись, С-576, л. 62-6. (см. гл. I, V, наст. работы).

милии, так и крупное родовое (фамильное) землевладение, намечавшееся на Тянь-Шане у монгольских феодалов. Его место заняло возобладавшее повсюду общинно-родовое землевладение киргизских племен. При этом характерно, что общинно-родовое землевладение, ввиду непризнания отдельными независимыми киргизскими родо-племенными объединениями суверенитета монгольских ханов, представляло собою фактически общинно-родовую собственность, поскольку эти объединения выступали как суверенные государственные образования (см. гл. V настоящей работы) и верховные собственники занимаемых ими территорий, хотя эта собственность в силу подвижности кочевников-скотоводов была непрочной, временной. Фактически положение оставалось таким же и у тех родо-племенных групп, бии которых, превратив в XVII—XVIII вв. экигонов ханствовавшего рода чингизханидов в своих марионеток, использовали их, как и мусульманских ходжей, в качестве ширмы своего правления в Кашгарии. Если относительно размеров власти отдельных киргизских биев в земледельческих городах и областях Кашгарии с местным оседлым населением могут иметься некоторые разногласия, то в фактической независимости и суверенности их родо-племенных подразделений и объединений сомнений быть не может (см. гл. V. настоящей работы).

С распространением власти калмаков по Восточному и Центральному Тянь-Шаню во второй трети XVII в. положение стало несколько изменяться. В то время как у родо-племенных групп, перемещавшихся на Памиро-Алайское нагорье, общинно-родовое землевладение продолжало по-прежнему иметь непрочный характер, у родо-племенных групп, остававшихся на своих местах в Прииссыккулье, Таласе, а также переместившихся в земледельческие районы Кашгарии и Ферганы общинно-родовое землевладение в связи с закреплением их на определенных землях и с развитием земледелия становилось более прочным.

Непрочности землевладения у первых способствовали перемещения на большие расстояния, о которых говорилось во втором параграфе первой главы. Как отмечалось, они перемещались с Южного Тянь-Шаня на Памиро-Алай, из Ферганы в Кашгар и обратно, из Восточного Тянь-Шаня (из долины Или) в предгорья Куэнь-Луня (Хотан-Яркенд) и обратно. В большинстве случаев передвижения не были связаны с закреплением на долгое время на занимаемых территориях. Закрепление стало возможно лишь с возвращением на Тянь-Шань после падения господства калмаков и изгнания основной массы их с Тянь-Шаня, т. е. в период господства Маньчжурской династии.

Таким образом, становление прочного общинно-родового землевладения у отдельных киргизских родов стало намечаться с начала XVII в., а широкое распространение его имело место в период окончательного расселения по Тянь-Шаню и завершения формирования киргизов как народности во второй половине XVIII в. Эти заключения можно сделать при наблюдении условий признания отдельными группами киргизов маньчжурского императора как верховного собственника земель, которые они занимали по удалению калмаков.

Признание приисскукульскими киргизскими племенами маньчжурского императора как сюзерена и верховного собственника земель состоялось в 1759 г. во время преследования остатков калмаков командующим китайскими войсками цзяньцзюнем Чжао Хоем. Собранные им «люди двух отоков саяк и сары-багыш», во главе с Мамутэкули-бием, заслушав указ императора, признали себя подданными императора, согласились считать себя его «вассалами» и в подтверждение этого послали ко двору трех своих старшин с «подарками» — быками и овцами.¹ В ближайшие недели признали верховенство императора подразделения Чу-Таласского междуречья — кущи, китай, саруу и др. (см. гл. V).

Вслед за ними состоялось признание сюзеренитета «западными» памиро-алайско-ферганскими киргизами. Главный их бий, Ацзи, в письме Чжао Хою на имя императора писал: «Я ...вассал из бурутского племени адигинэ... желаю, чтобы вы владели всей вселенной. ...Все возглавляемые мною племена — от Бухары на восток, все 200 тыс. стали (Вашими) вассалами».²

Установление власти маньчжурского императора предусматривало, прежде всего, вопрос административно-государственного подчинения племен. Что касается земель-пастбищ, то установление власти маньчжуров не затрагивало правовых норм землевладения, хотя формально император, как сюзерен, становился верховным собственником земли. Как правило, все родо-племенные группы оставались на своих местах.

Признание сюзеренитета могло сопровождаться перемещением лишь отдельных родо-племенных групп, иногда на собственно китайские государственные земли. Например, в 1762 г. «старшина особого племени бурутов Тимур-Бей вместе со своим племенем переселился в пределы (собственно) Китая и послал своего младшего брата Мулутэ выразить свою искренность, пожелал получить приют, император наградил

¹ Циньдин хуан юй сиюй тучжи, стр. 16; см. также Ци Юнь-ши, Сиюй яолуе, указан. изд. гл. IV, стр. 57—58. Сяньцзян яо луе, стр. 5-6—9-а.

его...». ¹ В 1763 г. «(старшина) Авала-бий, из отдельного племени бурутов, выразил желание вместе со своим племенем переселиться в пределы территории Китая и при этом (обещал) всем сердцем заботиться о развитии скотоводства. Император наградил его»... ²

Эти свидетельства говорят о двух фактах. Во-первых, о предоставлении государственных земель в условное временное владение. Во-вторых, что особенно важно, во владение не отдельного вассала, т. е. не в частное, но в общинно-родовое. Именно поэтому в таких случаях и указывается на переселение «со своим племенем». Общинно-родовое землевладение киргизов и роль маньчжурского императора как верховного собственника в этот период особенно ярко проявляются в связи с историей захвата правителем Кокандского ханства Иордан-бисем (в 1762 г.) владения подразделения адигине в районе Оша. «В 1762 г. подчиненная (роду) адигине местность Ош была захвачена кокандским Эрдэни. Двор предписал находившемуся в Синьцзяне шаншу Юн Гую послать Эрдэни приказ возвратить захваченные земли». ³ Таким образом, хотя Ацзи-бий адигине выступал как вассал императора в качестве главы всех памиро-ферганских киргизов, тем не менее область Ош являлась не его владением, но владением рода адигине и была подчинена этому роду.

Общинно-родовой характер землевладения проявлялся при организации старшинами-биями, как представителями китайской администрации, кочевания по пастбищам в своих родоплеменных группах. Например, Сэнгэ-бий, сын Юймотэ, главы рода черик, кочевавшего в районе Уч-Турфана, в 1780 г. был пожалован «золотым шариком» (знак отличия) за то, что «ведет делами по кочеванию, очень хорошо это делал». ⁴ В 1783 г. за то же был награжден глава соседней с чериками группы кушчи, Хошой. ⁵ Аналогичные поощрения и титулы получали главы других родоплеменных групп, как, например, сын Хувагэ, Чжанпалатэ — за то, что «помогал в ведении дел по кочевому скотоводству группе чон-багыш, жившей к северо-востоку от Кашгара». ⁶ Разумеется, никаких поощрений или вмешательств со стороны маньчжурской администрации не могло быть, если бы кочевья-земли являлись собственностью или частными владениями указанных лиц. Вопросы распределения

¹ Циньдин хуан юй сиюй тучжи, изд. 1893, цз. 45, стр. 8-6.

² Циньдин хуан юй сиюй тучжи, там же, стр. 2-6.

³ Там же, стр. 8-6.

⁴ Циньдин Синьцзян шилуе, гл. XII, стр. 34/68. Племя «челикэ».

⁵ Там же, племя «хушицы».

⁶ Там же, племя «чунбагеш».

кочевий биями от имени маньчжурской администрации могли иметь место лишь при общинно-родовом землевладении. На это имеются прямые указания. В частности, в упомянутых «Записках о подчинении вассальных владений Запада» Вэй Юаня при описании власти и функций биев-старшин у памиро-ферганских киргизов говорится: «...Дорога к этим племенам идет из Ош и переходит через горы Цунлин. В каждом племени под управлением (бия) находится от 200 до 700 или 1300 юрт. Всего более 2000 юрт, около 10000 человек. Всеми ими управляет старшина племени адигинэ (хотя племя и разделено, но кочует на общих землях, подобно монгольскому племени четырех сынов¹). Западные буруты ведут кочевой образ жизни. Их одежда, головные уборы, нравы и обычаи такие же, как у восточных бурутов».²

Приведенное свидетельство составителя «Суй фу си ши го цзи» примечательно в двух отношениях: во-первых, оно представляет собою не простое описание, но специально оговоренное «примечание», автор которого вполне отдавал отчет о своеобразии землевладения «племен, разделенного» на родо-племенные группы по 200—700—1300 юрт; во-вторых, в этом примечании прямо подчеркивается **общинно-родовой характер** землевладения, подобного калмацкому: «Хотя племя разделено, но кочуют на общих (!) землях подобно.... (четыреплеменным ойратам)». Аналогичное говорится в «Циньдин хуан'юй сиюй тучжи» о порядке землепользования другой группы памиро-ферганских киргизов — группы басыз: «Отоком басыцзи управляет старшина Гэрчжу, и он состоит более чем из тысячи трехсот кибиток. Это племя **хотя и разрознено, но живет и кочует на одной территории**».³ (Подчеркнуто нами — К. П.).

В качестве доказательств в пользу общинно-родового землевладения у киргизов могут быть приведены и другие свидетельства китайских источников, которые в свете приведенных фактов приобретают определенное значение. В частности, мы имеем в виду обычные определения в китайских источниках кочевий не отдельных биев или старшин, но «кочевий племени», «земель племени», вроде: «...на северном берегу реки Кусэцзэ расположены кочевья бурутов племени цзибучак»,⁴ «Его (караула) земли граничат с землями бурутского племени.... От Кашгара на север до караула Исылкэ 170 ли. Здесь его земли

¹ Имеются в виду четырехплеменные ойраты, или калмаки. (Подчеркнуто нами — К. П.).

² Вэй Юань, Суй фу си ши го цзи, серия Сяо фан, стр. 117.

³ Циньдин хуан'юй сиюй тучжи, «Западные буруты», стр. 9-а.

⁴ Сюй Сун, Сиюй шуйдо цзи («Записки о водных путях Западного края»). Серия Сяо фан, 1823, т. IV, кн. 3, стр. 853-а.

границит с землями бурутского племени чон-багыш» (Подчеркнуто нами — К. П.)².

Очевидно, во всех подобных этим многочисленных определениях речь идет о землях-кочевьях родо-племенных групп, а не отдельных биев-владельцев. Когда дело касается земель-кочевий последних, делаются специальные оговорки, на каком основании бий-киргиз владеет землей, причем в таком случае указание родо-племенной принадлежности владельца необязательно. Примером тому может служить сообщение о землевладельце Ациму. «Мусульманский город Иташбалык находится в 200 ли к с.-з. от Кашгара, по соседству с владениями бурутов. Его ацимубеком является Саньчжи дачэнь четвертого ранга би бурутов Ациму. Во время мятежа Хоцзичжана,³ находясь в рядах армии, проявил усердие и имел заслуги. Император пожаловал ему эти земли... В этой местности производят пшеницу и рожь». (Подчеркнуто нами — К. П.)¹ В данном случае в противоположность ранее приведенным описаниям совершенно ясно, что речь идет об условном сословном землевладении отдельного лица, т. е. о типичном бенефиции сюзерена. Хотя распространенность землевладения подобного рода среди киргизской верхушки не следует преувеличивать, тем не менее оно было налицо и оказывало соответствующее влияние на общее развитие землевладения.

Косвенным свидетельством отсутствия частного землевладения у киргизских биев может служить заявление, приписываемое автором «Хидайат-намэ» одному из биев чон-багыш, по имени Худай Берди, который, отказываясь от милостей ходжи и перечисляя свои богатства, с гордостью говорил ему: «Я имею много лошадей, караваны верблюдов, нет счета (отарам) овец и многим рабам и служанкам».² Несмотря на то, что подлинность этих слов сомнительна, все же отсутствие упоминания о владении землей даже в передаче автора весьма показательна.

В пользу общинно-родового землевладения киргизов в XVIII в. говорят также регламент китайской администрации и порядок налогообложения населения.

Китайская администрация не вмешивалась в гражданское управление киргизов и части казахов, находившихся в поддан-

¹ Циньдин Синьцзян шилуе, изд. 3, стр. 13-а.

² Имеется в виду, по-видимому, восстание 1765—66 гг. в гор. Уч. См. Синьцзян яо люе, стр. 5-б—9-а, и Синьцзян хоу ши цзи («Дополнительные записки о событиях в Синьцзяне»), серия Сяо фан, том II, кн. 2, стр. 68-б.

³ Синьцзян шилуе («Краткое описание Синьцзяна»), серия Сяо фан, т. II, кн. 1, стр. 73-б. Составлено маньчжурским комитетом из 71 чиновника.

⁴ Мир-Халь ад-дин Яркенди, Хидайат-намэ. Рукопись ЛО ИВ АН, С-560, л. 77-а.

стве маньчжурского императора. Ее деятельность ограничивалась в основном фискальными функциями.

Глава китайской администрации Синьцзяна, сообщается в источниках второй половины XVIII—начала XIX в., «ежегодно отправляет одного дачэня во главе отряда в 500 человек инспектировать казахов и бурутов. Сразу же берут с них налог». Размер налога — одна голова со 100 голов крупного рогатого скота и один баран с тысячи мелкого скота. «Казахи прибывают на аудиенцию один раз в три года... Буруты, посылая своих людей на аудиенцию, делают это в установленном порядке погодно».¹

Таким образом, система налогообложения и взимания налогов не основывалась на землевладении. Если бы оно служило основой, то не было бы необходимости ежегодно инспектировать кочевья киргизских родо-племенных подразделений, поскольку размеры земельных владений могли быть устанавливаемы на длительные сроки. Необходимость ежегодных инспекций и изменений размеров налогообложения соответственно их результатам объяснялись ежегодными колебаниями количества скота, т. е. в конечном счете тем, что объектом налогообложения была не земля, а скот.

В тех случаях, когда дело касалось родо-племенных групп со значительно развитым земледелием, налогообложение и вид налога изменялись. Об этом имеются интересные сообщения. Например, при описании одного конфликта, связанного со взиманием налога с 19 родо-племенных групп киргизов, в «Сиюй цзяню» говорится: «сейчас эти 19 аймаков живут глубоко в горах... у Яркенда, Кашгара и Уча... Ежегодно взимаемый с них денежный и хлебный налог поступает в Кашгар. Налог собира-

¹ Синьцзян цзялюе, там же, стр. 72. См. также: а) «Сиюй взнь цзян лу», по переводу А. Кондратьева, стр. 2-а. Бии бурутов ежегодно направляют послов в Уч с приветствиями к цаньцзянь дачэну и регулярно в установленные сроки платят императору дань лошадьми. Там же, стр. 3-а.

б) Синьцзян яолуе: «Через год местный цзяньцзюнь высылает отряд под командованием дачэня, чтобы тот лично проинспектировал этот район. Каждый очередной год, проведя инспекцию и водворив порядок, он возвращается назад, и управление (бурутами) переходит в полное ведение кашгарского цаньцзянь дачэня». (Цаньцзянь дачэнь — советник цзяньцзюня по военным делам).

в) Вэй Юань, «Суй фу си шу го цзи»: «...ежегодно посылают во главе отряда дачэня проводить инспекторский смотр кочевий, разузнавать о торговых делах и демонстрировать силу (Китайской власти)»; там же, стр. 117.

ют знатные старшины Ациму и Гэдамотэ и передают (императорскому фиску).

В 1773 г. бурутский би Ациму¹ поссорился с Гэдамотом. Ациму прислал в город Уч рапорт, в котором выражал почтение китайскому дачэню и писал: «Мусульмане, буруты — все являются рабами... императора. С них собирают налог, и это справедливо. Однако почему мусульманину Гэдамоту поручено собирать натуральный и денежный налог с меня и других.² Прошу в следующий раз, когда наступит время сбора налога, дозволить мне самому отправить его в Кашгар и т. д. Китайские власти дали свое согласие».³

Поскольку о проведении ежегодных инспекций и об изменениях размеров налога здесь не говорится, можно предполагать, что размеры денежного и хлебного налогов были фиксированы, и предметом налогообложения наряду со скотом могла быть земля.

Обобщая приведенные факты о землевладении киргизских племен, можно сделать два вывода. Во-первых, землевладение у киргизов в рассматриваемый период носило общинно-родовой характер, т. е. земля фактически являлась владением отдельных родо-племенных групп или объединений, которые выступали иногда как условные владельцы, иногда — как собственники, хотя их владения и собственность не были прочными. Во-вторых, к концу XVIII столетия стали наблюдаться случаи частного землевладения отдельных киргизских феодалов, получавших земли в условное владение от китайской администрации.

¹ По-видимому, речь идет о новом лице, т. к. иероглиф здесь иной.

² Название Гэдамота «мусульманином» следует понимать как определение некиргизского происхождения. По-видимому, это узбек или уйгур, которые, в отличие от бурутов, назывались «мусульманами».

³ Сиюй цзияо, указан. издание, гл. IV, стр. 4-а.

ГЛАВА IV

К Л А С С Ы

Как известно, в исторических средневековых сочинениях, принадлежавших в большинстве случаев перу придворных историографов, внимание сосредоточивается в основном на ханах и феодалах, о низших же слоях и классах упоминается очень редко. Аналогичное положение и в скудных источниках по истории киргизов. Но все же по отдельным указаниям можно установить наличие у них классов эксплуатируемых и эксплуататоров, зависимых и господствующих.

Как можно было заметить в разделе о торговле, факт обмена киргизами лошадей на людей на рынке Кашгарии может говорить о наличии в их домашнем хозяйстве людей, принадлежавших им как вещи, т. е. рабов. Однако это явление было ограниченным. Более распространенной была личная зависимость рядовых скотоводов, что подтверждается рядом фактов.

Например, имеется указание о выделении Саид-ханом сыну «трети своего падишахского имуществва как лошадьми и войсками, так и палатками и прочим». При описании обстоятельств увоза Юнус-хана в Мавераннахр приближенными Худайдада Ирезаном-баарином и Мубараком-туркменом говорится, что они взяли с собою 30 тыс. монгольских семей, «своих приверженцев». Сам Худайдад имел 24 тыс. подвластных семей. По-видимому, и подвластные семьи должны были находиться в определенной личной зависимости от своих феодалов. О той же самой зависимости могут свидетельствовать насильственные переселения киргизов и монголов (например, Мансуром в Чалыш и Турфан, откуда они затем бежали).

О разделении населения на классы говорится очень мало. Упоминания в источниках о разделении общества того времени встречаются лишь случайно, например, в многословных по-

хвалах Мирзы Хайдара по адресу ходжи Тадж-ад-дина. Среди прочих его достоинств он особо подчеркивал бескорыстие. Тадж-ад-дин, по его словам, за всю свою жизнь не взял ни одной взятки ни от кого, будь то хан, султан, эмир войска, райат, купец. Под райатами XV—XVI вв. можно разумеать довольно зажиточных земледельцев, что видно из слов автора:

«Не только бедняки, но и райаты и дехкане пользовались богатствами» Тадж-ад-дина.

В другом случае автор, рассказывая о населении, писал, что оно делилось на четыре категории: первая называлась туман, что означало крестьянство; вторая — кучин, что означало феодальное ополчение; третья — аймак; четвертая — арбаби мафасибби шарийе ва мутасаддийани бука.¹

Изучение этих групп населения представляет значительный интерес и может явиться предметом специальной работы. Пока по этому вопросу мало материалов. Можно лишь отметить, какие именно категории населения могольского общества имел в виду автор «Тарих-и-Рашиди». Под «туманом» разумелось, вероятно, оседлое крестьянство, тогда как могольский термин «аймак» подразумевал кочевников. Первая группа, по словам Хайдара, находилась в непосредственной зависимости от хана и ежегодно выплачивала налоги в ханскую казну. Вторая зависела от лиц, чьим владением-уделом являлись занимаемые территории.² Порядок выплаты налогов в других районах Моголистана Хайдаром не отмечен. Последняя из названных групп подразумевала различные должности, занимаемые представителями рода дуглатов и связанные с получением доходов с благотворительных и духовных учреждений.

Среди класса феодалов различалось несколько групп: военно-кочевая знать монгольских племен и знатных владетельных родов, тяготевших к оседло-земледельческому хозяйству; гражданская администрация, духовенство.

Первая из названных групп была самой влиятельной. Продолжительное владение уделами, особенно в оседло-земледельческих районах, вело к постепенному оседанию таких феодалов. В связи с этим они предпринимали строительство крепостей — опорных пунктов, как средство закрепления за собою владений. Постройкой Таш-рабата на берегу Чатыр-Куля прославился Мухаммед-хан.³ Довольно большое строительство в Кашгарской провинции производил в годы своего прав-

¹ Мирза Хайдар, рукопись С-395, л. 223; рукопись В-6 48, л. 165-6—166.

² См., например, выше о пожаловании аймаков Увейс-ханом Саиду Али Дуглату в 20 гг. XV в.

³ Мирза Хайдар, рукопись С-395, л. 46.

ления Саид Али Дуглат.¹ Восстановлением разрушенных крепостей занимались Айман Ходжа и Абу Бекр.²

Гражданская администрация осуществляла управление на местах. Каждый из феодалов, назначенных на управление городом или районом, стремился превратить временную должность правителя в наследственное владение этим городом или районом.

Духовенство было значительной группировкой класса феодалов. Хайдар подчеркивает влияние лиц духовного звания на государственные дела. Каковы были основы этого влияния в период господства монголов; до середины XVI в., точно пока установить трудно, т. к. у нас нет данных о духовном землевладении на Тянь-Шане.³ Вскользь отмечено, что лица духовного звания занимались земледелием и торговлей. В XVII—XVIII вв. экономической основой духовенства во главе с ходжами из рода Махдум-и Азама было землевладение (см. гл. V настоящей работы).

В источниках говорится о «народе», как правило, в широком и неопределенном смысле этого слова. Например, Рашид-султана и автора «Тарих-и Рашиди», прибывших в Аксу, вышел встречать «весь народ»; Юнус-хан завладел «всем народом», — говорится в другом месте; в Аксу было «общее смятение и скопление народа». Часто выражение «народ» употребляется для обозначения рядовой массы, стоящей на нижней ступени общественной лестницы, возглавлявшейся ханом; Махмуд-хан оставался в Моголистане, «он управлял народом»; Саид-хан и его народ «наслаждались полным покоем»; Дост Мухаммед был схвачен «всем народом»⁴ Иногда употребляется в этом же значении выражение «могольский улус» (подразумевается общая масса кочевников). Так, оставляя Мухаммеда Хайдара правителем Аксу, Юнус говорил: «Твой народ будет возделывать посевы». Он «послал человека предупредить, чтобы народ подготавливал жилища для перекочевки в Моголистан».

Рядовая масса населения — кочевники и оседлые жители — не привлекала внимания авторов. Только иногда говорилось о них особо. Кочевников Мирза Хайдар отличал, впрочем, от оседлых; он пишет, например, что Абу Бекр направился в Кашгар «со всеми аксуйскими жителями, как моголами, так и райатами». Очевидно, под первыми он разумел рядовых ко-

¹ Мирза Хайдар, там же л. 56-б.

² Мирза Хайдар, там же л. 247-б.

³ Наличие духовного землевладения по «Тарих-и Рашиди» можно предполагать только на основании вышеприведенного термина: «арабаб-и манзисиб-и шарийе ва мутасадуйан-и бука».

⁴ Мирза Хайдар, л. 63.

чевников, под вторыми — насильственно переселенных из Аксу в Кашгар землевладельцев.

Бесправное положение райатов и рядовых кочевников не нашло отражения в источниках. Однако сам факт полного молчания по этому поводу показателен: историографы того времени, как феодалы, презирали народ, не замечая его. Отношение феодалов к крестьянству хорошо видно из пренебрежительных слов автора «Тарих-и Рашиди» о занятии земледельца: «Разве могли те, кто всю жизнь ходил за плугом, держать в руках меч?».

Интерес историографов того времени в основном проявлялся в отношении событий и фактов, касающихся ханов и феодальной верхушки, к которой они сами принадлежали.

Хотя главным направлением в нашей науке является изучение жизни низших классов, но, ввиду отсутствия соответствующих источников, это в данном случае пока затруднительно. Состояние изученности источников в настоящее время позволяет исследовать в общих чертах лишь состав, положение, организацию и привилегии класса феодалов.

Основным видом службы феодалов была воинская повинность. Как показывает анализ состава войск Саида Али, каждый из феодалов имел свою дружину нукеров. В «Тарих-и Рашиди» имеются указания о численности нукеров-дружинников отдельных эмиров, бывших в войске Саида во время его похода на Кашгар, в котором принимали участие киргизы.

1. Даим Али	духтуй	имел примерно	200	дружинников ¹
2. Али Мирак	барлас	»	»	200
3. Эюб	бекчик	»	»	200
4. Мухаммед	бекчик	»	»	200
5. Санд Мухаммед	дуглат	»	»	180
6. Мухаммед Хайдар	дуглат	»	»	120
7. Кара Кулак	дуглат	»	»	100
8. Хаджи Мирза	дуглат	»	более	100
9. Жака Барки		»	более	100
10. Башка мирза	итарджи	»	примерно	100
11. Джанака	кунджи	»	более	100
12. Мунка Бек	джирас	»	примерно	100
13. Баба Сарик		»	»	100
14. Мухаммед Бек	бекчик	»	»	100
15. Султан Али	»	»	»	100
16. Ядгар	»	»	»	100
17. Назар	»	»	»	100
18. Али Тугай	дуглат	»		90
19. Кутлук Мирак	»	»		70
20. Шах Назар	»	»		60
21. Бахрия	»	»		40

¹ Мирза Хайдар, л. 225—225-б.

В поддержку Саида выступили 13 феодалов со своими многочисленными дружинами.

Кроме того, были старцы, бедные эмир-заде и другие лица, имевшие очень небольшую свиту или не имевшие своих людей и доходов.

Какова была численность нукеров-киргизов Мухаммеда, входивших в состав войска Саида, в источниках не указывается. Но она, очевидно, должна была исчисляться сотнями или тысячами человек, поскольку Мухаммед со своей дружиной проводил самостоятельные операции против Абу Бекра.

О наличии дружин и нукеров у киргизских предводителей в XIV—XV вв. можно судить по преданиям, зарегистрированным в первой половине XVI в. в «Маджму ат-таварих». Как передается в этом источнике, сардар-бахадур Манас участвовал со своей дружиной кырк чоро каркаринцев — кыпчаков во многих войнах соседних правителей и государств. В частности, он воевал в Притарбагатайских и восточно-тянь-шаньских областях с легендарным отцом Камар-ад-дина калмаком Джолем, на Янке—с другими врагами кыпчакских ханов.

Не могли обойтись без дружин феодалов-вассалов и такие действительные правители, как Угэчи и Эсэху-хан.

Представители верхушки тянь-шаньских феодалов, кроме владения наследственными уделами, пользовались также соответствующими привилегиями, связанными с должностями и титулами, переходившими тоже по наследству.

Наиболее широкими были привилегии дуглатов, которые переходили по наследству, как утверждала традиция, со времени Чингиз-хана, давшего главе дуглатов семь пожалований: «первое — барабан; второе — знамя, по-тюркски называется туман-туг и накара; третье — двум из своих приближенных (дед Худайдада) мог дать кушун-туг, а кушун-туг означает чар-бар туг; четвертое — они (предки Худайдада) носили доспехи (хана), в ханском меджлисе, а обычай монгольский таков, что кроме хана никому другому не дозволяется брать его колчан; пятое — привилегия во время ханской охоты; шестое — (дед Худайдада) являлся эмиром всего могольского улуса и в фермане имя его употреблялось как «сардар могольского улуса»; седьмое — то, что во время дивана прочие эмиры сидели от хана далее чем он на длину одного лука. Семь пожалований, которые Чингиз-хан дал ему в ортобуз-эти. Когда эмир Пуладчи привез Туглук Тимур-хана из земли кыпчаков. (т. е. сделал ханом.—К. П.), ему (эмиру Пуладчи) были пожалованы ханские привилегии, которые уже упомянуты, и еще пожалованы дополнительно две привилегии, так что всего стало девять.

Первая из дополнительных — та, что эмиров кошуна, то есть любого из эмиров, который имеет в своем распоряжении 1000 нукеров, он мог уволить или определить на должность, не спрашивая хана и не нуждаясь в его распоряжении; вторая — (та, что) из поколения в поколение потомков эмира Пуладчи не наказывали, пока они не совершат девять преступлений. Его привезут на допрос на двухлетнем белом коне. Под ноги коню будет постелен белый войлок для возвеличения (всадника). Ответы его будет хану передавать барлас, а слова хана спускать к нему (другой эмир). В таком порядке будет проходить допрос и суд, и (если) он будет заслуживать казни, то после подтверждения девяти преступлений сделают кровопускание из главной артерии его руки. Два упомянутых эмира (стоя) с двух сторон будут наблюдать как вся кровь вытечет из его тела, и он умрет. Тогда эти два эмира с плачем в том же порядке отвезут его тело.

(Туглук-Тимур) скрепил (своей) подписью ферманы на эти девять пожалований. Ту пометку Туглук-Тимур-хана я видел, так как она осталась в Бухаре в руках моего отца..., но во время Шахибек-хана она исчезла. Она была написана по-монгольски, монгольскими буквами. Я слышал, что в конце ее по-монгольски было сказано, что она написана весной года свиньи в Кундузе».¹

Таким образом, объявление могущественным дуглатом Пуладчи первого хана тянь-шаньских монголов Туглук-Тимура сопровождалось формальным закреплением за дуглатом ряда прерогатив фактически ханской власти. При сыне Туглук-Тимура, Хырз Ходжи-хане, спасенном женой Пуладчи и возведенном на престол сыном Пуладчи, Худайдадом, глава дуглатов получил дополнительные привилегии и фактически контроль за законодательными действиями хана.

«Когда Хырз Ходжа-хан, который с помощью эмира Худайдада, сына эмира Пуладчи, спасся от эмира Камар-аддина и сел на ханский престол, он также изволил возобновить права (своего) почтенного отца... (Он прибавил) эмиру Худайдаду к девяти вышеназванным пожалованиям еще три новых, так что получилось двенадцать.

Одна — то, что в день праздника, (когда) три ханских ясаула верхами выравнивают ряды (присутствующих), один из ясаулов эмира Худайдада стоял справа от гургана (Хырз-хана?), держа в руках пиалу хана; слева стоял (ясаул), держащий пиалу эмира Худайдада. Эти две пиалы предназначались специально для хана и для эмира Худайдада.

¹ Мирза Хайдар, указан. рукопись, л. 43-а—44.

Его отличали также (прикладыванием) печати: там, где кончается текст, эмир Худайдад мог прикладывать печать. А над этой строкой прикладывал печать хан.

Скрепленные печатями ферманы, содержащие эти двенадцать пожалований, Хызр Ходжа подписал на имя эмира Худайдада. Эти двенадцать пожалований после эмира Худайдада перешли к его сыну эмиру Мухаммед-Шаху гургану. После эмира Мухаммед-шаха — к его брату, эмиру Сеид Али гургану. После него — к его сыну Мухаммед Хайдар-мирзе гургану. После него — его сыну Мухаммед Хусейн-мирзе Гургану. А этот Мухаммед Хусейн-мирза есть отец вашего покорного слуги Мухаммеда Хайдара» (то есть Мухаммеда Мирзы Хайдара, автора «Тарих-и Рашиди»).¹

Кроме указанных привилегий, дуглаты имели ряд других. Эсэн Бука привлек к себе, например, Мухаммед-шаха дуглата представлением ему титула улусбека — должности фактического правителя могольского государства. Такое лицо могло быть подвергнуто наказанию лишь начиная с десятого преступления; ханские распоряжения скреплялись как печатью хана, так и печатью дуглата.

Привилегии, дававшиеся ханом тому или иному феодалу для привлечения его на свою сторону, как правило, становились наследственными. Порядок наследования — от отца к сыну, от старшего брата к младшему — вызывал наиболее частые столкновения между старшим сыном и младшим братом умершего. После изгнания Увейс-ханом Худайдада его должность и титул были переданы Увейсом старшему сыну Худайдада, Мухаммед-шаху.² После гибели отца Хайдара, Мухаммед Хусейна, титул улусбека «по старому монгольскому обычаю» был пожалован брату погибшего Саид Мухаммеду.³ Умершего Саниз-мирзу заменил Мухаммед Хайдар, как в роли правителя наследственного удела, так и в качестве супруга вдовы покойного старшего брата.⁴ Верховенство над родом Бекчик осуществлялось мирзой Мухаммедом, но когда приехал его старший брат Эюб, правление перешло к нему по праву старшинства.

Должности, обеспечивающие получение значительных доходов, а также влияние на государственные дела, закреплялись за отдельными родами, становились их привилегиями. Нередко между феодалами велась борьба за них, как среди ханов за престол.

¹ Мирза Хайдар, указан. рукопись, л. 44-а—45.

² Мирза Хайдар, л. 53.

³ Мирза Хайдар, л. 90.

⁴ Там же, л. 61-б.

Так, Джабар Берди дуглат носил при Мансур-хане титул улусбека одновременно с Саид Мухаммедом дуглатом, бывшим тогда же улусбеком при Саид-хане. Титул атабеков — ханских наставников — был закреплен за родом Барлас. Когда умер эмир Гури Барлас, его титул был передан дяде — Али Мирак Барласу.¹

Сознавая свою силу, феодалы часто предавали ханов, переходили от одного к другому, так что нередко один и тот же феодал оказывался то в свите могольского хана, то в числе приближенных его злейшего врага, узбекского султана.

Саид Мухаммед-мирза, до того как перешел к Саид-хану, находился у шейбанидского султана Джанибека, по приказу которого Саид Мухаммед лично принял участие в казни родного брата Саид-хана, Халиля. С еще большей легкостью переходили феодалы от одного могольского хана к другому в зависимости от того, насколько сопутствовала каждому из них удача. Мухаммед Хайдар сначала придерживался группировки Эсэн Буки в его борьбе с Юнус-ханом. Когда же чаша весов стала склоняться в пользу Юнус-хана, Мухаммед Хайдар перешел на его сторону.²

Во времена Мухаммед Хайдара наиболее острым было соперничество двух родов: рода дуглатов и рода барлас.³

Не менее сильная вражда на протяжении многих лет разъединяла эмиров джирас и бекчик. Внутри одного рода дуглатов также существовали разногласия между группировкой Саид Мухаммеда и Али Тугая, между Саниз-мирзой и Хайдар-мирзой и т. д.

Дуглаты ревниво оберегали свои привилегии и стремились не допускать пожалования конкурентам. Отправляя тайно Хызра, «эмир Худайдад хотел, чтобы его сопровождали доверенные люди. Мир Ага удержала (его от этого) и сказала: «Не посылай с ним никого из своих приближенных, так как когда (Хызр) хан станет ханом, он этих людей волей-неволей почтит доверием. Коль скоро он их почтит своим доверием, они станут твоими врагами и врагами твоих детей. Они (эти люди) будут думать, что народ их не уважает и (про них) говорит, что, мол, они — прежние твои нукеры. Поэтому они обратятся к враждебности. Вместо кого-либо из своих приближенных отправь (с ним) чужеземцев». После этого (Худайдад) направил с (Хызр-ханом) двенадцать отобранных людей. Каждый из них стал (впоследствии) эмиром, и поныне живы их (потом-

¹ См. ниже о борьбе монгольских эмиров за должность командующего войсками во время похода в район Иссык-Куля против киргизов в 1622 г.

² Мирза Хайдар, 161—161-б.

³ Там же, л. 101.

ки). В их числе был... Из его рода происходят эмиры Итарджи. Другой был купец из Хорезма. Эмиры Кунджи — из его рода. Третий — охотник из Чалыша. Его потомки тоже стали эмирами с лакабом Кушчи».¹

Привилегированное положение отдельных феодалов и феодальных родов оказывало обратное действие: их сила оказывалась настолько значительной, что хан был вынужден заискивать перед крупными феодалами, попадая в зависимость от них.

Саид-хан вынужден был заискивать перед эмирами, например, перед Китта-беком. Перед Джабаром Берди заискивал Мансур-хан, ибо от него зависела его собственная судьба. Потеряв престол, Эсэн Бука-хан был вновь водворен на него эмиром Саидом Али. Из-за противодействия эмиров Юнус-хан не мог закрепиться ни в Кашгаре, ни в Фергане; различными привилегиями он по одному привлекал к себе эмиров, имевших владения в районе Иссык-Куля. Эсэн Бука, вторично завладев престолом, не мог подвергнуть наказанию эмиров, принудивших его перед тем бежать.

Изъявление вассалитета хану формально выражалось в присяге, чеканке монеты с его именем и в упоминании его в хутбе. Хотя сила и реальная власть отдельных феодалов превосходила иногда ханскую (например, Саид Али дуглата в сравнении с Эсэн Букой), но формально они считались его вассалами и должны были приносить присягу, читать хутбу и чеканить монету с именем хана, верховного правителя полунезависимых Тянь-шаньских улусов-ханств.

Среди феодалов-монголов в XV — начале XVI вв. по своему могуществу и влиянию выделялось несколько лиц. Первое место занимали Худайдад и затем его сын Мухаммед-шах, владевший Ат-Баши. Хотя Худайдад был изгнан Увейс-ханом из его владений, тем не менее Мухаммед-шах «наследовал его должность и чин», т. е., будучи наследственным владельцем всей Мангалай Субэ и личного удела Ат-Баши, он, кроме того, стал улусбеком могольского государства.² Возможно, он был замешан в убийстве Увейс-хана.

Хайдар пишет, что Увейс погиб от руки лучшего стрелка во всем Моголистане — Джакира, который, якобы обознавшись,

¹ Мирза Хайдар, указан. рукопись, л. 42. При выяснении происхождения последнего следует, между прочим, иметь в виду значительную роль киргизского рода кушчи, занимавшего в XVI—XVIII вв. на Тянь-Шане видное положение (см. далее); косвенным указанием на непринадлежность к монголам упомянутых эмиров Кушчи может служить причисление последнего к «чужеземцам», т. е. к недавно пришедшему племени.

² Другой сын Худайдада, старше Мухаммеда по возрасту, Саид Ахмед, умер еще при жизни Худайдада.

выстрелил Увейсу в спину. До службы у Увейса Джакир был личным приближенным Мухаммед-шаха. С приходом к власти Эсэн Буки Мухаммед-шах оказался не у дел. Улусбеком Могольского государства Эсэн Бука назначил некоего Тимура-уйгура. Хайдар пишет: «Эмиры негодовали по поводу возвышения Тимура и презрения хана в отношении их. Однажды в ханском меджлисе большинство эмиров напали на Тимура и изрубили его в куски. Начался разброд. Хан очень перепугался и тоже бежал».¹ Особенно оскорбленным считал себя Мухаммед-шах — наследственный улусбек. Видимо он и организовал заговор против Тимура-Уйгура.

Эсэн Бука был снова возведен на престол Саидом Али, племянником Мухаммед-шаха, который взял на себя роль посредника между ним и Эсэн Букой. «После переписки и обещаний («безопасности») он отправился к Эсэн Буке-хану в Аксу. До конца жизни он был обласкан и устроен им». Характерна для роли Мухаммед-шаха в этих событиях фраза Хайдара, что Мухаммед-шах первым примкнул к Эсэн Буке, а после него «к хану присоединились все люди».²

К этому же периоду относится и сообщение о крупном владельце другого района нынешней Киргизии. Это был эмир Карим Берди. Он, как и Мухаммед-шах, был в числе недовольных возвышением Тимур-уйгура и засел в своем уделе — Ала-Буге, «на границе Моголистана с Андижаном и Ферганой».³ В отличие от Мухаммед-шаха он, видимо, не примкнул к Эсэн Буке, а оставался в своем уделе, который был достаточно внушительным, очевидно, приближаясь к размерам бывшей Джалал-Абадской области. В течение двадцати лет Карим Берди оставался фактически независимым правителем и при этом постоянно совершал набеги на Фергану.

Хайдар называет его первым из эмиров, присоединившихся к Юнус-хану, когда тот в середине 50-х гг. появился в Моголистане. Видимо поддержка Карима Берди была существенной, и сам он играл заметную роль в событиях того времени. В «Тарих-и Рашиди» упоминается два близких родственника Карима Берди: Кадыр Берди, его сын, женатый на дочери киргизского хана Эсэху, от сестры Увейс-хана; затем племянник Карима Берди — Абд-ал-Кудус, который освободил

¹ Это произошло в районе Иссык-Куля, т. е. вблизи удела Мухаммед-шаха.

² Мирза Хайдар, л. 57.

³ Мирза Хайдар пишет, что следы крепости Ала-Буга были видны в середине XVI в. Ныне Ала-Буга — центр одного из южных районов Киргизской ССР (на границе с Ферганской областью Узбекской ССР).

Юнус-хана из Ташкентской тюрьмы, куда тот попал в результате заговора вассалов. Юнус-хан, освобожденный из тюрьмы Абд-ал-Кудусом, «почтил его титулом гургана (т. е. выдал за него замуж дочь.—К. П.) и передал ему все привилегии и владения дуглатов». Однако, всего этого Абд-ал-Кудусу, «ввиду его спесивости и надменности», оказалось мало. Он не хотел считаться с Юнусом как с ханом, но в борьбе потерпел неудачу и был вынужден бежать в Кашгарию к своему родственнику Мухаммед Хайдару дуглату, деду нашего автора, который отдал замуж за него свою дочь, Ага Султан Султаным, и, поставив во главе значительного отряда, направил против своего соперника Абу Бекра, с которым Абдал-Кудус был в ссоре. Абд-ал-Кудус был разбит, бежал в Бадахшан. В 80-х годах он был при Махмуд-хане, от которого получил в удел вилайет Хост, где вскоре погиб¹.

Владетелем Уча (теперешний Уч-Турфан) был эмир Джабар Берди дуглат, возможно, близкий родственник предыдущих. Эмир Джабар Берди был в числе вассалов Ахмед-хана. После его смерти Джабар Берди пытался захватить власть в свои руки. Наследовавший Ахмеду его сын Мансур вынужден был бежать из Аксу в Турфан. Джабар Берди призвал на помощь кашгарского правителя Абу Бекра, воспользовался его силами и захватил столицу со всеми ее сокровищами. Действия Джабара Берди вынудили Мансур-хана просить у него извинения, т. е. пойти на уступки своему вассалу.

«Они заключили договор и условия и Мансур-хан пригласил Джабара Берди к себе, оказав ему при этом большее благоволение, чем его отец Ахмед-хан».²

При Мансур-хане Джабар Берди занял пост улусбека — правителя его владений в районе Турфана и Чалыша. В 1514 г. Джабар Берди присутствовал при переговорах Мансура и Саида о разделении между ними власти. Он умер в 20-х гг. XVI в. во время походов Мансур-хана на Китай.

Значительные области нынешней Киргизии в XV—XVI вв. были не только в руках дуглатов. Эмиры рода бекчик владели Прииссыккульем. В 30—40 гг. XV в. на острове в Иссык-Куле, в местности, которую Мухаммед Хайдар называет Кави Суй, построил крепость эмир Хакк Берди Бекчик. Владения его, видимо, включали земли к западу и юго-западу от оз. Иссык-Куль, Чу-Таласского междуречья, а также северную часть Нарынской области. Как независимый владетель, Хакк Берди совершал нападения на Туркестан и Сайрам. В 50-х гг. на месте

¹ Мирза Хайдар, л. 71 и 76-с

² Мирза Хайдар, л. 85.

умершего к тому времени Хакк Берди был его племянник. Эмиры рода бекчик одними из первых присоединились к Юнусхану, когда тот появился в Моголистане. Мухаммед Хайдар упоминает о жившем в самом начале XVI в. Султан Али-мирзе Бекчике, который по приказу узбекского хана Джанибека утопил монгольского царевича Халиль Султана, бывшего правителя киргизов. Позже он и шесть его родственников — влиятельных эмиров — упоминаются в числе сторонников Саид-хана, примкнувших к последнему со времени его возвращения из Кабула в Фергану. Эмир Эюб Бекчик назван главой этого рода в то время.

Колебания эмира Эюба в вопросе о поддержке Саида могли иметь следствием поражение Саида в его походе на Кашгар. Суфи мирза Бекчик назван «одним из прочных столпов государства». Он был приближенным Мансур-хана и погиб в сражении с узбек-казахами у Арыси.

Что касается крупных феодалов киргизских племен, то, хотя они в XIV—XV вв. тоже были, но имеющиеся пока в нашем распоряжении сведения о них носят в основном полуполюгендарный характер. Наиболее ранними сведениями по этому вопросу в настоящее время можно считать родословные киргизских предводителей, зафиксированные в начале XVI в. в «Маджмуге ат-таварих».¹

Согласно этим родословиям, генеалогии киргизских предводителей-предков насчитывали около 20 поколений до Акуула, т. е. восходили примерно к X—IX вв., а известные предводители дружин, богатыри вроде Манаса, его отца Якуба и отца последнего, Каркара, изображались как современники Камарад-дина, Инка тюрки, Тохтамыша, Тимур Ленга и др. исторических деятелей середины и второй половины XIV — начала XV в.

Родословные таблицы киргизских манапов конца XIX в., возводивших себя к ранним родоначальникам, насчитывают от 14 до 18 поколений.

По родословной манапа племени сарыбагыш Казы, жившего в конце XIX в., его предками были: Чоко, Кулбек, Кайду, Ырыскулба, Ниязбек, Эсенгул, Болот, Мамткул Учуге, Сары-Сеит, Манап, Доолос, Кылжир, Тагай, Агул, Долон-бий. Считая на каждое поколение 25 лет, получаем 400—425 лет, т. е. примерно начало середины XV в. По родословной бугинского манапа Ысмаила, жившего тоже в конце XIX в., его предками были: Сарыбай, Солтанкул, Алыбай, Бирназар, Алдаш, Белек,

¹ В данном случае имеем в виду только тьянь-шаньских киргизов, оставляя в стороне известия о феодалах енисейских киргизов.

Жамангул, Алсеит, Мырзакул, Орозбакты, Кылжир, Тагай, Агул и Долон-бий.¹ При том же расчете на 15 поколений приходится 375 лет, или 1500-е гг.

Хотя все эти родословные, безусловно, указывают на наличие класса феодалов в среде собственно киргизских родо-племенных объединений в XV—XIV вв. и в более ранние времена, все же принимать фигурирующие в них лица за исторические нельзя.

Первыми пока известными нам и действительно жившими в XIV—XV вв. феодалами у киргизов следует считать Угэчи Хашагу и его сына Эсэху-хана.

Отношения первого со своим сюзереном-ханом и вассалами достаточно наглядно видны из слов, якобы сказанных им в адрес Элбэк-хана, назначившего правителем ойратов чоросского князя Батулу. «Он отдает четырех (ойратов) во владение моему человеку из черни (mini хачаси)—Батуле, в то время как я, его господин, жив»,—с возмущением говорил Угэчи перед выступлением в поход против хана.²

О наличии у него и у Эсэху-хана киргизских вассалов-дружинников сведений пока нет. Тем не менее существование их можно считать несомненным, поскольку у Саган Сэцэна в «Мин-ши» упоминаются многие их вассалы ойраты и монголы.

Современником Угэчи и Эсэху являлся черик Инка тюря Бай Мурат, элементы имени которого, или титулы (тюря, бай, редко встречающиеся у монголов и, напротив, встречающиеся у киргизов, казахов) говорят о его принадлежности к кыпчакам и киргизам.

К числу известных киргизских феодалов середины и второй половины XV в. можно отнести сыновей Эсэху: Амасанджи-тайшу, а также Ибрагим-онга и Ильяс-онга, владевших уделом около 40 тыс. чел.³ Их современниками были также эмиры кушчи, являвшиеся, возможно, потомками главы рода кушчи, сопровождавшего Хызр-хана во время его скитаний,⁴ а также известный Мухаммед, выступавший в первой четверти XVI в. признанным главой всех киргизских племен Тянь-Шаня. Вскоре после него большую роль среди киргизов играл глава рода кушчи Галиджа-бий, который был «предводителем мусульманских войск светоча собрания на пути руководства истинной верой... ходжи Хасана⁵... и несколько раз преграж-

¹ Фонды Отд. общ. наук АН Кирг. ССР, д. 319, стр. 78—79.

² Саган Сэцэн, стр. 142.

³ См. след. главу. Так как они и подобные им потомки по линии матери были часто монголами, то это нашло широкое отражение в киргизском эпосе (напр., цикл Кезкоманов и др.).

⁴ См. примечание об этих кушчи в предыдущей главе.

⁵ Сына Махдум- и Азама (ум. 1542). См. главу первую и пятую.

дал боевым мечом путь неверным (калмакам) и истреблял их».¹ Хотя численность родо-племенной группы кушчи, главой которой он являлся (т. е. его собственного владения-удела), в источнике не указана, все же ее можно считать значительной. Об этом говорит пример численности войска (около 7000 чел.) другого предводителя кушчи, Сокур-бия, поддерживавшего несколько десятков лет спустя кашгарского правителя Махмуд Султана.²

В связи с описанием деяний брата ходжи Хасана, Исхака (ум. 1598 г.), тоже распространявшего мусульманство среди киргизов, упоминаются два киргизских феодала-«падишаха»: некие Серюк (саруу?)-киргиз и Лулум-киргиз, имевший дружину в 400 человек.³

В связи с событиями того же времени, последовавшими в районе Аксу после смерти Мухаммед-хана (1610 гг.), у Махмуда Чураса упоминаются два киргизских феодала: Тилякабий и бай Буте Кара, возглавлявшие отряды — первый в 2000 чел., второй — в 3000 чел.⁴

Скудость имеющихся в распоряжении исследователя сведений о киргизских феодалах XV—XVI вв. объясняется не малочисленностью представителей этого класса, но характером самих источников, упоминающих вообще о киргизах лишь от случая к случаю.

Подтверждением тому могут служить хотя и полупо- легендарные, но весьма многочисленные предводители киргизских племен, фигурирующие в сочинении начала XVI в. «Маджму ат-таварих» и особенно в тюркских и китайских сочинениях XVII—XVIII вв., где киргизские феодалы появляются с начала XVII в. «сразу» в большом числе, чего не могло бы быть при действительной немногочисленности класса феодалов.

Согласно традиции, киргизские феодалы в отличие от массы остальных кочевников именовались биями (от древне-тюркского бег(к) — бей, или бай). Поскольку некоторые из киргизских родоначальников фигурируют с титулами биев еще в «Маджму ат-таварих», то это говорит о распространенности титула бия у киргизов в XIV в. и, вероятно, в предшествующие столетия, т. е. о бытовании с самых отдаленных времен превращения родо-племенных вождей в феодалов, что, в свою очередь, свидетельствует о продолжительном пребывании

¹ Мухаммед-Садк Кашгари, там же, стр. 200.

² Аноним Кашгарии, л. 73-б.

³ Зия ал-кулуб, там же, л. 86-б, 25-б.

⁴ Махмуд Чурас, там же, л. 55-а.

киргизских феодалов в кыпчакской среде, где титул бия был широко распространен.

Наряду с этим титулом, как собственно киргизским, в источниках иногда фигурируют титулы бек, бай, мирза и пр. Например, сын известного правителя Кашгара Койсары-бия, Кучук-бий, фигурирует в «Анониме Кашгарии» с титулами бия и бека.¹ Феодалы группы кыпчак Абак, Чикиль, Худа-Назар и др. именуются биями и беками.² Упомянутые Тиляка и Буте Кара называются один бием, другой баем (Тиляка-бий, Буте Кара-бай). Особенно крупные и могущественные феодалы могли иметь даже титулы мирзы (как, напр., предводитель илийских киргизов-кыпчаков Амр-мирза, глава кушчи Ковад-мирза и др.), сохраняя, однако, собственно киргизский титул бия или более ранний — бека. Например, «Ковад-мирзу за его исключительную храбрость называли бахадур-бием»;³ Джаруб, служивший в Кашгарии в качестве ишикга, именовался и мирзой, и беком.⁴

Наличие в источниках указанных и других титулов у киргизских феодалов объясняется, видимо, несколькими причинами; во-первых, литературно-стилистическими традициями авторов разноязычных сочинений;⁵ во-вторых, определенной пестротой этнического состава отдельных родо-племенных групп, еще сохранявших некоторые свои традиции, несмотря на консолидацию с общей массой киргизских племен в период завершения формирования их как народности. Наконец, это объясняется разными положениями киргизских феодалов, встававших на определенные ступени иерархической лестницы феодального общества Ферганы и Кашгарии, где они с конца XVI — начала XVII в. оказывались фактическими правителями городов и местного населения (см. след. главу).

С превращением в середине XVIII в. киргизских феодалов в вассалов маньчжурского императора сохранился лишь один собственно киргизский титул «бий», просуществовавший примерно еще столетие и вытесненный в конце XIX в. титулом «манап».

Поскольку в условиях резкой феодальной раздробленности каждый бий, как глава более или менее значительной самостоятельной родо-племенной группы, являлся фактически независимым правителем, принадлежность отдельных лиц к

¹ Аноним Кашгарии, л. 98-б.

² Аноним Кашгарии, л. 99-а.

³ Мухаммед-Садык Кашгарии, указан. соч., стр. 209.

⁴ Мухаммед-Садык Кашгарии, указан. соч., стр. 75 и далее.

⁵ Титулы падишахов — в персоязычных сочинениях и беков — в тюркоязычных кашгарских.

классу биев, их права и обязанности определялись, в первую очередь, имущественным положением и отношениями внутри указанных групп, строившихся на основе фактического распоряжения бием общинно-родовой землей, на основе частной собственности на скот и частично — личной зависимости рядовых общинников.

Некоторые особенности имущественного и социального положения биев были хорошо подмечены китайцами, как только они вступили в тесные государственные отношения с этими новыми вассалами.

Особенности имущественного положения биев проявлялись, прежде всего, в самом внешнем облике биев, их жен и семей, носивших парчовые, шелковые одежды и дорогие украшения, в то время как рядовые люди носили одежду «из грубой ...ткани и сапоги из сыромятной кожи».¹ По описанию китайцев, правивший саяками и сары-багышами Мамук Хули-бий (рожд. 1660 г.), «постоянно сидел, поджав под себя ноги, а его живот свешивался до самой земли. Поэтому Мамук Хули не мог далеко ходить...»².

При описании общественного положения биев в «Сиюй вэнь цзянь лу» говорится: «Правители их (бурутов-киргизов) имеют 10—20 айманей, другие же управляют 20—30 айманами. Жители айманей есть их албату. Хотя все они буруты, но би (й) у них не один. Каждый бий управляет своей землей и имеет своих подданных. По своему могуществу и власти они равны один другому, ни на волосок не подчиняются (друг другу). Если би (й) умирает, то устанавливают своим бием его сына или брата, другие же не могут занять это место».³

По мнению Бичурина, переведившего этот текст, термин «албату», употребленный по отношению к рядовым киргизам айманя (монг. аймак применительно к киргизам XVIII в. можно считать айлом), следует понимать как «раб». Л. И. Думан рассматривал албату как крепостных.⁴ В данном случае неверно ни то, ни другое. «Албату» действительно иногда толковался в китайских источниках как «раб». Например, при описании господства калмаков в Туркестане говорится: «Все города (Синьцзяна) и казахи были их албату. Албату значит рабы. Своего вана (князя) чжунгары называют хан».⁵ Как видно из этого пояснения, под «албату», вопреки прямому тол-

¹ См. описание в конце гл. II наст. работы.

² Цинчао вэньсянь тункао, указан. изд., цз. 299, стр. 7475.

³ Сиюй вэнь цзянь лу. Буруты, стр. 8. По переводу А. Кондратьева. См. также перевод И. Бичурина.

⁴ Л. И. Думан. Аграрная политика цинского правительства в Синьцзяне в конце XVIII в. М., 1936, стр. 192—193.

⁵ Сиюй цзяно, указан. изд., гл. 7. История войн, стр. 1-а.

кованию автора, следует понимать просто подданных, а не рабов.¹ Не соответствует действительности и толкование албату как крепостных применительно к киргизам-общинникам.

Киргизские бии в китайских источниках нигде не фигурируют в качестве собственников своих «подданных» или земли, но всегда рассматриваются как (у)правители лишь частично зависимых от них людей, которые, с одной стороны, определено находятся в подчинении биев, с другой стороны, как члены единой айльно-родовой общины, пользуются правами свободных людей.

В конце приведенного описания характера власти биев, между прочим, говорится: «если бий умирает, то устанавливают своим бием его сына или брата». В другом источнике: «Входящие в состав аймака семейства называются албату... Каждый правитель имеет свое владение, каждый знатный свой народ. Даже перед лицом опасности со стороны сильного врага они не объединяют управления. Если такой бий умирает, его замещает его сын или младший брат. Другим людям запрещается занимать этот пост».² Как видно, с формальной стороны речь шла не о наследовании крепостных общинников как простого имущества-собственности, но как бы о замещении определенной должности, о запрещении занятия ее «другими людьми» той же родо-племенной группы. Будь члены такой группы простыми крепостными, об этом не могло бы упоминаться, а тут, хотя кто-либо из них не мог сам стать бием, тем не менее признание бия даже в наследственном порядке формально зависело от общинников, особенно когда оказывалось несколько наследников-претендентов и возникала борьба.

В таких случаях, т. е. при обострении междоусобной борьбы отдельных семей биев, использовавших рядовых общинников, голос последних мог иметь даже решающее значение. Об этом говорят факты возможного смещения биев как айльно-родовых старшин, указываемые в сочинении наместника Илийского края «Циньдин Синьцзян шилуе». :«Буруты... называют своих старшин би(ями). В каждом бурутском племени нет постоянно установленного числа старшин. Ими становятся люди, выдвинувшиеся некогда прежде благодаря своей силе, а также по праву наследства (а не имеющие столько-то крепостных.— К. П.). Если старшина совершит преступление, то его лишают (положения) и вместе с ним всех его даль-

¹ Или «рабов» в том смысле, в каком именовались «рабами» в официальных грамотах все подданные маньчжурских императоров, в том числе сами киргизские бии.

² Сиюй цзяю. («Краткое описание Западного края»), изд. 1826, цз. 6. Сведения о бурутах, стр. 2-б.

них и близких (родственников)».¹ Все это в дополнение к предыдущему тоже говорит о наличии значительных прав родовых членов отдельной родо-племенной группы, или айльно-родовой общины, хотя они и находились в некоторой личной зависимости от своих биев.

Как можно предполагать на основании некоторых отдельных упоминаний о численности собственной семьи биев, она доходила примерно до десятка человек.² Численность подвластных семей айльно-родовой общины или родо-племенной группы могла быть разной: от десятков—сотен до тысячи и более. Например, Юймадали, правнук бия нойгутов Гэдайчарца, получившего в 1758 г. кочевья по реке Музарат, «управлял 85 кибитками».³ Ализэр—бек группы кушчи, не желавший бежать в 1783 г. с вышеупомянутым Боэркэ, хотя и «был принужден к бегству, возвратился во главе 100 семей»⁴. Имевшие под управлением до сотни семей считались, видимо, мелкими биями. Средние имели более: от двухсот до семисот или тысячи семей.⁵ Крупные, как например, бии принссыкульских саяков, сары-багышей, таласских саруу, кроме собственных подразделений, имели в некоторой зависимости подразделения других вассалов-биев, до 4—5 тысяч семей.

В одной родо-племенной группе могло быть несколько мелких, средних и крупных биев-феодалов, состоявших или не состоявших в родстве. Например, у кыпчаков, враждовавших во времена Исмаил-хана с кашгарскими чон-багышами, было убито сразу пять биев: Абак, Чигиль, Худа-Назар, Йол-Булды и Чигир.⁶ В середине XVIII в. у чериков были известны 8 биев: Эсэн, Асанбай, Юймотэ, Хутулунэ, Нонхай, Гэдай, Кучунэ и Цюйлуцую; у кушчи—восемь биев; Маймотэ, Шабанэ, Шукуэр, Манэтиппэр, Ализэр, Хошой, Какуэр и Боэркэ; у чон-багышей шесть биев.⁷ Примерно такое же количество биев было известно у других групп. Это видно из списков наград и пожалований со стороны китайской администрации.⁸

¹ Циньдин Синьцзян шилуэ, цз. 12, стр. 29.

² См., например, о семье бия Эдэгена, который в 1783 г. не бежал вместе с двоюродным братом, Боэркэ, от китайской администрации, но «во главе дома в количестве десяти человек сдался и перешел на нашу (китайскую) сторону. Затем помогал Юймотэ (бию) управлять кочевьями». Циньдин Синьцзян шилуэ, цз. 12, стр. 38—64. Племя Кушчи.

³ Сиюй шуйдао цзи, указан. издание, стр. 860.

⁴ Циньдин Синьцзян шилуэ, цз. 12, стр. 38—64. Племя кушчи.

⁵ Вэй Юань, Суй фу си шу го цзи, указан. изд., стр. 117.

⁶ Аноним Кашгарин, л. 99-а.

⁷ Циньдин Синьцзян шилуэ, цз. 12, стр. 38—64. Племена черик, кушчи и др.

⁸ См. также в записках Зибберштейна о разветвленном роде биев Ширалы подразделения билек, группы бугу.

Указанные пожалования, или присвоения так называемых рангов от 2 до 7 класса, с вручением золотых и серебряных шариков и перьев, производились по представлениям илийского наместника или самого кашгарского губернатора по разным поводам: за признание суверенитета императора, за помощь китайским властям или просто за лояльность и пр. Пожалованные ранги как титулы передавались по наследству от отца к сыну.

Богатые (по всей вероятности, исчерпывающие) сведения по этому вопросу содержатся в сочинениях илийского наместника Сунь Юня, являющегося фактически автором «Циньдин Синьцзян шилуе», где указываются не только имена, но также даты, поводы и другие события, связанные с награждениями биев всех племен.

В качестве иллюстрации приводим, например, историю пожалований биев (старшин) чон-багыш.

«Старшины 2-го класса.

Суланьцзы (внук Авалэ, сын Бошихуя).

Авалэ в 24 г. (правления императора) Цзянь-луна (1759 г.) представился (в качестве вассала) государю, был пожалован наследственным ношением шарика 5 класса и павлиньим пером. Так как в 28 году (1763) заботился о государственном конном заводе, а в 30-ом году (1765) присоединился к походу на Уч-Турфан (против мятежников), был пожалован ношением шарика 3-го класса. Авалэ умер от болезни. (Тогда) его шариком и пером жалуют (сына) Бошихуя. В 54 году (1789) Бошихуй проявил усердие при аресте Чаньболатэ. По докладу пожалован шариком 2-го класса. Бошихуй умер от болезни. Жалуют (его сына) Суланьцзы, шариком 3-го класса с павлиньим пером. В 20 год правления Цзян-цин (1815) проявил усердие при преследовании и поимке Цзянь-дуня, к тому же схватил Момаши, зятя Туэрдимаймотэ. По докладу пожалован шариком 2-го класса.

Старшины 4 класса. Чжаньпалате, сын Хуватэ... Ввиду того, что Хуватэ в 1775 г. помогал в ведении дел по кочевому скотоводству... пожалован шариком 6 класса... Умер... Его шариком и пером жалуют Чжаньпалатэ.

Старшины 6 класса...» и т. д. о всех старшинах-биях чон-багыш и др. групп.¹

Согласно списку того же Сунь Юня, «во время его наместничества в Илийской области (1802—1809 гг.) из киргизских биев «знаки отличия получили 63 человека. Среди них ранг второй степени получили 2 человека, ранг третьей степени—3

¹ Сунь Юнь, Циньдин Синьцзян шилуе, изд. 12, 36—64. Пдемя чон-багыш и все остальные.

человека, ранг четвертой степени — 6 человек, ранг пятой степени — 9 человек, ранг шестой степени — 24 человека. Золотой шарик на шапку — 17 человек, павлинье перо — 2 человека»¹.

Как видно из изложенного, ранг давался не всегда строго соответственно имущественному и общественному положению, тем не менее оно в общем учитывалось. Поэтому приведенное соотношение численности киргизских биев-старшин указанных рангов можно рассматривать, при условии отмеченной оговорки, как соотношение численности крупных, средних и мелких киргизских феодалов-биев².

Хотя имеющиеся пока в распоряжении исследователя источники не позволяют глубже проникнуть в отношения феодалов с подвластными им общинниками и выяснить природу и характер личной зависимости последних, тем не менее приведенные сообщения свидетельствуют о существовании у киргизов в рассматриваемый период довольно многочисленного класса феодалов.

До тех пор, пока землевладение и административно-государственное управление находилось в руках крупных монгольских феодалов, бии киргизских родо-племенных групп занимали второстепенное положение и редко упоминались в источниках. Но с конца XVI — начала XVII вв., в период завершения ассимиляции монголоязычных племен киргизскими и утраты власти монгольскими феодалами, многочисленные киргизские бии быстро вышли на историческую арену, захватив в свои руки правление всеми древними городами и областями Кашгарии и части Ферганы. И по тому, как они, становясь правителями городов и земледельческих областей, просто и быстро осваивались с очень развитыми в этих земледельческих областях феодальными отношениями, а затем при неудачах с такой же легкостью оставляли города, возвращаясь со своими кочевниками-скотоводами в горные области, — по всему этому при внимательном наблюдении можно заметить, что классовые отношения у киргизов, несмотря на примитивность их хозяйства как хозяйства скотоводов-кочевников, достигли к концу XVI — началу XVII в. большого развития.

¹ Поименный список с указанием родо-племенной принадлежности каждого бия см. Сунь Юнь, или цзунтун шилуе, 1821, цз. II, стр. 20—24.

² Для сопоставления их имущественно-социального положения можно иметь в виду, что китайское правительство имевших 3—5 ранг назначало хаким-беками городов и областей, ведавшими всеми делами их управления; имевших 4—5 ранг назначало ишик-ага-беками (помощниками хакимов). Имевшие 5—7 ранг назначались минбеками (тысячниками), имевшие 7 ранг — юзбеками (сотниками). Спец. таблицу должностей и чинов в Восточном Туркестане см. Думан Л. И., указан. соч., стр. 109.

Прогрессирующее развитие их в области идеологии находило отражение в широком распространении среди киргизов в этот период религии ислама.

До недавнего времени было принято считать, будто проникновение ислама к киргизам имело место в самое недавнее время. В действительности отдельные представители киргизской феодальной верхушки приобщались к исламу вместе с тянь-шаньско-монгольскими племенами, т. е. еще в XIII—XIV вв. О распространении в среде киргизских феодалов ислама в период консолидации тянь-шаньских монголов с киргизскими племенами прекрасно рассказывается в сочинении муллы Сейф ад-дина Ахсикенди «Маджму ат-таварих», посвященном специально деятельности известных распространителей ислама касанских и ширкентских шейхов, в частности, Джафар Садыка и его потомков Саид Джалал ад-дина, Саид Мир Джалил Мавлана Азама и др.

Однако до конца XVI в. ислам распространялся в основном лишь в среде монгольских племен и преимущественно в среде киргизской верхушки, находившейся в подчинении монголов. С конца XVI — начала XVII в., т. е. в период окончательной ассимиляции монгольских племен киргизскими и завершения формирования киргизской народности, он стал распространяться среди широких масс, что было связано, с одной стороны, с ассимиляцией монгольско-мусульманских племен, с другой стороны — с выходом самой киргизской верхушки на широкую историческую арену Тянь-Шаня и с ее борьбой за мусульманские Кашгарско-Ферганские области. Именно поэтому киргизские бии и оказались в XVII—XVIII вв. в самой гуще борьбы известных ходжей «черногорской» и «белогорской» партии, овладевая в ходе ее соответствующими областями.

Таким образом, ислам начал распространяться у киргизов в те же времена, что и у соседних с ними других тюркоязычных народов, хотя порядок распространения имел особенности. Результатом его явился ярко выраженный у киргизов синкретизм язычества и мусульманства, что давало повод ортодоксальным мусульманам считать киргизов полукафирами, а ученым — относить приобщение киргизов к исламу к недавнему времени. В действительности синкретизм был, как видно из сказанного, следствием ассимиляции «языческими» киргизскими племенами, перемещавшимися в XIV—XV вв. из Илийско-Иртышского междуречья, монголоязычных и тюркоязычных (в том числе ранее прибывших киргизских) племен Центрального Тянь-Шаня, в процессе чего первые, омусульманившись, сохранили многие элементы язычества, оживив или распространив их к тому же среди ассимилированных ими племен.

Г Л А В А V

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО

Исходя из наличия источников, в настоящей главе рассматриваются две проблемы, а именно: существование государственных объединений, или улусов-ханств, а также некоторых родо-племенных киргизских объединений, и структура государственного аппарата наиболее крупного улуса XV—XVI вв., во главе которого стояла ханствовавшая фамилия чингизханидов.

С точки зрения государственного устройства тюрко-монгольских племен Тянь-Шаня, представлявших в совокупности формировавшуюся киргизскую народность XV—XVI вв., характерно было наличие нескольких одновременно сосуществовавших улусов-ханств, или, иначе говоря, большая феодальная раздробленность.

Как было видно из материалов, приведенных в первой главе работы, киргизские племена Прииртышских областей в послечингизхановское время периодически признавали то власть правителей Ак-Орды, то Чагатайского улуса, то кыпчакских вассалов великих ханов. В XIII—XIV вв. многие из них переместились в Иртышско-Илийское междуречье, т. е. на территорию улуса Угэдэя и Чагатайского улуса, развалившихся впоследствии в связи с усилением феодальной раздробленности.

Длительные смуты привели в 40-х гг. XIV в. к окончательному распадению улуса Угэдэя и Чагатайского улуса на несколько частей. Западные области Чагатайского улуса, занятые преимущественно тюркским и отюреченным земледельческим населением, обособились в отдельное государство, возвысившееся через несколько десятков лет под верховенством Тимур Ленга (Тамерлана).

В восточных областях Тянь-Шаня, вследствие сравнительно большей феодальной раздробленности, образовалось

несколько независимых улусов-владений. Во главе их стояли потомки монгольской кочевой знати, пришедшей во времена Чагатай и Угэдэя и при их ближайших преемниках.¹

Наиболее значительным из них в восточной части улуса была так называемая область Мангалай Субэ, занимавшая Кашгарию и современную Южную Киргизию.

Оседлое (преимущественно тюркоязычное) население ее в этническом отношении было крайне сложным. Волны бесчисленных тюрко-монгольских вторжений, истреблявших и попиравших в течение предшествующих столетий население городов и сельских районов этого края, перемешали здесь осколки многих племен и народов.

В городах население занималось ремеслом и торговлей, в сельских местностях — земледелием. Кроме того, по южному склону Тянь-Шаня проживало значительное количество монголов-скотоводов, господствовавших над местным населением. Они находились в Мангалай Субэ преимущественно лишь зимой, располагаясь со своими стадами вдали от городов. На лето они откочевывали на север — в «Моголистан». Как видно из предшествующего, во главе их стоял известный монгольский род дуглатов.

Используя традиционное стремление эмиров полунезависимых кочевых монгольских племен Тянь-Шаня восстановить свое господство в западной части улуса, владетель Мангалай Субэ дуглат Пуладчи организовал в 1348 г. избрание ханом всего улуса одного из «законных» престолонаследников, по имени Туглук Тимур². Пуладчи стремился через него не только восстановить власть монголов в Мавераннахре, но также упрочить свое влияние в среде самих эмиров. Но некоторые успехи Пуладчи и Туглук Тимура не изменили положения.

Кратковременное объединение в 60-х гг. XIV в. правителей кочевых племен Тянь-Шаня под верховенством Камар-ад-дина не сопровождалось консолидацией страны в государственном отношении. Оно было связано с завоевательными устремлениями в Мавераннахре, которые оказались, однако, несвоевременными. Там как раз в это время поднималось грозное государство Тимура. Монгольские предводители не только не имели успехов, но сами скоро оказались вынужденными искать спасенья от тимуровских войск в отдаленных областях Прииртышско-Алтайского района, где пришлось умирать Камар-ад-

¹ О территориально-государственных отношениях в Ак-Орде см. указан. работу К. И. Петрова «Киргизско-кыпчакские отношения и этногенез киргизов».

² Как указано выше, он был привезен как будто бы «из страны кыпчаков».

дину, его противнику Хызр Ходже-хану, преемнику последнего Шам Джахану и др. Следствием поражения Камар-ад-дина, Хызр Ходжи и др. монгольских правителей было отпадение многих подвластных им племен, дезорганизация государственно-экономической жизни самих монголов. Так как тимуровские предводители по завершении грабительских походов возвращались обратно в Мавераннахр, то центральная власть на Тянь-Шане с середины XIV в. фактически не существовала. В исторической литературе в качестве некоего государства на Тянь-Шане в этот период фигурирует «Моголистан». Это некритическое и притом неправильное повторение термина из «Тарих-и Рашиди», где он употреблялся как топоним — «страна монголов».

На территории Тянь-Шаня в XIV—XVI вв. возникали многие полунезависимые или фактически независимые владения-уделы. Возникновение их в отдельных областях обуславливалось хозяйственно-экономическим значением и родо-племенной организацией скотоводов-кочевников, населявших эти области.

Постоянные зимовки в земледельческих районах Кашгара, Аксу, Турфана превращали указанные города в политико-административные центры государственных образований, создавшихся на территории Тянь-Шаня. Аксу, Кашгар, Турфан, затем Яркенд поочередно являлись столицами. В Аксу была казна Ахмед-хана, собранная им в течение 25 лет¹. Юнус-хан стал признаваться ханом Моголистана лишь после овладения Аксу. Мансур поселился после смерти своего отца в Аксу, что означало вступление его на ханский престол. Особое значение Аксу как второго города в государстве сохранилось и тогда, когда столица была перенесена в Кашгар-Яркенд.²

Сознавая силу на своей стороне, Саид-хан в переговорах с Мансуром, своим старшим братом и номинальным ханом главного улуса тянь-шаньских монголов, соглашался признать его сюзереном, поставив ряд условий, одним из которых было сохранение за ним Аксу.

Хотя владельцы Мангалай Субэ (Кашгарии) обычно выражали формальный вассалитет ханствовавшей династии Туглук Тимура, фактически Кашгар сохранял автономию. В начале XVI в. политико-административный центр Монгольского улуса совсем переместился в Кашгарскую провинцию.

¹ Мирза Хайдар, рукопись, С-395, л. 84-6.

² В последние десятилетия XV в. в связи с завоеванием Ферганы Юнус-хан и Махмуд (его старший сын и преемник) переносили столицу в Ташкент. Под давлением узбеков Шейбани Махмуд в начале XVI в. был вынужден оставить Ташкент.

Значение района Турфана как временного государственно-административного центра тянь-шаньских монголов было второстепенным. В Турфане ханы поселялись лишь при невозможности жить в Аксу или Кашгаре.

Хайдар отмечал, что Саид, завоевав Кашгар, получил значительное преимущество в борьбе против Мансура, вынужденного жить в Турфане и Чалыше. Только необходимость вынудила Эсэн Буку и Увейса поселиться там, и они пользовались первой же возможностью для перемещения в другие районы: один — в Аксу, другой в район Иссык-Куля.

Значительную роль играла область Ат-Баши, являвшаяся первоначально административно-политическим центром владений Камар-ад-дина до перемещения его в Или-Иртышское междуречье.

При распадении улуса Угэдэя и Чагатайского улуса на Тянь-Шане, кроме полунезависимого владения Мангалай Субэ, обособилось также несколько государственных объединений кочевников-скотоводов, занимавших области Северо-Восточного Тянь-Шаня и Илийско-Иртышского междуречья. В частности, наиболее крупными во второй половине XIV—начале XV в. были улусы Камар-ад-дина, черика Инка тюря Бай Мурата, булгачи-ичкилик и др. Улус Камар-ад-дина состоял в основном из кочевых монгольских и некоторого числа местных тюркоязычных и киргизских племен, распространявшихся по Тянь-Шаню вместе с самими монголами. Улус черика Инка тюря Бай Мурата состоял, по-видимому, в основном из киргизских племен Илийско-Иртышского междуречья. Монголы занимали в нем второе место. Улус булгачи-ичкилик был в основном киргизским.

Особый интерес с точки зрения изучения государственных объединений на Тянь-Шане в конце XIV—XV вв. заслуживает история улуса черика Инка тюря, боровшегося против Тимура Ленга в союзе с Хызром.

Поражения, понесенные улусом Камар-ад-дина от Тимура, ослабили его непрочное объединение. Феодалы Мангалай Субэ использовали это и в конце 80-х гг. XIV в. объявили ханом скрываемого ими сына Туглук Тимура, Хызр Ходжу. Хотя улус Камар-ад-дина продолжал существовать самостоятельно и после этого, все же эмиры Мангалай Субэ и примыкавшие к ним правители племен Моголистана формально стали считать Хызра, как чингизида, «законным» ханом всех тянь-шаньских монголов. Хызр также рассматривал всех монголов Тянь-Шаня, в том числе и орду Камар-ад-дина, как своих подданных.

В этот период кратковременной стабилизации власти двух предводителей тянь-шаньских монголов возвысилось третье феодальное объединение под верховенством Инка Тюрю (Анга тюрю) Бай Мурат черика. В хозяйственно-политическом отношении оно было обычным для того времени феодальным объединением кочевников-скотоводов. Находилось это объединение в Приалакульской области между Или и Иртышом. Население его кочевало в Притарбагатайских долинах Кобука-Эмиля — оз. Ала-Куль и в сопредельных долинах северо-тянь-шаньских рек бассейна оз. Ала-Куль и Балхаш, до р. Каратал.¹ Власть и претензии Хызра, как хана всех тянь-шаньских монголов, в том числе и орды Камар-ад-дина, на него не распространялись. Оно сосуществовало наряду с ними.² Генеалогия Инка тюрю дает основание предполагать о вхождении в состав его улуса значительного числа киргизских племен, проживавших до 1370 г. в Прикобуко-Эмильском районе, в местах бывших кочевий кыпчакско-алтайских подданных великого хана. По генеалогии он в качестве главы племени чериков и подвластного им объединения возводился к общекиргизским родоначальникам правого крыла. Через некоего предка, Онг могола, имел родство с Тохтамышем.³ В настоящее время черики входят в состав правого крыла тянь-шаньских киргизов, как и баарины, тоже входившие прежде в улус Инка тюрю⁴. Судя по характеру отношений с соседними государственными объединениями, черики в конце XIV — середине XV в. стояли во главе значительного кыпчакско-киргизского феодально-племенного объединения.

¹ Шами, указан. публ., стр. 114—115. Иезди, т. I, стр. 494 (см. главу I настоящей работы).

² В некоторых случаях Инка тюрю как правитель считался даже выше, чем Хызр. См., например, совет эмиров Тимура выступить против Инка тюрю и Хызр Ходжи оглана (Иезди, там же, стр. 469 и др.).

³ Родословную черика Инка тюрю в сопоставлении с другими см. «Маджму-ат Таварих», рук. ЛО ИВ АН, № 667, л. 52-б—57, 86-а, 154. У Иезди в качестве дяди Инка тюрю фигурирует Ходжибек, юрт которого находился на Каратале (Иезди, указан. публ. I, 400 Рук. ЛО ИВ АН под «Л», л. 122-а). Некоторые склонны подразумевать под легендарным предком Токтамыша и Инка тюрю известного Он (Ван) хана керейтского. Против этого может быть приведен ряд возражений. По нашему мнению, Онг-хан — личность целиком легендарная. При изучении вопроса следует иметь в виду тотем онгонов у тюркских народов, который Рашид ад-дин связывал с титулом ианк. (См. Д. К. Зеленин, Культ онгонов в Сибири М., 1936. и др.). Кроме того, у монголов и киргизов употреблялся титул «онг» — от китайского ван (князь).

⁴ Шами, указан. публ. 114. Небезынтересно отметить, что начальниками одной из тысячи Инка тюрю, собиравшие дань с племени баарин, носили имена Улан Бука и Инка Джак. Хотя имя первого у монголов часто встречалось, все же следует помнить о существовании в составе правого крыла тянь-шаньских киргизов родо-племенной группы бугу, считающейся одной из «коренных» киргизских групп.

Столкновения улуса Инка тюря с Тимуром начались при первых вторжениях в Или-Иртышское междуречье войск Тимура, преследовавших Камар-ад-дина. В 1380 г. он входил в состав антитимуровской коалиции, включавшей Хызр Ходжу-хана, Камар-ад-дина и Тохтамыша. Около 1387/88 гг. Инка тюря сам вторгся с большим войском в Мавераннахр, нанес несколько поражений сыну Тимура, Омар-шейху. Тот запросил у отца помощи. Накануне возвращения Тимура из Фарса Инка тюря разграбил Андижанскую область и вернулся с добычей в свои владения¹.

Тимур, придя в Мавераннахр, первоначально хотел идти против Тохтамыша в Дешт-и Кыпчак. Но эмиры посоветовали ему разгромить сначала улус Инка тюря². Пройдя Северо-Восточным Притяньшаньем через оз. Ала-Куль — р. Эмиль до Тарбагатай, он направил на розыски ставки Инка тюря своего сына, Омар-шейха. Неудачное для Инка тюря сражение состоялось в долине Кобука. Тимуровские войска «разорили его вилайет... захватили неисчислимую добычу, пленных... и изгнали из страны Инкатуру»³. Разорению подвергалось не только местное притарбагатайское население, но также население Алтая. Войска Тимура, перейдя Иртыш, «разорили население области... (затем), собрав все население, передали его (в ведение) эмира Лала, который привел его в Самарканд»⁴.

После ухода из Притяньшанья тимуровских войска улус чериков снова вернулся в свои области. В дальнейшем, в середине XV в., он временно входил в состав ойратского (калмацкого) государственного объединения под верховенством Эсен-тайши.

Кроме улуса чериков, в Восточном Тянь-Шане в XIV—XVI вв. существовал другой самостоятельный улус — ханство бул(а)гачи, являвшихся ядром нынешних ичкиликов.

При перечислении в «Маджму ат-таварих» ичкиликских племен булгачи упоминаются бостон, толес, канды, жоокесек, теит и ханыр-шае.

Поскольку авторы этого сочинения (отец и сын) в данном случае не ставили целью детальное изложение генеалогий киргизских племен, сообщали о ней в связи с легендарными

¹ Шами, указан. публ., 105—107; Иезди, I, 440—468; Аноним Искандера, л. 282—284. (См. переводы в указанном сборнике материалов по истории киргизов).

² Поход датируется 1388/1389 гг., описание у Шами, там же, 114—115; Иезди, I, 469—476 и др.

³ Шами, 114.

⁴ Шами, 115, Иезди, 475—76. Так как указанное население состояло в основном из скотоводов-кочевников, то в дальнейшем большинство его было размещено на горных пастбищах Юго-Западного Тянь-Шаня.

действиями шейхов, то ограничивать объединение булгачи вышеуказанными пятью подразделениями нельзя. Пока следует исходить лишь из того, что булгачи, во-первых, включали в свой состав пять вышеуказанных подразделений, входящих ныне в группу ичкилик; во-вторых, согласно Махмуду ибн-Вели, «господствовали» над прочими племенами киргизов, т. е. в группе ичкилик, в составе которой они вышли и передвигались из области Баргуджин Токум.

Правдоподобность сообщения Сайф ад-дина Ахсикенди о принадлежности к улусу булгачи указанных подразделений и особое родство в прошлом между ними и другими подразделениями ичкилик подтверждаются рядом фактов. Например, причисляемое в XVI в. к булгачи подразделение толес действительно проживало в XII в. вместе с булгачи в обл. Баргуджин Токум; ныне входящее в состав кесек подразделение сиберги в XII в. тоже проживало вместе с булгачи в обл. Баргуджин Токум.¹

Что касается остальных подразделений ичкилик (кыпчак, нойгут, найман, ават, оргу), то история консолидации их с булгачи может быть представлена следующим образом². Некоторые кыпчаки могли консолидироваться с давних времен в Иртышско-Енисейском междуречье, другие могли присоединиться к булгачи позднее, во время их движения по Северному Тянь-Шаню и краю Дешт- и Кыпчак, при вхождении булгачи в состав объединения кочевых узбеков Абулхайра и Шейбани, с которыми они прибыли в Фергану. (О движении других кыпчаков через Кашгарию см. § 2 главы 1 наст. работы).

Нойгуты, имеющие тесные связи с Кашгарией, консолидировались с ичкиликами либо при Тимуре и тимуридах, либо уже в Фергане, во время передвижений в XVII—XVIII вв. с Или через Кашгарию. Основной состав группы найманов, как и кыпчаков, консолидировался с булагачи в период перемещения их по Алтайско-Хангайскому нагорью. Часть же подразделений, ныне входящих в группы найман, вроде туматокум (туматы обл. Баргуджин Токум), начала консолидироваться с булагачи, как и толес, видимо, еще в Приенисейско-Саянском районе.

Особняком от остальных стоят две группы: ават и оргу³. Можно полагать, что это утратившее свое общее название объединение кэрэмучи. Еще на своей родине, как указано у Ра-

¹ С. А. Козин. Сокровенное сказание, т. I. М., 1941, § 239. Мелкие подразделения группы теит: токум-теит, кара-, арык-, чал-, бай-, чапан-теит.

² По мнению некоторых авторов, группы найман и тейит считаются также принадлежащими к левому крылу.

³ Мелкие подразделения ават: сары, чеборе, байборе, манак, чаши чаба-че и др.; подразделения оргу: джой, чолой и др.

шид-ад-дина, булагачи и кэрэмучи «были близки друг другу». В период передвижения по Алтайско-Хангайскому нагорью они перемещались вместе, о чем говорит отщепление от общей массы небольшой группы «булагачи-кэрэмучи», позднее вошедшей в состав калмаков.¹ Особая близость их сохранилась до XVII в., о чем свидетельствует Махмуд ибн- Вели, писавший: «булагачи и кэрэмучи поддерживают между собою отношения анда-худа (побратимства-свойства...) над прочими туманами... (киргизского, т. е. ичкиликского) или преобладают»². Поскольку подразделения кыпчак, нойгут, найман явно не могут быть отнесены к тем, которые были близки к булгачи XII в. и поддерживали с ними отношения анда-худа, то остаются лишь ават, оргу. Занимая второстепенное положение по сравнению с булгачи, они ранее первых утратили свой этноним и слились с ними³.

Образование и передвижение группы ичкилик как обособленного феодального объединения на ныне занимаемую ею территорию, подчинение ее другим можно представить в следующем виде.

До конца XII в. в Енисейско-Иртышском междуречье вместе с «киргизами» (между ними, кыпчаками, ойратами и найманами) проживало значительное число этнически близкородственных тюркоязычных племен, которые в общем не составляли народность. Среди них были группы булгачи (включавшие бостон, канды, кесек и жоокесек...) и кэрэмучи (вероятно, включавшие ават, оргу...), толес, сиберги, баргу и др. Булагачины и кэрэмучины передвинулись из Баргуджин Токум на найманские земли в общей массе с баргутами, одновременно с другими кыпчакско-киргизскими и ойратскими племенами. Во второй половине XIII—первой четверти XIV в. они находились, на территории, бывшей театром войн правителей улуса Угэдэя, Чагатайского улуса и великих ханов-императоров Юань, граница владений которых в последнее время проходила в Иртышско-Илийском междуречье от Кобука (Тарбагатай) до Кара-Ходжа. В период распада улуса Угэдэя, Чагатайского улуса и империи Юань в середине XIV в. объединение бул(а)гачинов кочевало в Или-Иртышском междуречье

¹ Г. Н. Потанин. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1883. вып. IV, стр. 12.

² См. гл. I. Так как отношения «худа» «худэ» означают родство по женьте, взаимное взятие жен, то не исключено, что булагачи и кэрэмучи некогда представляли два экзогамных рода, входивших в одно эндогамное племя.

³ О выходе из Баргуджин Токум некоторых подразделений их может говорить этноним токум-тейит (токумские тейиты), из группы тейит и др.

между Алтайн-Нуру и Восточным Тянь-Шанем на территории современной Джунгарии (в четырехугольнике между долиной Урунгу-Кобука — оз. Эбинор—Урумчи).

Улус булгачи представлял собою в то время обособленное феодально-племенное объединение кочевников-скотоводов. Его кочевья соседствовали на Монгольском Алтае с владениями киргизских ханов Угэчи Хашага и его сына Эсэху-хана; в Притарбагатайском (Кобуко-Эмильском) районе — с юртом-улусом Инка тюря; на Тянь-Шане — с улусами тянь-шаньских монголов Камар-ад-дина и Хызр Ходжи-хана. Около 1389—1390 гг. улус бул(а)гачи тоже подвергался нападениям войск Тимура.

Как отмечалось, после разгрома улуса Инка тюря и разорения Притарбагатайско-Иртышского района Тимур развернул аналогичные операции в южном направлении против улуса тянь-шаньских монголов Хызр Ходжи и мелких ханств, занимавших степи между Восточным Тянь-Шанем и Алтайн-Нуру, т. е. современную Джунгарию. Исходным плацдармом служила долина Эмиля, где стояли главные силы Тимура. Отсюда по обеим сторонам Джунгарии, т. е. по предгорьям Алтайн-Нуру и Восточного Тянь-Шаня, было направлено несколько десятков отрядов. Их целью являлись поиски улуса самого Хызра, скрывавшегося в приалтайских степях Южной Джунгарии, планомерное ограбление и увод пленного кочевого населения. Каждый из отрядов имел свой маршрут, область для операций. Сборным местом всех отрядов назначалась долина Юлдуза, обеспечивавшая свободное возвращение через Кашгарию. В частности, отряд Омар-шейха вел операции за Кара-Ходжа и Турфаном, отряд Осман Аббаса следовал по пути Саксаган, Сукур-Лагу, Кок Яр, отряд Худайдада шел через Уруджку к Бикуту. Войска под начальством Ягдара (Йалгара) и Сулеймана, отдельно пришедшие из Туркестана, перейдя Или, по дороге через оз. Сют-Куль (Сайрам) — Чичалыг — Болай-Казаз шли на юг по Джунгарии.¹

Отряд Худайдада численностью в 20 тыс., двигавшийся через Уруджку, столкнулся в районе Бикут с улусом булагачи. Предводители Тимура «сражались там (целый) день и ночь. Они обратили врагов в бегство и разгромили их, затем после разорения области возвратились обратно. (По прибытии их в ставку) Тимур... выступил с отборными силами... Достигнув местности Сычкан-Дабан, он нашел там иль и вилайет булагачи; приказал, чтобы убили всех (булагачи), кого возмож-

¹ Описание движений и действий армии см. Шами, указ. публ., стр. 114—117, Риззи, стр. 478—87.

но, остальных разорили... Войска захватили огромные богатства, Тимур, приведя войска в порядок, направился далее»¹.

Из приведенных сообщений видно, что улус булагачи представлял собою весьма значительное объединение. Хотя летописцы Тимура пишут, будто его «победоносные» военачальники при первом нападении разгромили улус булагачи, но это — явное преувеличение. Оно опровергается последующим выступлением против булагачи главного корпуса самого Тимура, чего не должно бы быть, если бы улус был действительно разгромлен. По-видимому при первом столкновении поражение понесли не булагачи а отряд Худайдада, который был вынужден обратиться за помощью к Тимуру.

Хотя потери булагачи убитыми и пленными при нападении главных войск Тимура, вероятно, были весьма большие, все же их улус в общем избежал уничтожения, скрывшись на Алтае. На это указывают последующие поиски улуса булагачи отрядом Ядгара в юго-восточных (Приалтайских) степях Джунгарии².

Район поисков булагачи отрядом Ядгара определяется в связи с неожиданной встречей его с монгольским улусом Хызра. Не вступая в решительное сражение из-за недостатка сил, Ядгар направился в главную ставку на Юлдуз, куда, получив извещение, спешил сам Тимур. Так как Тимур, торопясь на Юлдуз, переходил Кунгез (Иезди, 481), то, следовательно, он шел с севера, в то время как разыскивавший булагачинов Ядгар должен был прибыть на Юлдуз с востока. Иначе движение обоих было бы бессмысленным. Дальнейшее уточнение производится по направлению стремительной операции Тимура против Хызра и месту разгрома последнего, а также по пути возвращения Тимура на Юлдуз.

Поражение Хызру было нанесено северо-восточнее Кара-Ходжа—Турфана, где действовал корпус Омар-шейха. Это явствует из описания уничтожения большей части войск Хызра, которая бежала как раз «в ту сторону, откуда пришли победоносные войска, и встретила с Омар-шейхом». (Иезди, 482). Путь возвращения Тимура лежал через Чалыш (Шаи, 116), т. е. с востока. Омар-шейх возвращался тоже с этой стороны. (Шаи, 117).

¹ Шаи, указан. публ., стр. 116. Иезди, указан. публ., 1, стр. 478—479.

² Общее направление движения отряда Ядгара, шедшего со стороны р. Или на восток, через оз. Сют-Куль (Сайрам), Чичалык—Балай-Каз. а также определение местонахождения отдельных пунктов, см. указан. публ. Шаи, 116—117. Иезди, т. 1, стр. 479—482. Сообщения о поражении булагачи и других племен, понесенном от войск Тимура, а в «Маджму ат-таварих» см.: рук. ДО ИВ АН, № 667, л. 101-6).

Разгром улуса Хызра был последней операцией Тимура в этот поход. После нее войска Тимура с огромной добычей вернулись в Мавераннахр, уведя с собою в Западный Тянь-Шань огромные толпы восточно-тянь-шаньских монголов и кыпчакско-киргизских племен Или-Иртышского междуречья, в числе которых находилось и некоторое количество булагачи-ичкиликов.¹

Но основная масса ичкиликов-булагачи продолжала некоторое время кочевать в Восточном Тянь-Шане. Здесь их состав пополнялся некоторыми группами кыпчакско-алтайского и местного восточно-тянь-шаньского населения (найманы, уйгуры, кыпчаки и др.). С другой стороны, от основной массы булагачи-кэрэмучи здесь откололись мелкие группы, часть которых была поглощена впоследствии калмаками и монголами.

Примерно на рубеже XIV—XV вв. большое объединение булагачи-кэрэмучи с присоединившимися к нему осколками племен, как отмечалось, переместилось далее через Северный Тянь-Шань на край Дешт-и Кыпчака, войдя в состав государственного объединения кочевых узбеков Абулхайра, в котором, по-видимому, пребывало и во время движения узбеков во главе с Шейбани в начале XVI в. в Фергану, на что может указывать активная поддержка Шейбани ичкиликами-булагачи во время утверждения его власти среди самих кочевых узбеков.

Отделившиеся от этой группы подразделения булагачи-ичкилик входили в состав других объединений, существовавших в Притяньшанье до XVII — XVIII вв.²

Таким образом, улус булагачи в конце XIV — первой половине XV в. кочевал между Алтайским ханством киргиза Угэчи Хашага и улусом тянь-шаньских монголов. Уступая последним в численности и силе, улус булагачи, в зависимости от обстановки, признавал в качестве сюзеренов, вероятно, то Угэчи Хашагу, то Хызр-хана, а иногда мог не считаться ни с восточными, ни с западными правителями. После

¹ Указания см. в «Маджму ат-таварих», указан. рукопись, л. 101-6. Из числа северо-тянь-шаньских монгольских улусов-ханств на этот раз разгрома избежал лишь улус Камар-ад-дина. Но отряд, посланный Тимуром на следующий год, довершил разгром и его объединения. Спасаясь от преследования, Камар ад-дин увел свой улус за Иртыш, в сторону Толеса, где он распался, а сам Камар-ад-дин пропал без вести. Преследовавшие его за Иртышом тимуровские эмиры в знак распространения власти на Алтай производили клеймение и тамгование лесов (Иезди, т. 1, стр. 493—496).

² Часть их сохранилась в Синьцзяне до самого последнего времени. Упоминания в предшествующие века см. «Аноним Кашгарии», л. 62-6.

того как Тимур и тимуриды, разгромив крупные и мелкие ханства тянь-шаньских монголов, передали Восточный Тянь-Шань своим наместникам, улус булагачи должен был признавать их власть.

При изучении государственности у киргизов в XV в. особого внимания заслуживает ханство Угэчи—Эсэху-хана и их преемника Амасанджи в Восточном Тянь-Шане.

Как видно из предшествующего, Угэчи Хашага на рубеже XIV—XV вв. являлся сеньором ойратов и держал в подчинении даже часть монголов.

После Угэчи в 1415 г. его место занял Эсэху-хан. Он ставил мачеху Ульдзейту Гоа, ее сына (чингизида) Ачай-тайшу, так же, как и Ароктай-тайшу, писал Саган Сэцэн, быть «слугами в своем доме»¹.

Принимая во внимание манеру автора говорить о вассалитете в презрительной форме, это надо понимать так, что Ульдзейту Гоа (бывшая жена Харагацуга — Элбэк-хана — Угэчи Хашага), как мачеха Эсэху-хана, вместе со своим сыном Ачай-тайшой по-прежнему находилась в доме Угэчи Хашага, но подчинялась теперь его сыну, Эсэху-хану. Что касается Цамур Гунджи, то эта жена Батулы, как и его бывший вассал Ароктай, тоже перешли к Эсэху-хану: первая — как жена, второй — как вассал. Все они находились на положении почетных полупленников при дворе киргизского Эсэху-хана до 1425 г.

Таким образом, по монгольским источникам видно, что в конце XIV—первой четверти XV в. на Алтае и в Северо-Западной Монголии первенствующее положение занимало киргизское ханство, в вассальной зависимости, от которого находились остальные ойратские князья, княжество Хами и часть восточно-тянь-шаньских монголов. То же видно и из китайской летописи династии Мин. Угэчи фигурирует в ней под именем Гуйличи.

За период анархии и неурядиц 1390—1400 гг., говорится в «Мин-ши», на монгольском престоле перебивало 5 ханов, умиравших насильственной смертью. После описания событий у монголов в годы правления китайского императора Цзянь-вэнь (1399—1403), перед восшествием на престол Чэн-цзу (Юн-ло) (1403—1425), в «Мин-ши» говорится о верховенстве в Северо-Западной Монголии некоего Гуйличи, который узурпировал власть и объявил себя ханом. Он отменил прежнее название государства и стал называть его Дадань. Когда Чэн-цзу вступил на престол, он отправил к Гуй-

¹ Саган Сэцэн, стр. 144.

личь посла с императорским указом и щедрыми подарками. Подарки получали также Чжэн-сян, по имени Алутай, Чжи-юань, по имени Маэрхаца и др.¹ Далее говорится о вражде Гуйличи с ойратами (вала). После описания событий, имевших место в 1405 г., сообщается, что через некоторое время Алутай разбил Гуйличи, объявив ханом законного престолонаследника Беньяшили (Ульдзей Тимура). Событие это произошло в районе Бейшибали (Бешбалыка). Весной 1408 г. китайский император направил Беньяшили поздравительную грамоту, в которой говорилось: «От потомка Юньского императора... Айюшилидала до Гун-Тэмура прошло шесть поколений. (Мы) не слышали, чтобы хоть один из них умер естественной смертью... Ныне линия (наследников) дома Юань не прерывается».²

Из раздела, посвященного княжеству Хами, видно, что владения упоминаемого китайцами Гуйличи-хана лежали на север от Хами в областях, принадлежавших Угэчи, и что у Гуйличи происходили трения с китайским двором и ханами восточно-тянь-шаньского улуса.

В еще больших размерах вели борьбу в Восточном Тянь-Шане его сын Эсэху, оттеснивший Увейса до р. Или, а также сын Эсэху, Амасанджи, вытеснивший сына Увейса, Юнуса, из Или-Таласского междуречья в Мавераннахр и Кашгария.

Хотя после смерти Эсэху его ханство с установлением халха-монгольской гегемонии было подчинено халха-монголам, их власть над ойратами продолжалась недолго. В начале 30-х гг. XV в. бежавший из монгольского плена сын Батулы, Тогон, объединил под своим верховенством всех ойратов.³ В 1430—1434 гг. он разгромил халха-монгольского предводителя Алутая, затем убил Адай-хана⁴. «Когда Тогон убил Алутая, он подчинил себе его племя..., хотел провозгласить себя ханом, но подданные не позволили ему это, и ханом был провозглашен Тотобуха» (старший сын Ачая, Дайсун).⁵ Сам Тогон стал чжэн-сяном. «Он притворился, что уважает Тото-

¹ Мин-ши, изд. 1878 отд. Дадань, цз. 327, 5. Подробный пересказ этого и вообще истории монголов по китайским источникам см. указан. соч. Покотилова, а также De Mailla, *Histoire generale de la Chine au Annals de cet Empire*, trad. du Tong—Kein Kang Mou, Paris, 1779, т. X, стр. 153. Чжэн-сян и Чжи-юань — чиновничьи звания, заимствованные юаньскими императорами у китайцев. Об Алутас см. далее. отождествить верховного везира Маэрхаца не представляется возможным. Более подробно об этом см. указан. работу К. И. Петрова «Некоторые проблемы истории кыргызов и их взаимоотношений с ойратами в XIII—XV вв».

² Мин-ши, отд. Дадань, цз. 327, л. 4.

³ Саган Сэцэн, стр. 148.

⁴ Мин-ши, отд. Дадань, изд. 327, л. 6.

⁵ Мин-ши, отд. Дадань, л. 6.

буха (Дайсуна), на самом же деле не исполнял его приказов.¹ В 1439 г. Тогон умер. Ему наследовал сын Эсэн.

Таким образом, с приходом к власти Тогон сделал было попытку объявить себя ханом по примеру киргиза Эсэху, но «народ не позволил это».² По-видимому, значительную роль сыграло сопротивление наследников дома киргизского хана и их приверженцев, на что указывает, во-первых, факт объявления одного сына Ачая ханом и затем другого (при Эсэнтайше) — вице-ханом (джинонгом), (оба они родились, росли и жили при ставках киргизов Угэчи и Эсэху), и, во-вторых, последующая их борьба с Эсэном³.

Мальчишки Дайсунг и Акбарчи сами по себе никакого влияния не имели и были обязаны своим назначением всецело силам, стоявшим за их спиной. По своему происхождению они были связаны ближе всего с наследниками киргизских ханов. Конечно, Дайсунг по мере роста могущества Эсэна мог оставаться на престоле лишь до тех пор, пока следовал в фарватере его политики, а не киргизов. Но, вероятно, и киргизы не хотели подчиняться Эсэну и поэтому добились учреждения нового института вице-хана, каковым сделали другого сына Ачая, Акбарчи⁴.

Дробление государственной власти, находившейся в нескольких руках, говорит об известном компромиссе между наследниками чоросского дома ойрат-монголов и киргизских ханов, убедившихся на многих примерах, как их междоусобия использовались монголами для разгрома ойратов и установления своей гегемонии. Однако Эсэн терпел компромисс лишь до тех пор, пока не почувствовал силу.

К концу 40-х гг. слава Эсэна достигла зенита. В 1449—50 гг. объединенные силы ойратов и халха-монголов под его руководством совершили победный поход в Китай. Эсэн за-

¹ Там же.

² Мин-ши, отд. Ва-ла, цз. 328, л. 2. Сообщение подтверждается монгольской летописью (Шара туджи, стр. 77, Саган Сэцэн, стр. 150).

³ У Ачая было три сына: Дайсун, 1422 г. рождения, Акбарчи, Накбарчи), 1423 г. рождения, и Мандугул, 1426 г. рождения. Так как Ачай до 1425 г. был в полной зависимости от Эсэху-хана, то последний не мог упустить случая кровно породниться с «золотым родом» чингизханидов; он женил Ачая на одной из родственниц. Поэтому есть основания предполагать наличие киргизских в числе главных его жен и соответственно киргизское происхождение (по матери) некоторых из сыновей. Таким был, скорее всего, Акбарчи, имевший сына по имени Харгацуг (в честь своего деда, убитого в 1399 г. дедом Тогона, Хухаем). В пользу этого говорит ряд фактов.

⁴ Джинонг, или вице-хан, как соправитель, был вроде Цезаря при Августе, начальствовал над левым крылом, имел свою сеньорию-удел и ряд других прерогатив (см.: Владимирцов. Общественный строй..., стр. 142).

хватил в плен самого императора и чуть было не овладел заветным Пекином. Дайсун-хан участвовал в войне против воли и тайно общался с китайцами. Хотя Эсэн-тайша в 1451—52 гг. уничтожил ханствовавших братьев и сокрушил силы, стоявшие за их спиной, в том числе и киргизское ханство, но в общем государство ойратов, достигшее при нем апогея, оставалось по-прежнему непрочным конгломератом племен и народов. Взбунтовавшиеся вассалы убили самого Эсэна. Среди ойратов и монголов наступил период очередных смут и смены ханов-марионеток, длившийся около 15 лет. Привлекают внимание события, связанные с ханом, следовавшим за Мергусом (см. гл. I наст. работы).

«Когда Маэркээрр умер, — говорится в «Мин-ши», — то войска и народ — все сообща поставили на его место Магу-кээрцисы. Он также звался сыном малого вана (сяо-ван-цзы). С этого времени он стал вождем племени даданей. Еще больше возросло у каждого племени самоуправство»¹.

В «Шара туджи» и у Саган Сэцэна за Мэргусом (Маэркээрром) следует Молон-хан, в «Алтан-тобчи» — Махагурки-хан, умерший якобы в 1453 г. Покотилов, Грумм-Гржимайло и некоторые другие отождествляют Махагурки с Ма-гу-кэ-эр-ци-сы.¹ Ховорс отождествляет его с Молон-ханом.

После сообщения о вторжении Болая, сяо-ван-цзы (имени не указывается) и Маолихая в Китай в «Мин-ши» говорится: «Спустя некоторое время между монгольскими племенами начинается междоусобная борьба. Болай убил Магу-кээрцисы, Маолихай убил Болая и возвел на престол другого хана Алочу смертельно враждовал с Маолихаем. Вслед за тем Маолихай убил поставленного им хана, и изгнав Алочу, направил посла с данью (к китайскому двору)»². Хотя в «Мин-ши» имя этого хана не называется, но из монгольских источников известно, что Маолихай возвел на престол, а затем убил сына Дайсуна, Молон-хана.⁴

Выяснение обстоятельств ханствования и личности Магу-кээрцисы, его отношений с Болаем в период смут 60-х гг.

¹ Мин-ши, Сыбуйбэйяо—Шанхай, 1935, т. 036, цз. 327, стр. 2313.

² Грумм-Гржимайло, указан. соч., т. II, стр. 588. Покотилов, указан. соч., стр. 84—85.

³ «Мин-ши», там же, цз. 327, стр. 2313.

⁴ Время ханствования Молона у Саган Сэцэна ошибочно отнесено к 1453—54 гг. Ошибка объясняется перестановкой событий на один десятилетний цикл монгольского летоисчисления. Его восшествие отнесено не к году «воды-барана» (1463), а к году «воды-курицы» (1453 г.). В результате в монгольских источниках, с одной стороны, оказалось десятилетнее бесханствие, с другой стороны — ханствования Мэргуса и Молона пришлось на 1452—54 гг., т. е. на годы жизни Эсэн-тайши, чего не могло быть.

представляет большой интерес в связи с изучением отношений наследников киргиза Эсэху с улусом наследников черика Инка тюря и ойрат-монголами. В «Мин-ши» после описания событий 1459 г. у ойратов говорится: «После смерти Эсэна ойраты приходят в упадок и раздробляются. Наследники престола сменяются один за другим и невозможно проследить их последовательность... Еще (было) племя чериков, и они постоянно враждовали с Болаем. Еще было племя Байче-ха...»¹. Из приведенного сообщения видно, во-первых, что крупное объединение чериков во времена Эсэна входило в состав объединения ойратов, после его смерти оно снова обособилось, причем находилось оно, судя по дальнейшему перечислению племен, в Восточном Притяньшанье — на Монгольском Алтае. Во-вторых, оно враждовало с Болаем, боровшимся с ханом Магу-кээрцзисы, имя которого может указывать на принадлежность к киргизам².

Вообще говоря, объединения чериков с наследниками киргизского Эсэху-хана и совместная их борьба против Болая, убившего Мэнгу-киргиза—вещи вполне возможные. Но это, как и чрезвычайно важная проблема взаимоотношений улуса чериков, Мэнгу-киргиза, Мандугула и Амасаджи, требует кропотливого исследования.

Хотя сведения об этническом составе и устройстве улуса Амасанджи-тайши, существовавшего во второй половине XV в. в Восточном Тянь-Шане, в источниках очень скудны, все же на основании их можно видеть, что он представлял собою типичное феодальное объединение, в состав которого входили разные полунезависимые родо-племенные группы, в частности, ойрат-монголы, некоторые племена восточно-тянь-шаньских монголов (баарины, джирасы и др.), а также киргизские племена.

Согласно сообщению Мирзы Хайдара, брата Амасанджи-

¹ Мин-ши, изд. 1878. Ва-ла, цз. 328, л. 7—8.

² По всей вероятности, будучи избранным «народом и войском» (т. е. более или менее широким кругом феодальной верхушки), это лицо не принадлежало к прямым потомкам Дайсуна, чем и объясняется отсутствие его имени в некоторых монгольских летописях. Обращает внимание само имя Магу-кээрцзисы. Например, в «Мэн-гу-ю-му-цзи» оно поясняется как «Мэнгулэглэ, известный у минцев под именем Магу-киргиз». (Мэн-гу-ю-му-цзи, СПб., 1895, стр. 328). Появление в качестве хана кого-либо из отпрысков Эсэху, Акбарчи и вообще лиц, близко связанных с киргизами, после их поражения 1451—52 гг. не может быть исключено. Напротив, как раз около этого времени намечалось некоторое возрождение влияния ойратов; в частности, при возведении следующего хана—Молена—видную роль играл кемчуут (енисеец) Дагатай, а восшествие Мандугула означало уже явное преобладание ойратов.

тайши, Ильяс-онг и Ибрагим-онг, имели самостоятельные уделы: у Ибрагима и Ильяса было по 18 тыс. человек (всего около 40 тыс.); Амасанджи, как старший сын Эсэху-хана и его наследник, имел в подчинении, кроме личного удела, улус в 300 тыс. человек¹.

В ходе междоусобной борьбы Ибрагима и Ильяса против Амасанджи уделы первых отделились от основного улуса и стали существовать как самостоятельные ханства. Сведения об этом содержатся в «Мин-ши» и «Тарих-и Рашиди».

Как было установлено в свое время Бичуриным и Шогтом, широко распространенное у калмаков название киргизов бурутами (буру—бору) в китайских источниках передавалось «булю», или «булу»².

В разделе «Мин-ши», посвященном ойратам (вала), при описании их распада после смерти Эсэн-тайши, как цитировано выше, говорится: «После смерти Эсэна ойраты приходят в упадок и раздробляются.... Еще (было племя) чериков... Еще было племя байчеха...». Немного далее: «... Турфан захватил Хами»³.

Дуюши Сюй Цзин (китайский чиновник — К. П.) подкупил золотом и шелковыми тканями два племени и приказал им напасть (на турфанцев) и обратить их в бегство. Глава этих племен Булю (Болю) расположил свои войска в Басыко.

На 13-ый год правления Чжэн-дэ (1506 г.) Турфан вторгся в Ганьчжоу, тогда Чэнь Цзю-Чоу направил к Булю посла с разноцветными шелками. Булю неожиданно напал на 3 турфанских города, разграбил их и взял в плен 10 тыс. человек. (Он) рассчитывал, что (теперь) Турфан (т. е. правитель тянь-шаньских монголов Мансур-хан. — К. П.) устрашен и будет поддерживать с ним мирные отношения. Но между ними снова возникла взаимная вражда. Турфан становился все более сильным, и вала (ойраты) несколько раз терпели от него поражения. Многие из этого племени бежали в Китай. (Княжество) Хами тоже еще раз разграбило вала. Булю не мог устоять и просил императора принять его в подданство»⁴.

Эти свидетельства об отпадении двух киргизских племен (булю) в процессе развала ойратского объединения, о борьбе их в 1505—1506 гг. против правителя Турфана, Ман-

¹ Мирза Хайдар, указан. рукопись, л. 63-а.

² И. Бичурин. Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии, СПб., 1829, стр. 28.

³ Под Турфаном в данном случае разумелся улус восточно-тянь-шаньских монголов во главе с Мансуром, сидевшим в то время в Турфане и воевавшим против младших братьев, «падишаха киргизов» Султан Халиля и Султан Саида.

⁴ Мин-ши, Ва-ла, цз. 328, л. 8.

сур-хана, и, наконец, о переходе в подданство Китая приобретают особую ценность при сопоставлении их с сообщениями Мирзы Хайдара о последствиях вражды сыновей киргиза Эсэху-хана, Ибрагим-онга и Ильяс-онга, с Амасанджитайшой, о переходе их около 1405 г. в подданство Китая, и, наконец, о борьбе их против Мансура во время его вторжения в Китай.

Ибрагим и Ильяс, враждовавшие с Амасанджитайшой, не последовали в 1470—73 гг. с его улусом, но отделились и остались в Притяньшанье. Между ними и «ханом калмаков» вспыхнула вражда. «Они бежали от хана калмаков в Китай. С ними было 40 тыс. человек... Приезд их в Китай имел место около 910 г. х. (июнь 1504—май 1505). Оба они умерли в Китае. От Ибрагима остался сын по имени Бабулай. Потомки его донны живут там. Их племя также называется Бабулай. Мансур-хан пошел священной войной на Китай. Во время этой войны он сразился с потомками Бабулая».¹

По нашему мнению, «Мин-ши» и «Тарих-и Рашиди» имеют в виду одни и те же события и племена, и название жившего в Китае «племени Бабулай» можно считать за искажение Мирзой Хайдаром китайского «Булю». Отождествление племен и событий, помимо прочего, подтверждается общим ходом борьбы Мансура в эти годы против киргизов в районе Турфана².

Из приведенных материалов видно, что на Тянь-Шане и в Притяньшанье со второй половины XIV в. по конец XVI в. не существовало какого-либо одного или нескольких территориально-государственных объединений, каждое из которых имело бы строгие территориальные границы и столь же постоянный этнический состав, в частности, состояло бы только из монголов или киргизских племен. Отдельные родо-племенные группировки или улусы-ханства образовывали смешанные государственные объединения, причем входившие в их состав тюркоязычные и монголоязычные подразделения скотоводов-кочевников временами могли, не меняя своего место-

¹ Мирза Хайдар, л. 85-б.

² В свою очередь, отождествление может служить серьезным свидетельством в пользу происхождения Ибрагима и Ильяса (соответственно и Амасанджи) именно от киргиза Эсэху. Поскольку китайцы называли тяньшаньских киргизов этнонимом булю, то два фигурирующих в «Мин-ши» киргизских племен являлись уделами двух братьев-киргизов, т. е. Ибрагима и Ильяса, киргизское происхождение которых (от Эсэху-хана) подтверждается другими фактами, в частности, распространением титула онга, который имели Ибрагим и Ильяс. Подробнее см. указан. работу К. И. Петрова «К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношений с ойратами в XIII—XV вв.»

пребывания или меняя его, переходить в подобные смешанные государственно-этнические монголо-тюркские и тюрко-монгольские объединения ойратов (позже калмаков), казахов, узбеков и других соседей, находившихся в стадии формирования их как народностей. У самих киргизских племен, так же, как у тянь-шаньских монголов, сосуществовало несколько более или менее значительных объединений.

Государственное устройство одного из наиболее известных по источникам государственного объединения, в состав которого входили киргизские племена, может быть представлено схематически¹.

Что касается административно-государственного устройства киргизских родо-племенных групп и объединений, то для него характерно было переплетение ряда институтов и норм эпохи родо-племенного строя и поздней феодальной раздробленности. Причиной являлось то, что, во-первых, возникновение публичной власти, отделенной от массы народа, происходило у киргизов, как и у некоторых других народов, в процессе становления феодальных отношений на развалинах родового строя, а не вслед за рабовладельческой формацией. Во-вторых, родо-племенная организация, с одной стороны, сохранявшаяся в силу общинного характера самого землевладения и землепользования при ведении кочевого скотоводческого хозяйства, и, с другой стороны, перерождавшаяся в результате развития частной собственности (на стада, утварь и проч.) и разделения труда, как бы вращалась здесь в феодальное общество. И по мере того, как феодализм все более приспособливал органы родового строя к новым отношениям, их содержание все более изменялось, так что в конечном счете остались лишь название, оболочка, да некоторые функции, позволявшие предводителям нового «рода», т. е. феодалам, использовать свои права и обязанности членов бывшего рода в интересах превращения родовой организации в орудие эксплуатации, т. е. в государство, вещественными придатками которого являлись дружины и проч. В результате этого ряд институтов и норм родовой организации, приспособленных феодальным обществом, в силу косности и рутинности, свойственных этому обществу вообще, а при ведении кочевого скотоводческого хозяйства тем более, дожил у киргизов до самой революции.

Так как возникновение государственности у киргизов имело место задолго до XV в. и не является предметом настоящего исследования, то мы ограничиваемся лишь указанными

¹ См. в приложении.

замечаниями, объясняющими экономические основы существования у киргизов в XV—XVI вв. специфической формы государственного устройства и феодальной раздробленности.

Другой особенностью киргизской государственности было то, что она складывалась в процессе слияния с киргизами господствовавших на Тянь-Шане монголов, точнее говоря, при ассимиляции первыми вторых, вступивших в XV—XVI вв. в период резкой феодальной раздробленности.

Все эти моменты нашли заметное отражение в источнике начала XVI в. «Маджму ат-таварих», где киргизские родо-племенные группы, включавшие в свой состав монгольские, фигурируют в качестве обособленных единиц во главе со своими независимыми родоначальниками-предводителями.

Хотя у нас пока нет более обстоятельных сведений о киргизском родо-племенном устройстве в XVI в., можно полагать, что оно в период калмацкого господства, т. е. в течение последующего столетия, не претерпело принципиальных изменений и было в конце XVI — в начале XVII в. в общем примерно в том же виде, в каком дожило до установления маньчжурского господства, о времени которого имеются кое-какие данные.

При общем описании так называемых «восточных буртов», возвращавшихся в Прииссыккулье и Чу-Таласское междуречье по мере ослабления и дезорганизации калмацкой власти, в «Цинчао веньсянь тункао» сообщается:

«Имеется пять племен... Отоком саяк правит Тулицибай, а отоком сары-багыш управляет Чэликэци. Каждый год избирают (одного) главным. Когда избрали Мамукэ-хули (Махмуд Кули), то (он) стал управлять ими. Что касается отока хосочу, то им правит Майтакэ, а отоком цитай правит Калабото. Оба отока проживают отдельно на землях Таласа и от отоков саяк и сары-багыш отстоят на расстоянии шести дней пути. Отоком салоу (сару) правит Акэбай».¹ В «Циньдин хуан'юй сиюй тучжи», кроме того, даются указания о численности каждой из упомянутых групп и замечания о главных биях-старшинах: в группе саяк «старшин несколько, а Тулицибай является главным, свыше 1000 семей»; в группе сары-багыш «старшин не один, а Чэликэци является главным, свыше 1000 семей»; в группе хосочу (кушчи?) «старшин не один, а Майтакэ является главным. Это племя насчитывает свыше 4000 семей».

«Все эти старшины, — говорится далее о них, — независимы (друг от друга), управляют своими подданными. Каждый год (они) избирают (одного) главным. В случае каких-

¹ Цинчао веньсянь тункао, изд. 299, стр. 7475.

либо происшествий (он) всех оповещает, чтобы все знали об этом. Когда же главой старшин выбрали Мамук-кули, то (он) стал управлять всеми племенами»¹.

Таким образом, основными ячейками, или элементами, государственного устройства киргизов являлись относительно немногочисленные родо-племенные группы или единицы, каждая из которых формально и фактически представлена самостоятельно существовавший государственный организм, напоминавший в некотором отношении карликовое греческое государство-полис².

Вся общественно-политическая жизнь членов этого коллектива-государства регламентировалась исключительно его собственными нормами. В сношениях с другими подобными коллективами оно выступало как вполне суверенное государство, хотя главные бии его как главы государств могли в некоторых случаях вступать в союзы и конфедерации, выбирая или так или иначе признавая кого-либо «старшим». Но права «старшего» ограничивались лишь согласованием ведения каких-либо действий, не затрагивая вопросов суверенитета и внутренней жизни родо-племенных групп — государств³.

Иллюстрацией этого может служить порядок признания отдельными родо-племенными группами как государствами верховенства маньчжурского императора. Это очень показательно.

Согласно описанию хорошо осведомленными китайскими чиновниками, признание императора отдельными киргизскими родо-племенными группами (т. е. приравненными нами выше к специфическим государствам) происходило следующим образом.

После окончательного подавления калмаков командующий маньчжуро-китайскими силами Чжао Хой в 1758—59 гг. прибыл в Прииссыккулье, куда к тому времени переместились с

¹ Циньдин хуан юй спюй тучжи, изд. 1893, цз. 45, стр. 5.

² Принимая, конечно, во внимание то, что греческий полис-государство, возникнув на родо-племенной основе, с течением времени вследствие оседло-земледельческого хозяйства трансформировался в территориально-государственную организацию, в то время как киргизские родо-племенные группы, будучи специфическими феодальными государствами скотоводов-кочевников, все время оставались кочевыми.

³ Чаше всего это было связано с отражением общих врагов или с организацией предприятий-набегов. Например, киргизы, прослышав о смерти Мухаммед-хана, «собрались (в количестве) 5000 человек, сделав начальниками Тиялка-бия и бая Буте-Кара, обратились во владения Аксу и занялись разбоем и грабежом». Затем между отдельными группами произошел раскол: Тиялка с 2000 «укрылся в одном месте, а бай Буте-Кара с 3000, проявив неповиновение, приготовился к битве». Махмуд Чурас, там же, л. 55-а, 55-б.

запада некоторые киргизские племена. Главы саяков и сарыбагышей, Тулицибай и Чэликэци, каждый признали себя вассалами императора.

«В это время сын таласского старшины Майтакэ (по имени Эшиболо—Аши боро(т)? — К. П.) как раз находился в их землях. (Он) также выразил желание вместе со всем племенем покориться. (Один из китайских начальников) Тулунтай вместе с сопровождающими лицами отправился (к нему). По прошествии шести дней они достигли его земель и приняли в подданство население двух отоков Хосочу и Цитай... Мамукэхули (формально считавшийся старшим бием саяк и сарыбагыш. К. П.) ...послал (в китайский лагерь) трех человек, Чэликэци, Тулицибая и Нимая, навестить военачальника и поднести ему (в качестве дани) 100 голов баранов и быков». Представители таласских групп тоже направились в лагерь к Чжао Хою. «Майтакэ послал в лагерь младшего брата, Шукуэра, и Калабото, племянника Хабици, с выражением покорности. В 7-ой месяц (несколько недель спустя) цаньцзаньдачэн Фу Дэ (ум. 1776 г.) вновь посылает шивэйя Идамучжабу в оток сару. Акэбай, выслушав с поклоном милостивый указ, призывающий в подданство, был... обрадован. Вместе со своим племянником Чэлихээлиэ и управляемыми ими 5000 семей, а также Айдаэр-бокэ, отдельно управляющим сотней с чем-то семей, пришли с изъявлением покорности. Таким образом, все племена восточных бурутов признали себя подданными Китая и вскоре направили посольства ко двору в столицу.»¹

Как следует из этого со всей очевидностью, вопросы сюзеренитета и вассальной зависимости отдельными родо-племенными группами решались ими как самостоятельными суверенными феодальными государствами, представленными главными биями, каждый из которых либо сам направлялся к маньчжуро-китайскому наместнику, либо посылал своего особого представителя. Это характерно было не только для глав крупных родо-племенных групп, но также для мелких, вроде упомянутой группы Айдар-бокэ бия сотни человек².

Значительный интерес для изучения государственного устройства киргизов представляют случаи объединения под властью их биев, кроме кочевых родо-племенных групп собственно киргизов, также оседлого земледельческого населения отдельных областей Кашгарии.

¹ Цинчао вэньсянь тункао, изд. 299, стр. 7475. Точно таким же образом происходило признание верховенства императора «западными», или памиро-ферганскими киргизами. См.: Суй фу си шу го цзи, стр. 117 и др.

² Примерно такое положение наблюдалось и столетие спустя, когда отдельные родо-племенные группы переходили в подданство России (см.: записки Зибберштейна и др.).

Например, некий бий Аким (Ацим), будучи вассалом императора, выступил на подавление мятежного ходжи. «И во главе всех своих людей... всеми силами воевал с ним. Император, принимая во внимание его заслуги, жалует бия Акима званием саньчжи дачэн¹ и отдает приказ о назначении его хаким-беком в туркестанский город Ташмелек², а его старшин награждает чинами различных рангов... Ныне люди его проживают в глубине Яркендских, Кашгарских и Учских гор и лесов и спокойно занимаются скотоводством».³

Ведаая общим управлением в городах и селениях вверенной области, Ацим-бек имел в качестве своих вассалов, кроме киргизов, также местных земледельцев, взимал с них денежный и натуральный налог и даже затевал тяжбы с последними,⁴ т. е. вел себя как обыкновенный кашгарский феодал-земледелец.

Такое совмещение в руках одного киргизского бия административно-государственных функций в отношении собственного кочевого населения и оседло-землевладельческого местного населения не являлось изобретением маньчжурского законодательства, которое лишь перенимало то, что существовало с XVI—начала XVII в.

Это совмещение, или переплетение, нарастало по мере того, как бии киргизских племен, ассимилировавших и вытеснявших остатки тянь-шаньских монголов в Кашгарию, все более вмешивались в дела их государственного управления.

Как было видно из предыдущего,⁵ вмешательства киргизских биев в дела ханствовавшей фамилии тянь-шаньских монголов начались еще со времени сыновей Ахмеда, Халиль Султана и Султан Саида, т. е. с первой половины XVI в. Хотя начавшееся распространение киргизов по Кашгарии в период правления Рашид-хана было как будто бы временно приостановлено, но в тем более широких масштабах возобновилось оно со второй половины того же столетия.

Если верить ранее приводившемуся письму Юсуф-ходжи к Ковад-бию⁶, его предки составляли основное ядро кашгарских войск, воевавших против калмаков, а их предводитель был киргиз Галиджа-бий. Возможно, тут было преувеличение, но навряд ли большое. С начала XVII в. киргизские бии дейст-

¹ Лейб-гвардии генерал.

² В других написаниях — Ташбалык.

³ Чунь-Юань, Сиюй вэнь цзянь лу, 1777, стр. 4. Согласно «Сиюй цзяю» (1826, цз. VI, стр. 4-а), их насчитывалось около девятнадцати родо-племенных групп).

⁴ Сиюй цзяю, указан. изд., гл. VI, стр. 4-а и др.

⁵ Гл. 1, § 1 наст. работы.

⁶ Гл. 1, § 2 наст. работы.

вительно стали верховодить делами во всем Туркестане, сначала поддерживая угодных и свергая неугодных им ханов, эпитонов ханствовавшей династии полуотюреченных монголов, а затем заменяя их ходжами.

Уже в значительной мере киргизскому войску Сокур-бия был обязан своим положением Махмуд Султан-хан, правивший в Кашгаре в 30-гг. XVII в.¹ Долго ханствовавший Абдулла-хан воевал с одними предводителями киргизов, но главы других родо-племенных групп занимали при нем почти все провинциальные и многие столичные административные посты, совмещая, таким образом, в своем лице феодалов кочевников-скотоводов и оседлого земледельческого населения.

Общее представление об этом дают описания поведения киргизских биев в его время в «Анониме Кашгарии»: «Хан назначил правителем Яркенда и аталыком Мирзу-Шах баз-бека... Отозвав из Янги Гисара Сатым-бия вместе с сан-киргизами², он назначил вместо него правителем Янги-Гисара Кара-Кучук-бия. Кара-Кучук-бий бежал из Янги-Гисара (т. е. попросту не захотел считаться с ханом.—К. П.). Так как киргизы замыслили заговор против хана, то во главе с Сатым-бием собрались сан-киргизы, найманы, кыпчаки, канглы и другие, распределили между собою Яркенд, Кашгар, Аксу и Хотан и разместились там (!). Сатым-бий находился у Утемиш-бека, Карачи-бий был у Эйюб-бека. (Хан) подчинил (?) себе киргизов во главе с Сатым-бием. Каракчи, проведав, бежал. Эйюб-бек, Шах Махмуд-шах, его сын Муталлиб-ходжа пустились за ними в погоню. Каракчи-бий, повернув назад, атаковал и убил Муталлиб-ходжу и Шах Махмуд-шаха. Шах баз-бек, услышав (об этом), приказал послать людей за ним в погоню. После этого (Каракчи-бия) настигли на берегу реки. Каракчи убил Эйюб-бека. Аллаяр-бий был в Фатма-Чекмени. Хромой Аллаяр, присоединившись (к Каракчи), тоже бежал. Шах баз-бек приказал отправить вслед за ними всех беков во главе с Мир-Абдулла-беком. Беки настигли (их). Киргизы предприняли атаку, и Шах баз-бек был сражен. Снова население бежало в другие места. Киргизы, забрав у Абдулла-ходжи аргамака с золотым седлом, уехали прочь³.

Как видно из ситуации, хотя в источнике употребляются выражения «хан назначил правителем Янги-Гисара Кара-Кучук-бия» и т. п., но фактически киргизские бии — главы родо-

¹ Аноним Кашгарии, там же, л. 73-б.

² «Сан-киргизы» фигурируют в некоторых случаях как родо-племенная группа, в других случаях это название имеет смысл «многочисленные (многоплеменные) киргизы».

³ Аноним Кашгарии, там же, л. 93-б—94-а.

племенных групп — признавали ханские назначения, когда хотели. А когда не хотели, они сами между собою распределяли города и области. Причем особенно примечательно то, что они, будучи главами независимых родо-племенных групп-объединений, столь же независимо вели себя по отношению друг к другу и хану и в качестве правителей кашгарских областей. Например, Сатим-бий то признавал хана, то нет. Кара-Кучук-бий до получения Янги-Гисара был вместе с Койсары-бием в числе главных предводителей, наголову разгромивших ханское войско, вторгавшееся в Фергану¹ в местности Беш-Буйнак. Длительная борьба Койсары-бия против Абдуллы-хана в Фергане и на среднем Нарыне² закончилась тем, что Койсары-бий в конце ханствования Абдуллы стал правителем Кашгара.³ В дополнение к этому Исмаил, став ханом при поддержке Койсары-бия, утвердил его сына, Кучук-бия, начальником стражи Кашгара. Таким образом, киргизский бий Койсары и его сын Кучук, будучи феодалами, главами кочевников-скотоводов, стали одновременно правителями города Кашгара и Кашгарской области, причем в качестве правителей города Кашгара и области они опирались в основном не на местный административно-управленческий аппарат, но на собственную дружину. Этот интересный факт выполнения дружиной киргизских биев функций вещественного придатка государства с оседло-земледельческим населением может быть косвенным показателем ее роли и внутри собственно киргизских родо-племенных групп как специфических форм государственных объединений.

Показательно и поведение самих киргизских биев, вероятно тоже не видевших ничего особенного в своем положении правителей Кашгарского вилайета с хорошо развитыми феодальными отношениями. «(Правитель) Койсары-бий и начальник стражи Кучук стали сильно притеснять население Кашгара. (В то время) в Кашгаре находились Бабак Султан и Кичик Ханым-Падишах. Ханым-Падишах стало известно о беззакониях, творимых киргизами, (и) кашгарские беки..., объединившись под предводительством Туйджи, поставили Туйджи-бека на должность Кучук-бека. Койсары-бия они убили вместе с двадцатью пятью его людьми»⁴.

Оставляя в стороне вопрос о «притеснениях» и «беззакониях», т. е., вероятно, о поборах, обращаем внимание на два факта. Во-первых, на сосредоточение в руках киргизских биев

¹ Аноним Кашгарии, там же, л. 92-а.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Аноним Кашгарии, л. 98-б.

всего административно-государственного управления. Во-вторых, на их борьбу с кашгарскими беками-феодалами местного земледельческого населения, в ходе которой киргизские феодалы по своему положению, месту и роли в административно-государственной машине приравнивались к последним.

Правда, на первый взгляд может показаться, что они как будто бы противостояли им, обособлялись. Но в действительности они именно приравнивались.

Дело в том, что кашгарские беки, производя в Кашгаре переворот с целью поставить ханом брата Исмаила, Бабак-Султана, боролись не против правления киргизов вообще, но лишь против группировки чон-багыш во главе с Койсары-бием, причем власть чон-багышских биев была временно свергнута, не столько силами самих кашгарских беков, сколько другой группировкой киргизов,¹ во главе которой стояли кыпчакские бии (в том числе Йол-Булды-бий)², желавшие иметь ханом Бабака.

Это выясняется из дальнейшего: «Хан и святейший ходжа отправились в поход на Кашгар. Кыпчакские бии Абак, Чикиль, Худа-Назар. Йол-Булды и Чигир, объединившись с кашгарскими беками, убили чон-багыша. Хан, схватив Абак-бия, Чикиль-бия, Худа-Назар-бия, Йол-Булды, есаула и Чигир-бия, отдал их чон-багышам... Чон-багыши убили Абак-бека, Чикиль-бека, Худа-Назар-бека (и) Йол-Булды. Кыпчаки отправились к Бабак-хану.»³

Борьба киргизских биев за правление отдельными областями в середине XVII в. велась на территории всей Кашгарии. Она велась совместно с местными кашгарскими феодалами, причем последние, утрачивая первенствующее положение, были постепенно оттеснены со своими ханами на второй план. В конце концов киргизские бии вовсе упразднили ханов издавна ханствовавшего на Тянь-Шане древнего рода монголов-чингизханидов, прикрывая узурпацию их «божественной» власти авторитетом «божественных» ходжей-марионеток. Этот важный переворот в административно-государственном устройстве и правлении, совершенный киргизскими биями, до сих пор, к сожалению, еще не привлекал внимания исследователей. По их представлениям, киргизские бии играли в борьбе ходжей будто бы второстепенную роль, сгра-

¹ В этническом отношении кашгарские беки принадлежали к коренному тюркскому населению и отюреченным монголам.

² Возможно, бывший союзник Койсары-бия и Кара-Кучук-бия по борьбе против Абдуллы-хана («Аноним Кашгарин»), л. 92-а.

³ Аноним Кашгарин, л. 99-а.

ничиваясь лишь пассивной поддержкой отдельных претендентов.

Этот переворот был совершен во время Арзу Мухаммеда, объединявшего под своей властью многие группы киргизов, правление над Кашгаром, Янги-Гисаром, Яркендом и др. городами.¹ К сожалению, события его времени и его действия освещены в известных нам источниках несколько сбивчиво.

Арзу Мухаммед сначала участвовал в союзе с турфанскими и яркендскими беками в возведении ханом сына Бабак-хана. Мухаммед Му' мин-Султана Ак-Баш-хана.

Овладев с их помощью Янги-Гисаром и Кашгаром, Арзу Мухаммед вступил затем в борьбу с ними и с яркендскими киргизами, установил свою власть в тогдашней столице Кашгарии Яркенде, «провозгласил ханом Султан-Ахмад-Султана, а сам стал правителем».² Яркендские беки обратились за помощью к калмакам. Войска калмаков под начальством хунтайши Чукула-Кашка вместе с войсками других кашгарских городов выступили против Арзу Мухаммеда и принудили его удалиться в Кашгар. Хотя власть в Яркенде перешла к Мирзе-Алем-Шах-беку, но борьба снова разгорелась. «Арзу Мухаммед-бек отправился в Кашгар. Снова великие и могущественные из киргизов оказались в Яркенде, например, Йол-Булды-бек³, Куш-Кулак-бек, Ходжам Яр-бек, Сарык-бек, Кuryнай-бек, Джаруб-бек, Мухаммед Бекаул-бай, Кучук-есаул»⁴. «...Киргизы очень возгордились... Они подстрекали некоторых смутьянов. Эти изменники захватили в плен святейшего ходжу-падишаха, чтобы завладеть страной...»⁵. Пытаясь удержать власть, Мирза Алем Шах-бек схватил и казнил некоторых киргизских биев. После этого в их среде произошел раскол. Часть их бежала к Арзу Мухаммеду в Кашгар. Оставшиеся вступили в союз с яркендскими беками.

Арзу Мухаммед в это время был фактически суверенным правителем Кашгарской и Янги-Гисарской областей, имея титул карахана. Его помощниками являлись киргизы Кара-Занги-бек и бежавший из Яркенда Джаруб-бек: первый как правитель города, второй в качестве ишик-ага. «Все государственные дела были в их руках»⁶.

Чокан Валиханов в своем пересказе сочинения Мухамме-

¹ Аноним Кашгарии, л. 104-а.

² Там же, л. 103-а.

³ Поскольку ранее рассказывалось об убийстве чон-багышами бия с таким именем, то либо он остался все-таки жив, либо это другое лицо.

⁴ Аноним Кашгарии, л. 103-б.

⁵ Там же, л. 104-а.

⁶ Мухаммед-Садык Кашгари, указан, публ., стр. 74.

да-Садыка Кашгари отмечал, что карахан — должностное лицо вроде полицмейстера.

По нашему мнению, понимание титула карахана у Арзу Мухаммеда требует специального исследования. Не было ли в принятии его Арзу Мухаммедом какой-либо связи с традиционными представлениями киргизов о караханах как о великодержавных правителях?

В пользу возможности такой связи может говорить несколько фактов. Во-первых, наличие у Арзу Мухаммеда как хана (а не полицмейстера) специальных помощников: правителя города и ишик-ага¹; положение Арзу Мухаммеда как независимого и могущественного по тем временам правителя Кашгарии. В составе его войск, ходивших в поход, например, на Яркенд, были «все кыпчаки, найманы, толесы, кесеки, чонбагыши, а также все население Кашгара и Янги-Гисара».² Будучи сам как глава светской власти «караханом», он имел при себе, кроме помощников по административной части, также предводителя духовенства в лице потомка Ишан-и Каляна, Ходжи Ахмеда.

Во-вторых, в пользу того же говорит ситуация, создавшаяся в это время во враждебном Яркенде. Приняв в качестве предводителя духовенства потомка ходжи Исхак-Вали, Даниель-ходжу, «весь народ (Яркенда) через несколько дней говорил: «Ведь управление государством невозможно без хана» и со всеобщего согласия привели в Яркенд одного из казахских султанов, Хашим-султана».³

Как можно судить по указаниям Мухаммеда-Садыка Кашгари, большую роль в объявлении Хашима ханом в Яркенде играли также киргизские бии⁴. В «Анониме Кашгарии» даже указывается: «Киргизы провозгласили ханом Ишим-хана. Ишим-хан вознаградил их»⁵.

Таким образом, избрание в Яркенде Хашима (Ишима) ханом, а Даниеля — главою духовенства являлось противопоставлением их Арзу Мухаммеду карахану и ходже Ахмеду, организовавшим против Яркенда походы с целью его подчинения⁶. Принимая во внимание противопоставление хана Хашима карахану Арзу Мухаммеду, можно предполагать, что Арзу Мухаммед, носитель титула карахана, рассматривался

¹ В середине XVIII в. ишик-ага был первым помощником китайских правителей (см. Думан, указан. соч., стр. 109).

² Аноним Кашгарии, стр. 104-а.

³ Мухаммед-Садык Кашгари, стр. 74.

⁴ Мухаммед-Садык Кашгари, стр. 74—75.

⁵ Аноним Кашгарии, стр. 104.

⁶ Описание их см. Мухаммед-Садык Кашгари, стр. 74—75. Аноним Кашгарии, там же.

не как какой-нибудь «полицмейстер», но как лицо более значительного сана. По нашему мнению, выбор им именно этого титула (а при своем независимом положении он имел возможность действительно выбирать), совпадавший с окончательным упразднением традиции ханствования чингизханидов, не являлся случайным.

Дело в том, что титул карахана в представлениях старого тюркского населения Кашгарии и нахлынувших сюда киргизов имел разные значения. У первых это было действительно должностное лицо среднего ранга, а по киргизским представлениям и традициям, восходящим к домонгольскому времени, карахан олицетворял собою «набольшего», «главного» или «великого» хана. Именно в таком значении он дожил и до наших дней в преданиях киргизского эпоса.¹ Поскольку Арзу Мухаммед, независимо правивший в двух крупных городах и претендовавший на всю Кашгарию, являлся в первую очередь главой объединенных под его начальством киргизских родоплеменных групп, т. е. выступал как крупный глава киргизов (только поэтому он и владел Кашгаром), то титул карахана, принятый им именно при упразднении киргизскими биями эпигонов монгольской династии чингизханидов, мог означать в представлении киргизов оживление их великодержавных традиций времен «великих» караханов.²

Хотя выяснение этого вопроса с точки зрения изучения государственности у киргизов представляет значительный интерес, однако этот частный вопрос может быть делом будущих исследований. В данном случае мы пока ограничиваемся констатированием двух бесспорных фактов: во-первых, факта окончательного низвержения, упразднения киргизскими биями ханов из монгольской фамилии чингизханидов, ханствовавшей на Тянь-Шане и в Кашгарии примерно в течение четырех веков; во-вторых, факта выбора киргизскими биями верховных правителей-государей и чиновников административно-государственного аппарата Кашгарии из своей среды, среды казахов и другого тюркского населения, о чем можно говорить прецедент, если не с Арзу Мухаммедом, то во всяком случае с Хашим-Султаном. Далее, особенно знаменательным было то, что этот вы-

¹ Указанное значение «кара» в смысле «главный», «великий» (не черный) было широко распространено в домонгольское время у многих тюркских народов. (Ср. караханиды, кара-хитай и др.).

² В связи со сказанным о возможности понимания титула карахана у главы «всех кыпчаков, ...толес..., чон-багыш» и др. интерес представляет одно не совсем ясное место в «Анониме Кашгарии», где в связи с борьбой турфанских беков под начальством Арзу Мухаммеда между прочим упоминается о приходе их к какому-то «кыпчакскому хану» (?). Аноним Кашгарии. л. 102-б.

бор не обуславливался даже формальным утверждением со стороны калмацких правителей, номинально считавших себя властителями кашгарских городов. Вообще говоря, в отдельные периоды, в зависимости от обстановки в государстве собственно калмаков, отдельные калмацкие ханы распространяли свою власть, взимали с кашгарских городов налоги. Но власть эта была непрочной. Могло случаться и так, что отдельные киргизские правители, как в данном случае, выступали фактически и формально как суверенные государи, а их владения были суверенными государствами.¹

Весьма непрочными были вассальные отношения и тех родо-племенных групп киргизов, которые кочевали даже в центре самого калмацкого государства, в частности, по долине реки Или. Примером тому может служить их поведение в связи с так называемым восстанием против калмаков сына Даниеля, Юсуф-ходжи, во времена Даваца и Амурсаны.

Согласно рассказу подобострастного биографа ходжей Мухаммеда-Садыка Кашгари, Юсуф-ходжа ставил своей главной целью будто бы ликвидацию калмацкой власти, хотя на первых порах открыто выступал как доверенное лицо калмаков и организатор борьбы против киргизских правителей Кашгара. В действительности он вел двуличную игру по отношению к обеим сторонам, следствием чего и была катастрофа для его детей.

Как ранее отмечалось, отец Юсуф-ходжи, Даниель, борясь против Арзу Мухаммеда, призывал на помощь калмацкие войска. Последние вместо того, чтобы отвоевать ему Кашгар, пользуясь случаем, восстановили свою власть в Яркенде, поставили своих управителей и взяли в качестве заложника Юсуф-ходжу. Затем, когда его брат Джехан-ходжа, оставшийся в Яркенде, стал вести себя подозрительно, они лишили свободы и его. Желая при создавшейся обстановке убить

¹ Соответственно нерегулярной была и выплата дани. Так, например, рассказывая о двух мелких правителях, не желавших признавать власть киргизов и искавших покровительства у калмака Даваца, Мухаммед-Садык Кашгари писал: «Калмаки привыкли брать налоги (бадж-харадж) с мусульманских городов и тратить их на свои нужды. Прошло уже долгое время, как (калмаки) не видели подношений (тухфа-пишкеш) от этих городов. (В списках рукописи В-770, л. 73-б и Д-126, стр. 83: «С давних пор (калмакам) не поступали налоги (бадж ва харадж) от Яркенда, Кашгара, Хотана»). «Что касается правителя Баш-Карама, Мухаррам-бека, и правителя Файз-Абада, Нияз-бека, то они вместе с некоторыми... тайно пришли к (калмацкому) послу и сказали: ...Если мы отделимся от вас, (то) в тот же день мы будем растоптаны ногами киргизов». (Мухаммед-Садык Кашгари, указан. публ., стр. 169, 172, с примечаниями о разночтениях). Таким образом, местное население иногда рассматривало киргизских правителей не как вассалов калмаков, но как бы противостоящих им.

двух зайцев, т. е. утвердить свое влияние в Яркенде-Хотане в ходе свержения калмацкой администрации, а в Кашгаре—путем свержения киргизских правителей, Юсуф-ходжа сначала в качестве доверенного лица калмаков, а затем организатора борьбы против них, начал тайно интриговать и против калмаков, и против киргизских кашгарских правителей, причем, начиная эти интриги, он прежде всего заручился поддержкой могущественного главы илийских кыпчак-киргизов Амр-Мирзы, который намеревался уйти со своим народом из-под власти калмаков с Или в Яркендский вилайет, где должны были быть свергнуты прокалмацкие правители, а ходжой восстановлен брат Юсуфа.¹

В соответствии с этим Амр-мирза откололся от калмаков, оставил илийские земли и ушел со своим народом в Хотан. Здесь он вместе с киргизами соседних областей и сторонниками из местного населения овладел Яркендом, освободив из заключения брата Юсуфа, Джехан-ходжу. Как пишет подобострастный биограф, ходжа «сделал Амр-мирзу везирем всего государства (джумлат аль-мульк). Он дал ему самое высокое место и назначил его заместителем (джанашин) в Яркендском вилайете».²

Хотя на основании этих слов можно предполагать, что ходжа формально рассматривался как будто уже верховным правителем, но это требует исследования. Незадолго перед тем, при отце Юсуфа, Даниеле, наличие хана как верховного государя считалось обязательным. Но это формальная сторона. Что касается фактической стороны, то правителями Яркенда стали Амр-мирза и примыкавшие к нему киргизские бии, а не Джехан, как описывал биограф.

Юсуф-ходжа, отпущенный (несколько ранее этого) из почетного плена как организатор борьбы против киргизов кашгарского вилайета, по прибытии в Кашгар стал призывать население к борьбе не против киргизов, а против самих калмаков. Но, привлекая к себе сторонников, в том числе многих других киргизских биев³, Юсуф-ходжа не столько думал о

¹ Мухаммед-Садык Кашгари, стр. 150. Излагая некоторые детали, связанные с деятельностью Юсуф-ходжи и его сыновей, мы преследуем цель осветить не только участие киргизских биев в административно-государственном правлении, но осветить также отмеченную нами неправильность мнений, будто фактическими правителями кашгарских городов в XVII—XVIII вв. были ходжи, а не киргизские феодалы. Роль и авторитет ходжей как глав духовенства среди местного оседлого мусульманского населения действительно были значительны, что и использовали киргизские правители. Но положение самих ходжей зависело от последних.

² Там же, стр. 207.

³ См., в частности, призывы к памиро-ферганским киргизам и могущественному Ковад-бию. Мухаммед-Садык Кашгари, стр. 208—209.

борьбе против калмаков, сколько преследовал цель подорвать влияние в кашгарском вилайете местных киргизских правителей с помощью новых сторонников и утвердить свое. Когда вставал вопрос об организации похода против калмаков, он был против него, понимая, что киргизы, на которых «нельзя надеяться»¹, не будут воевать за него и его сыновей, но предпочтут своих предводителей.

Так оно в действительности и случилось вскоре после его смерти, когда его брат, Яхья-ходжа, попытался выступить против Бурхан ад-дина, сына ранее упоминавшегося Ахмеда-ходжи, бывшего при Арзу Мухаммеде главою духовенства Кашгара. При первом столкновении часть его киргизских союзников воздержалась от участия в сражении, а часть обратилась против него². В ходе дальнейшей войны под Яркендом Ковад-бий, Амр-мирза, правивший Янги-Гисаром киргиз Абдулла и другие предводители киргизов перешли от нейтралитета к борьбе против Яхьи-ходжи и Джехана³. Энергичные действия этих союзников Бурхан ад-дина в одном из решительных сражений привели к полному разгрому сил Джехана⁴. Потеряв в результате поражения возможность сопротивления, Джехан с потомками разных «черногорских» ходжей и с тысячью приверженцев пытался спастись бегством в горы. Но преследовавшие киргизы большую их часть перебили при стычках, прочих пленили и добились потом⁵. Таков был конец кратковременного влияния в Яркенде-Хотане так называемых «черногорских» ходжей, претендовавших после свержения киргизскими биями ханствовавшей фамилии монголов-чингизханидов на верховную власть в Кашгарии накануне установления господства маньчжуро-китайских императоров.

Недолго также продолжалось влияние Бурхан ад-дина и его родственников, «белогорских» ходжей. Попытка выступления Бурхан ад-дина (в кит. источниках Буланиду) против китайской администрации и последовавшие репрессии положили конец и их претензиям.

При включении Кашгарии и территории Тянь-Шаня в состав новой империи маньчжуро-китайские наместники, стремясь создать здесь более послушный им свой административно-бюрократический аппарат, ликвидировали замещение правителями округов и областей их мест по наследственному принципу.

¹ Мухаммед-Садык Кашгари, стр. 224.

² Мухаммед-Садык Кашгари, стр. 240—243.

³ Там же, стр. 276, 280, 316, 317.

⁴ Там же, стр. 317.

⁵ Там же, стр. 325, 326, 327, 334, 338, 339, 341, 343.

Исключение было сделано лишь в отношении киргизских феодалов, переместившихся со своими подданными после падения власти калмаков на Тянь-Шань. Объяснялось это тем, что они рассматривались не как чиновники-правители того или иного округа, но как вассалы, имевшие в своем владении ту или иную родо-племенную группу, занимавшую определенные земли.¹ Их положение как правителей родо-племенных групп вместе с принадлежавшими последним землями фактически основывалось на наследственных традициях, а не на регламенте маньчжурской администрации. Напротив, она поддерживала их и, идя на уступки, передавала по наследству даже пожалованные киргизским биям ранги-титуты. Положение киргизских биев как правителей собственных родо-племенных групп по отношению к подвластным им рядовым общинникам-скотоводам, т. е. в административно-государственных делах, с установлением сюзеренитета маньчжурского императора не претерпело существенных изменений. Изменения наблюдались лишь в том, что многие киргизские бии, бывшие в период калмацкого господства правителями основных и ряда второстепенных городов и оседло-земледельческих областей Кашгарии, с возвращением их народа (после падения калмацкого господства) на прежние тянь-шаньские пастбища уже не могли совмещать одновременно и управление своими родо-племенными группами, и должности административно-государственного аппарата кашгарских феодальных городов. Вторые в большинстве случаев были утрачены, причем без каких-либо заметных последствий для административно-государственного устройства и управления самих киргизов. Такое явление представляет большой интерес для изучения административно-государственной организации киргизского феодального общества, поскольку она, на первый взгляд как будто бы «пережиточная» со времен патриархально-родового строя, сначала легко уживалась и переплеталась с достаточно развитой административно-государственной организацией кашгарских феодальных городов, а затем, при обратном перемещении киргизов из Кашгарии, оказывается, не претерпела крупных изменений. Объяснение этого относительной непродолжительностью кашгарского влияния, фактами, так сказать, «поверхностного» правления киргизских биев в кашгарских городах и т. п., — конечно, должно приниматься во внимание. Однако в процессе дальнейшего изучения этих проблем не следует упускать из виду все же

¹ В этом отношении они приравнивались к наследственным владельцам княжеств Хами и Турфана, бывших тоже на особом положении.

главное: природу и особенности киргизской родо-племенной государственности, обладавшей по-видимому, широкими возможностями обслуживания феодального общества, что благоприятствовало ее полнокровной жизни на протяжении многих столетий, в условиях сочетания с разными государственными системами и, между прочим, отчасти даже с государственной системой первых лет советской власти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как видно из рассмотренных материалов, общественно-экономические отношения тянь-шаньских киргизов в период формирования их народности прошли несколько этапов.

Тянь-шаньские киргизы как формировавшаяся народность в XIII—начале XIV в. были представлены тремя этническими массивами: местным европеоидным населением Тянь-Шаня, занимавшимся в предмонгольское время скотоводством, а также в широких масштабах земледелием; пришлыми в XIII в. из Монголии скотоводами-кочевниками и, наконец, киргизскими племенами Енисейско-Иртышского междуречья, переместившимися в монгольское время в Иртышско-Илийское междуречье и распространявшимися затем отдельными группами по Тянь-Шаню.

Поскольку последние, как и монголы, являлись скотоводами-кочевниками, то вследствие наплыва тех и других области оседло-земледельческой культуры и города Тянь-Шаня пришли в упадок. Повсюду распространилось кочевое скотоводство, главными отраслями которого были коневодство, овцеводство и разведение крупного рогатого скота. Занятие земледелием у кочевников носило ограниченный характер. Основой их общественно-экономического устройства являлась родо-племенная организация, сложившаяся в эпоху общинно-родового строя и перешедшая в феодальную формацию в качестве ее органического института.

Объединения указанных тюркоязычных и монголоязычных родо-племенных групп во главе со своими предводителями-феодалами являлись фактическими владельцами или собственниками пастбищ, охотничьих угодий пр. — в общем земли. Землевладение носило общинно-родовой характер и не было прочным: родо-племенные группы кочевников-скотоводов

легко и часто перемешались. Верховными собственниками земли являлись монгольские феодалы во главе с ханствовавшей фамилией, принадлежавшей фактически или формально к «золотому» роду чингизханидов. Скот был частной собственностью.

В территориально-государственном отношении большинство монгольских и тюркоязычных родо-племенных групп и объединений входило в состав чагатайского улуса, меньшая часть (кочевавшая преимущественно в восточно-притяньшаньских областях) входила в состав Ак-Орды, улуса Угэдэя, вассальных владений основанной Хубилаем Юаньской империи и владений его преемников как великих ханов. Периодически имели место переходы из одних территориально-государственных объединений в другие.

С середины XIV в. в хозяйстве части тянь-шаньских монголов под влиянием постепенного хозяйственного осваивания ими отдельных областей и по ряду других причин стали намечаться тенденции к оседло-земледельческой культуре, которые к концу XV в. носили уже достаточно ярко выраженный характер. Вместе с ними и по мере их развития на Тянь-Шане стало намечаться крупное родовое (фамильное) землевладение монгольских феодалов, которое складывалось, с одной стороны, в ходе узурпации главами родо-племенных групп общинно-родовых прав распоряжения землей, с другой стороны, в результате ликвидации монополии ханствовавшей фамилии как верховного собственника земли.

Становление крупного родового (фамильного) землевладения сопровождалось появлением среди класса монгольских феодалов прослойки крупных фактических землевладельцев, резкой феодальной раздробленностью восточной части бывшего Чагатайского улуса, выделением на его территории нескольких самостоятельных или фактически независимых владений-улусов. Эта раздробленность усугублялась неравномерностью указанных хозяйственных изменений у отдельных родо-племенных групп тянь-шаньских монголов. Хозяйство у части кочевавших в малопригодных для земледелия областях претерпевало меньшие изменения. Отдельные группы таких объединений в условиях резкой феодальной раздробленности тоже обособлялись в самостоятельные улусы-ханства.

Отдельные мелкие владения-улусы, существовавшие на Тянь-Шане и Притяньшанье с середины XIV—XV в., в общем включали одни и те же этнические группы, но в разных пропорциях. Население владений, тяготевших к областям оседло-земледельческой культуры (Центральный Тянь-Шань с Притяньшаньем в Кашгарии и в Средней Азии), состояло в

большей мере из монголов, местного тюркского населения до-монгольского времени и в меньшей мере из киргизских племен, причем преимущественно из тех, которые распространялись по Тянь-Шаню с начала монгольской эпохи. Улусы с по-прежнему крепким скотоводческо-кочевым укладом (Восточный Тянь-Шань и Притяньшанье) состояли, напротив, в большей мере из киргизских и родственных им кыпчакских кочевых племен, притекавших из Ак-Орды, с Алтайского нагорья и в меньшей мере из монголов, причем таких, которые подвергались сильному отюречиванию—окиргизиванию. Хотя эти небольшие улусы кочевников-скотоводов Восточного Притяньшанья периодически перемещались в Приалтайские степи и по краю Дешт-и Кыпчак, но в общем они постепенно подавлялись на Тянь-Шань, теснимые с востока ойрат-монголами и оттесняя, в свою очередь, на запад тех тянь-шаньских монголов, которые не консолидировались с ними и не подвергались ассимиляции — окиргизиванию. Их массовое движение началось несколько ранее движения кочевых узбеков из Дешт-и Кыпчак в Мавераннахр и в Западное Притяньшанье.

Наступление резкой феодальной раздробленности на Тянь-Шане хронологически совпадало с возвышением в Средней Азии государства Тимура. Тимур и тимуриды в ходе военных вторжений на Тянь-Шань и Восточное Притяньшанье в конце XIV—начале XV в. ликвидировали в свою пользу верховную собственность на землю тянь-шаньских монголов и подрывали возникавшее у них крупное родовое землевладение.

Поскольку власть тимуридов была непрочной, а монгольские феодалы вследствие дезорганизации не могли восстановить прежнее положение, то киргизские родо-племенные объединения, передвигавшиеся в конце XIV—XV в. из Притяньшанья, размещались отчасти на свободных землях, отчасти — на формально принадлежавших тянь-шаньских монголам, но фактически слабо контролируемых ими. В отдельных случаях, например, при Эсэху-хане и Амасанджи, киргизские объединения отодвигали границы владений монгольских ханов, причем это шло как за счет вытеснения с Тянь-Шаня монголов, так и в результате перехода части их в подданство первых с последующей ассимиляцией — окиргизиванием.

Примерно с последней четверти XV в., или со времени правления Ахмед-хана, фактическими владельцами пастбищ, угодий и проч., т. е. основного земельного массива Тянь-Шаня, стали киргизские родо-племенные объединения, переместившиеся из Восточного Тянь-Шаня, хотя верховным собственником их примерно еще полстолетия продолжала призна-

ваться одна из ветвей ханствовавшей фамилии тянь-шаньских монголов.

В связи с массовым перемещением киргизских племен из Восточного Тянь-Шаня во второй половине XV в. произошли значительные изменения в хозяйстве, землевладении, классовом расслоении, территориально-государственных и этнических отношениях населения Тянь-Шаня. Киргизские племена, став численно преобладающими на Тянь-Шане, снова распространили по всему Тянь-Шаню прочно сохранявшийся у них уклад скотоводческо-кочевого хозяйства и общинно-родовое землевладение, приостановив тем самым процесс перехода к оседло-земледельческому хозяйству отюречиваемых ими монголов и ликвидировав возникавшее у них крупное родовое (фамильное) землевладение, а вместе с ним и прослойку крупных полуотюреченных монгольских феодалов-землевладельцев.

В этногенетическом отношении это был период завершения консолидации основной массы киргизских, местных тюркоязычных и монгольских племен, которая сопровождалась нарастающей ассимиляцией последних. К этому периоду относится возникновение на Тянь-Шане первого обширного киргизско-монгольского государства (улуса) во главе с одной из ветвей полуотюреченного рода чингизханидов (возглавляемой Ахмед-ханом).

Участие с этого времени монгольских феодалов в распоряжении пастбищами, угодьями-землей обуславливалось тем, в какой мере они как главы окиргизиваемых родо-племенных групп участвовали в хозяйственно-политической жизни общей массы племен формировавшейся народности.

Часть их, вытесненная с зависимыми от них людьми в Кашгарию и Мавераннахр, прилагала при сыновьях Ахмеда — Мансуре и Саиде, а затем при внуке Ахмеда, Рашид-хане, тщетные усилия отвоевать у киргизских племен земли Тянь-Шаня и подчинить их самих, т. е. восстановить свое господство на Тянь-Шане. Эти усилия противоречили общему ходу исторического развития и потому были безрезультатными. Время ханствования Рашид-хана (вторую треть XVI в.) следует считать периодом окончательной ликвидации верховной собственности на землю на Тянь-Шане эпитгонов ханствовавшей монгольской фамилии и монгольских феодалов, периодом замены ее верховной собственностью отдельных киргизских родо-племенных объединений.

В силу специфики уклада кочевого скотоводческого хозяйства и территориально-государственных отношений их собственность носила непрочный характер. Они часто меняли тер-

риторию при передвижениях, занимали новые области. Иногда отдельные родо-племенные группы, становясь вассально зависимыми от соседних государственных объединений (ойрат-монголов, казахов, узбеков, кашгарских правителей и др.) уступали свои права верховных собственников в их пользу, т. е. превращались тем самым временно в условных владельцев.

В условиях общинно-родового, или родо-племенного, землевладения все члены айльно-родовой общины, связанные частично действительным, а в общем более формальным, фиктивным родством, являлись временными пользователями совместно занимаемой ими общинной земли. Каждая семья имела права на совместное пользование пастбищами и угодьями-землей в силу своей принадлежности к данной общине и принадлежности последней к определенной группе, т. е. как член определенной родо-племенной группы. В свою очередь, родо-племенная группа обеспечивала пользование землею и гарантировала все другие права своих членов-общин, что являлось условием ее собственного существования.

Размеры временных землепользований, качество летних и зимних пастбищ (и др.) отдельных членов-семей определялись количеством находящегося у них в собственности скота, а также распределениями пастбищ-угодий родовой скотовладельческой верхушкой, узурпировавшей права распоряжения землей.

В связи с этим, а также с узурпированием верхушкой других прав, отдельные члены-семьи айльно-родовой общины, связанные обязанностями в силу своего членства, являлись фактически частично зависимыми от феодально-родовой верхушки.

Таким образом, общественные отношения у киргизов в рассматриваемое время определялись наличием общинно-родовой (непрочной) собственности—землевладения в масштабах родо-племенных групп-объединений и совместным землепользованием отдельных айльно-родовых общин. Размеры фактического землепользования, в свою очередь, определялись размерами частного скотовладения и в некоторой степени внеэкономическим принуждением со стороны феодально-родовой верхушки по отношению к отдельным частично зависимым семьям. Общинно-родовая собственность (землевладение) и общинное совместное землепользование сохранились при ведении кочевого скотоводческого хозяйства. Общинно-родовая собственность (землевладение) в масштабах родо-племенных групп в сочетании с частным скотовладением представляла собою экономическую основу, базис общественных отно-

шений и существования самих родо-племенных групп как формы организации киргизского общества и карликовых государств, являвшихся по отношению к базису его надстройкой.

По отношению к внешнему миру отдельные более или менее значительные родо-племенные группы-объединения киргизов со времени Рашид-хана (со второй половины XVI в.) выступали как вполне суверенные государства. Хотя часть из них с установлением на Тянь-Шане в начале XVII в. калмацкого господства теряла самостоятельность, но удалившиеся на Памиро-Алайское нагорье и к Куэнь-Луню сохраняли ее вплоть до установления господства маньчжурских императоров.

В хозяйственно-экономической и государственной жизни киргизов в этот период имели место некоторые дальнейшие изменения.

У части родо-племенных групп к середине XVIII в. стали определенно намечаться сдвиги в увеличении занятий земледелием, в закреплении на определенных территориях, т. е. в землепользовании и землевладении, в развитии торговли и пр. — вплоть до превращения отдельных групп скотоводов-кочевников в оседлых земледельцев. Наиболее заметно это было у тех групп, которые сначала распространялись по Кашгари и Фергане в процессе ассимиляции вытесненных ими остатков отюреченных тянь-шаньских монголов, а затем под давлением калмаков, вытеснявших с Тянь-Шаня самих киргизов. Хотя перемещения не способствовали хозяйственному освоению территорий, но, с другой стороны, даже относительно непродолжительное пребывание в издревле земледельческих областях и торгово-ремесленных пригородах скоро оказывало влияние на хозяйственный уклад кочевников, вызывая усиление занятий земледелием, обмен, разложение натурального хозяйства и пр. Хотя большинство этих групп с падением калмацкого господства снова вернулось на Тянь-Шань, но наметившиеся изменения не могли исчезнуть бесследно, тем более, что подобные изменения, хотя и в меньшей степени, намечались также в хозяйстве отдельных родо-племенных групп, остававшихся в годы калмацкого господства в удобных для земледелия областях (например, в Прииссык-куле).

Одновременно с хозяйственно-экономическими изменениями в последний период имели место новые явления также в общественно-политической жизни. Наиболее важными из них были явления, связанные с территориально-государственным объединением значительного числа киргизских родо-племенных групп скотоводов-кочевников с феодальными оседло-зем-

леделъческими владениями Кашгарии и Ферганы, верховными или вассально зависимыми правителями которых становились киргизские бии.

Выход на широкую историческую арену киргизских биев на Тянь-Шане как класса феодалов совпадал с ликвидацией прослойки полуотюреченных крупных монгольских землевладельцев в период между передвижением улуса Амасанджитайши и концом правления Рашид-хана (последняя четверть XV—первая половина XVI в.).

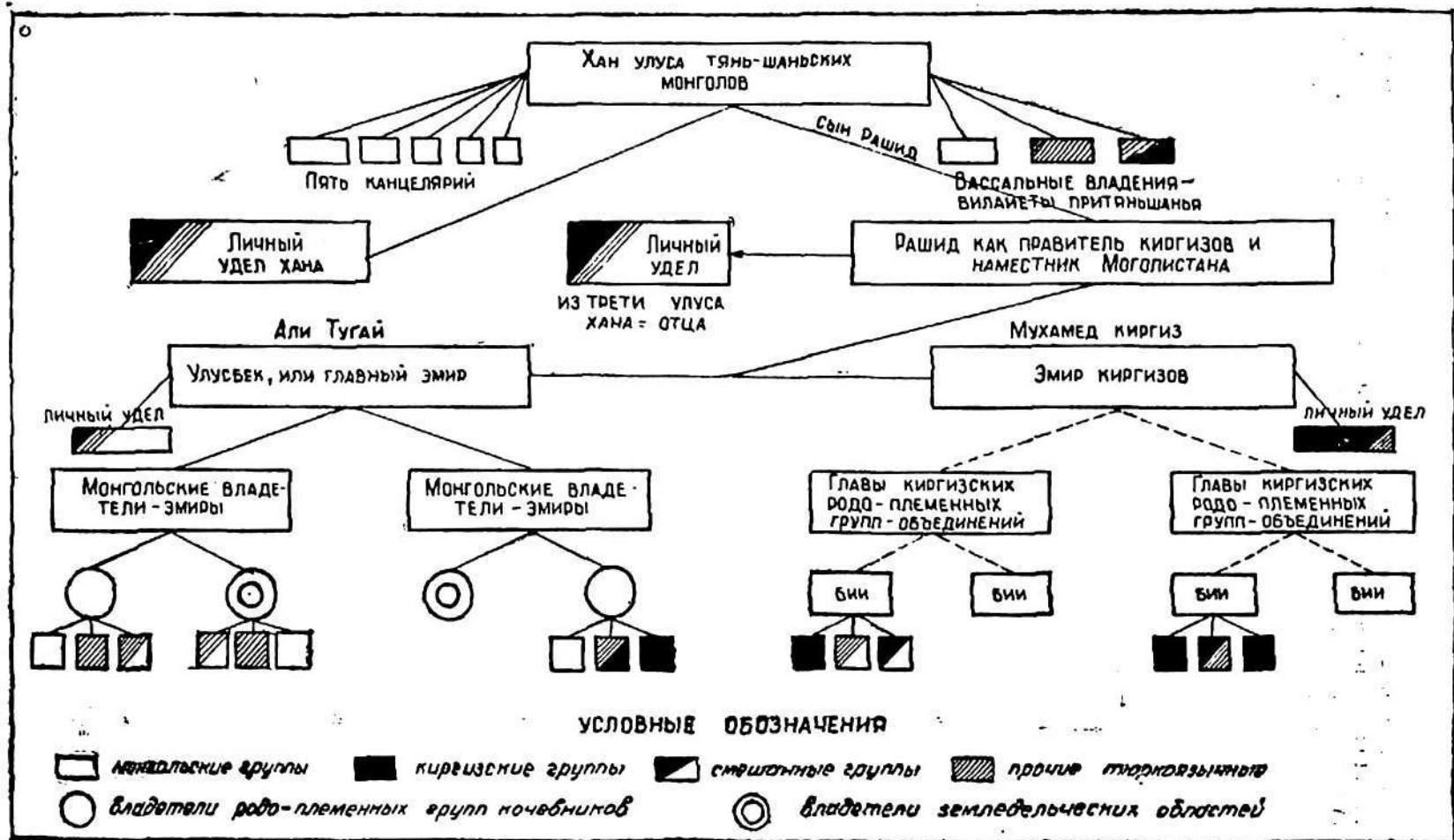
С конца XVI—начала XVII в., по мере перемещения киргизских племен с Тянь-Шаня в Кашгарию и Фергану, сопровождавшегося ассимиляцией здесь остатков монголов, киргизские бии стали занимать верхние ступени феодальной лестницы и в Кашгарии, и Фергане. Сначала они превращали правивших здесь эпигонов-чингизханидов (как ранее при Ахмеди на Тянь-Шане) в своих ставленников-марионеток, выступая сами как эмиры, беки и пр. должностные лица в качестве фактических правителей. Затем в Кашгарии вовсе упразднили институт ханов как верховных правителей, прикрывая узурпацию их власти «священным» авторитетом мусульманских ходжей. Скоро и они потеряли значение. В результате этого многие киргизские бии в начале XVIII в. стали выступать как независимые (или номинально зависимые от калмаков) правители основных земледельческих областей и городов Кашгарии; опорой им служили как местный феодально-государственный аппарат, так и родо-племенная организация их собственных племен. Сосуществование и переплетение последних между собою в пределах одного государственного образования, как и само совмещение биями правления собственными родо-племенными объединениями и земледельческими областями с крупными городами, представляют большой интерес. С возвращением большинства киргизских племен на Тянь-Шань при маньчжурской династии многие бии (не все) перестали совмещать правление.

Обратное перемещение на Тянь-Шань киргизских племен во второй половине XVIII в., совпадавшее с тенденциями к более прочному закреплению на определенных землях, явилось окончательным их расселением, последовавшим за завершением формирования киргизской народности.

Автор надеется, что отмеченные им общие закономерности в развитии социально-экономических и территориально-государственных отношений киргизов в период формирования их народности позволят в дальнейшем перейти к исследованию более конкретных проблем, не получивших освещения в настоящей работе.

Резюме

Китепте кыргыздардын түрк-монгол элдери менен болгон мамилелери, ичкиликтердин Тянь-Шанга келиши, кыргыздардын айрым кандыктары болгондугу, феодалдык бытырандылык доорунда ал кандыктардын ортосундагы мамилелер жана кыргыз коомунун таптык составы жөнүндө баяндалат.

Государственное устройство монголо-киргизского государства на Тянь-Шане во времена Саид-хана.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
	3
Глава I. Введение	7
Очерк территориально-государственных отношений кир- гизов в XIII—XVIII вв.	7
§ 1. Территориально-государственные отношения кир- гизских и монгольских племен Тянь-Шаня в XIII — середине XVI вв.	7
§ 2. Передвижения и расселение родо-племенных групп киргизов в период завершения формирования их на- родности (конец XV—XVIII вв.)	52
Глава II. Хозяйство	71
Глава III. Отношения собственности	89
Глава IV. Классы	111
Глава V. Государственное устройство	132
З а к л ю ч е н и е	166

Константин Иванович Петров
ОЧЕРКИ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ У КИРГИЗОВ
В XV—XVIII вв.

* * *

Редактор издательства *Е. А. Ревина*
Обложка художника *В. Ф. Роека*
Технический редактор *М. Г. Анохина*
Корректор *Л. М. Блюхман*

*

Подписано в печать 2/III 1961 г. Формат бумаги 60×90¹/₁₆.

Объем 11 п. л., уч.-изд. 10,5 л.

Д—03573

Заказ 41/1

Тираж 500 эк

Цена 74 коп.

*

г. Фрунзе, типография АН Киргизской ССР

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
12	21 сверху	указанные юрты	указанные улусы
14	16 сверху	Аньдагонь	Андагань
16	2 сверху	Каракума	Каракорума
22	15 сверху	Кобуга	Кобука
25	18 снизу	племен ^{*1}	племен ^{*4}
43	7 сверху	Мухаммеда киргизы	Мухаммеда-киргиза
47	14 сверху	Уг	Уч
57	23 снизу	сына, Сэнгэ	сына Сэнгэ
65	17 сверху	XVII—VIII	XVII—XVIII
75	13 сверху	XVI в.	XIV в.
76	3 снизу	рулопись	рукопись
80	19 сверху	Хэсыэ	Хэсыхэ
85	14 снизу	Джаулу	Джауку
92	8 сверху	на севере	на юге
123	16 сверху	хачаси	хагаси
125	16 сверху	ишикга	ишнк-ага
141	2 снизу	Тимура, а в	Тимура, в
145	9 снизу	киргизских	киргизок
146	22 сверху	цзи-сы ¹	цзи-сы ²
151	5—6	слияния с киргизами господствовавших на	слияния киргизов с господствовавшими на

Цена 74 коп.